

ЕЖЕГОДНИК
финно-угорских
исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 2

Ижевск
2011

Редакционный совет:

В. Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) – председатель
Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
В. И. Макаров (Йошкар-Ола, МарГУ)
Ю. А. Мишанин (Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева)
М. В. Мосин (Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева)
С. Сааринен (Финляндия, Туркусский университет)
К. Салламаа (Финляндия, Оулуский университет)
С. Тот (Эстония, Таллинский университет)
И. Л. Жеребцов (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
Е. П. Шеметова (Москва, МГУП)
Э. Тулуз (Франция, Институт восточных культур и цивилизаций, Париж)
В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН)

Редколлегия:

В. М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Н. Денисов (Санкт-Петербург)
М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
А. В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) – заместитель гл. редактора
Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ, ФУНОЦГТ)
Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ) – главный редактор
Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Г. Семенов (Ижевск, УдГУ)
Ю. В. Семенов (Ижевск, УдГУ)
И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
Н. А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
Г. Н. Шушакова (Ижевск, УдГУ)

Министерство образования и науки РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 2

Ижевск

2011

УДК 08
ББК 94.3
Е36

Главный редактор – *Н. И. Леонов*, доктор психологических наук, профессор,
проректор по научной работе УдГУ

Зам. главного редактора – *А. В. Ишмуратов*, кандидат педагогических наук,
доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – *Д. И. Черашняя*

Е36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 2 / Науч. ред.
Н. И. Леонов; сост.-ред. А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова;
отв. ред. Д. И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет»,
2011. – 158 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыту разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется специалистам-историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам учреждений культуры.

ISBN 978-5-904524-13-5

© Удмуртский государственный университет, 2011

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ	7
<i>Кондратьева Н. В.</i> К вопросу происхождения абессивного суффикса в удмуртском языке	7
<i>Пекшеева Э. И.</i> Ихтионимическая лексика марийского языка	14
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	21
<i>Денисов В. Н.</i> Вторая удмуртская экспедиция Фольклорного кабинета Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР	21
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	32
<i>Ермакова Г. А.</i> Картина мира чувашского этноса в семиотике языковых единиц лирики М. Сеспеля и Г. Айги	32
<i>Егорова Н. В.</i> Своеобразие художественно-публицистических форм мордовской прозы	40
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ	49
<i>Гагиева А. К.</i> Делопроизводственные документы центральных и местных учреждений Российской империи как источник по истории взаимоотношений коми с соседними народами в XVIII веке	49
<i>Шутова Н. И.</i> Дерево в традиционном удмуртском мировоззрении	56
<i>Ивишина М. В.</i> Некоторые аспекты гендерной коммуникации и этикета крестьянской семьи (вт. четв. XIX – нач. XX в.)	72
КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО	82
<i>Хрущёва М. Г.</i> Вальс и «вальсовость» в творчестве Александра Корепанова	82
ТЕХНОЛОГИИ, ИННОВАЦИИ	96
<i>Студитских В. В.</i> Институт родителей и его влияние на развитие личности ребенка в традиционной культуре удмуртов	96

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ	103
<i>Шадрин В. А.</i> Состояние и развитие лесов центральной части территории Удмуртии (на примере природнохозяйственной системы села Люк Завьяловского района)	103
Часть 2. Характеристика и экологическая ценность сообществ	103
ДИСКУССИИ, ГИПОТЕЗЫ	121
<i>Вереш П.</i> Современные проблемы междисциплинарного исследования в области финно-угроведения	121
ОТЗЫВ	137
<i>Ванюшев В. М.</i> Отзыв на диссертацию Т. И. Зайцевой «Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: человек и мир, эволюция, особенности художественного воплощения»	137
ЮБИЛЕИ	143
Наш юбиляр – профессор Виктор Васильевич Туганаев	143
Профессору, народному художнику Удмуртии С. Н. Виноградову – 75 лет	148
Его музыка приносит радость: страницы жизни и творчества композитора Александра Корепанова	150

Н. В. Кондратьева

**К ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
АБЕССИВНОГО СУФФИКСА
В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматриваются основные гипотезы происхождения и развития морфологического маркера падежа абессив в пермских языках. С точки зрения диахронического аспекта в структуре исследуемого суффикса предлагается выделять коаффикс *-tV*, генетически восходящий к финно-угорскому каритивному суффиксу **-tt(V) < *ур. -pt(V)* и коаффикс *-k*, восходящий к лативному суффиксу **-k*. Указываются основные причины сохранения ауслаутного *-k* в грамматической структуре удмуртского языка.

Ключевые слова: финно-угорские языки, удмуртский язык, падежная парадигма, абессив.

Система склонения современного литературного удмуртского языка состоит из 15 членов парадигматического ряда, 14 из которых находит аналогичные формы в системе коми языков. Близость коми и удмуртских падежных форм с точки зрения морфологической и семантической структуры позволяет сделать вывод о том, что падежная парадигма обоих языков сложилась большей частью в общепермский период, с одной стороны, унаследовав черты финно-угорской системы склонения, с другой – характеризуясь рядом новообразований, в частности: слиянием двух падежных суффиксов, слиянием падежного и словообразовательного суффиксов, изменением морфемного шва словоформы и др. В этом ряду не является исключением и морфологический маркер падежа абессив, представленный в современных пермских языках в следующих фонетических огласовках: удм. *-тэк*, коми-зыр. *-тӧг*, *-тэг* (*-тэгйа* / *-тӧгйа* / *-тӧгйи* – более позднее образование), коми-перм. *-тӧг*, *-тэг*, коми-язьв. *-тӧг*. Несмотря на близость консонантного обрамления исследуемого показателя в указанных языках, в финно-угроведении существует несколько гипотез относительно происхождения и развития абессивного маркера:

а) согласно академику Ф. Й. Видеманну, исследуемый суффикс генетически может быть связан с самостоятельной лексемой *тэк* 'спокойно, ничем не занимаясь': «Vielleicht lässt sich diesem Suffix noch ein selbständiges Wort zur Seite

stellen, mit dem es in Form und Bedeutung verwandt ist, nämlich *tek* ‘still, ruhig’, auch ‘müßig, unbeschäftigt’» [18. С. 34]. Лексема *тэк* в указанном значении встречается и в системе современного удмуртского языка: *Тэк пукыны секыт* (Гряз., 52). ‘Сидеть без дела сложно’; *Нош тй дышемьин калык азьын нунальёсын кылдэс тэк шерыса пукыны* (Гряз., 217). ‘А вы уже привыкли целыми днями сидеть без дела и точить ляды’; *Бен, лядьяське (пенсийн), нош тэк пукыны уг чида* (Загр., 378). ‘Да, она уже считается на пенсии, но сидеть без дела не может’. Однако с точки зрения семантической нагрузки падежа абессив в структуре современного субстантивного словоизменения удмуртского языка, данная гипотеза кажется маловероятной;

б) по мнению других исследователей, современный суффикс лишительного падежа – результат слияния двух (трех) элементов: каритивного суффикса *-t-* (генетически восходящего к уральскому каритивному суффиксу **-pt(V) > *tt(V)* [см. об этом: 8. С. 85; 12. С. 226; 3*. С. 30 и др.], элемента *-k*, а также, с точки зрения отдельных авторов, – соединительной гласной [см., напр.: 10. С. 181]. Коаффикс *-k* в этом ряду наиболее проблематичен с точки зрения определения его происхождения:

– так, одни исследователи считают коаффикс *-k* словообразовательным суффиксом, который следует возводить к финно-угорскому **k* или **ηk*. В частности, Й. Синнеи, рассматривая элемент *-g* в отглагольных формах венгерского (*-atag*, *-eteg*), коми-зырянского (*-ig*), удмуртского** языков и элемент *-ηk-* инфинитивных форм мансийского языка, приходит к выводу о генетической близости исследуемых форм и предлагает возводить их к словообразовательному суффиксу **ηk ~ *ηg*: «Mind a magyar és a permi *-g*, mind a vog. *-ηk-* képzőalakot fgr. **ηk ~ *ηg-re* vihetjük vissza, a ezt beiktathatjuk a fgr. egyszerű deverb. névszóképzők közé» [15. С. 167]. Этой же гипотезы придерживается М. Кёвеш [см. подробнее: 13. С. 379]. Опровергая ее***, Т. Уотила предлагает элемент *-k ~ -g* в структуре абессивного суффикса пермских языков возводить к прапермскому **k*: «Der auslaut in syrj. *teg*, wotj. *tek* [geht] auf vorperm. **k* zurück (...) Besonders ist zu beachten, dass hier auch in Pe. *g* vorkommt,

* «Торйодан падежлөн кыв йылыс (*-möz*) артмөма ф.-уг. каритивной суффиксысь (**-tta*) да ф.-уг. лативной формантысь (**-k*)» [3. С. 30].

** «Ez a *-g* képző megvan a votjában is, de mint főnévképző nagyon ritka. Wiedemann csak ezt a két (deverb.) származékot idézi: **puteg* (> **putek*) ‘spalt, riss’ (...), **sieg* ‘speise’. – Valószínű azonban, hogy azonos ezzel az olyan határozó-igenevekbeli *-k*, mint pl. **mi izikydy* ‘während wir schliefen’, **tatsi lyktykydy* ‘als ihr hieher kamt’ (...) (Vö. Wiedemann, Syrj. Gramm. 178, ahol eldöntetlenül van hagyva a votj. *-k* és a zürj. *-g* azonosságának kérdése)» [15. С. 166].

*** «Dies ist jedoch lautlich nicht möglich. Abgesehen von dem Vokalismus vor dem Palatalklusil bliebe bei dieser Auffassung der Wechsel syrj. *g*, Pe. *k*, wotj. *k* (< späturperm. **-k*) ~ syrj.-wotj. *g* (späturperm. **g*) unerklärt» [17. С. 128–129]. С нашей точки зрения, данная гипотеза также кажется малоубедительной уже в силу того, что если бы второй элемент абессивного суффикса образовался путем озвончения, вызванного деназализацией финно-угорского **ηk*, то в таком случае не только в коми, но и в удмуртском языке следовало бы ожидать возникновения коаффикса *-g* в морфологической структуре абессивного показателя.

währen dieselbe mundart in der oben behandelten endung des III. verbalnomens *k* zeigt (anderswo im syrj. g). In anbetracht dessen, dass die späturperm. **p* und **t* nach dem vokal einer nicht ersten silbe in Pe. erhalten sind (in den übrigen syrj. dialekten > *b*, *d*), scheint *k* in Pe. erwartungsgemäss zu sein. Worauf das *g* in Pe. *tæg* beruht, ist schwer zu ersehen. Auf einwirkung der anderen mundarten oder der wörter auf *eg* (s. unter **g*)» [17. С. 129];

– удмуртский лингвист П. Н. Перевощиков рассматриваемый элемент в структуре абессивных и деепричастных форм также соотносит со словообразовательным суффиксом, генетически связанным с такими словоформами, как *путэг* ‘трещина, щель’, *кесэг* ‘отрезок’, *шапык* ‘капля’, *кежесг* ‘спешка, суета’, *кезег* ‘лихорадка’ и др. [см. подробнее: 6. С. 53]. Однако на уровне фонетики и семантики данная гипотеза вызывает ряд сомнений;

– Д. В. Бубрих, исследуя происхождение и развитие падежа абессив в финском языке, считает, что в финно-пермском праязыке абессивный показатель уже содержал в своей структуре элемент *-k*: «особо стоит абессив на *-tta* (*-ttä*) (...) Этот падеж некогда оканчивался на *-k*, которое поглощалось притяжательными суффиксами. Без притяжательных суффиксов имело когда-то слабоступенную постановку, а с притяжательными суффиксами – сильноступенную. В настоящее время сильноступенная постановка обобщена» [1. С. 191]. Однако его гипотеза не находит поддержки у современных исследователей финской исторической грамматики, поскольку анализ диалектных материалов и языка письменных памятников XVII–XVIII вв. в структуре финского абессива также позволяет разграничить каритивный суффикс + лативный *-*k*: «Abessiivin pääte on nykyään *-tta*, mutta murteissa ja vanhassa kirjakielessä sen pääte on yleisimmin ollut *-tA** (< *tĭtAk*). Pääte sisältää ilmeisesti ikivanhan karitiivijohtimen (vrt. *kala-tto-ma*–) sekä latiivin **-pääteen*. Geminaatta *t*:llinen pääte on kirjakieleen vakiinnutettu vasta 1800-luvulla, toisaalta siksi, että geminaatta katsottiin historiallisesti alkuperäiseksi, toisaalta siksi, että abessiivin pääte haluttiin johdonmukaisesti erottaa vahva-asteista partitiivin päätteestä *-tA*, joka vielä 1800-luvulla oli selvästi yleisempi kuin nykyään» [11. С. 84]. Учитывая наличие/отсутствие элемента *-k* в структуре абессивных маркеров современных финно-угорских языков*, К. Хяккинен допускает также, что появление лативного суффикса в пермских и саамских языках может представлять собой более позднее явление: «Kuten esimerkit osoittavat, näyttää **ptAk*-tyyppiselle abessiivin päätteelle löytyvän vastineita mordvaan lukuun ottamatta kaikista suomalais-permiläisistä kielistä (mordvassa *-vtomo-/ -vteme-* päätteen alkuosa sisältää saman karitiivijohtimen), joten kysymyksessä saattaa olla hyvin vanha sijamuoto. Myöhäisemmän rinnakkaiskehityksen mahdollisuuskin on otettava tosin huomioon, sillä permiläiskielissä latiivin **-k* tai ylipäänsä sananloppuiset konsonantit eivät yleensä ole säilyneet niin hyvin kuin tässä tapauksessa näyttäisi olevan asianlaita» [11. С. 84];

* К. Хяккинен приводит следующие примеры: фин. *kalatta* ‘без рыбы’, кар. *kalatta* ‘без рыбы’, вепс. *kalata* ‘без рыбы’, вод. *kalatta* ‘без рыбы’, эст. *kalata* ‘без рыбы’; саам. *guoletâgâ* ‘без рыбы’ (< **kala-ptA-k-Vk/n*); мар. *kiitè* ‘без руки’; коми *vateg* ‘без воды’, удм. *ludtek* ‘без поля’ [см. подробнее: 11. С. 84].

– А. И. Емельянов, вслед за венгерским исследователем Э. Беке*, проводит генетические параллели между элементом *k* в структуре абессивного суффикса и деепричастным суффиксом на *-ку*, отмечая, что суффикс *-тэк* как в системе именного словоизменения, так и в деепричастных формах представляет собой сложное образование, где «*-te* суффикс отрицания и *-k* суффикс отглагольного имени на *kĭ* с усеченным окончанием**» [2. С. 126]. К аналогичным выводам – но уже с выявлением лативного характера второго элемента – приходят Т. И. Тепляшина и В. И. Лыткин: «суффикс лишительного падежа *-tek* состоит из финно-угорского каритивного суффикса **-tta* и лативного суффикса *-k*, посредством которого образуются отглагольные имена (деепричастия) на *-k* // *-g* (удм. *мыныку* // к-з. *мунігӧн* ‘когда шел’))» [5. С. 149].

Следует заметить, что именно эта гипотеза – или возведение второго элемента в морфологической структуре пермского абессива к лативному суффиксу **k* – получила наибольшее признание в современном финно-угроведении: «The Finnic-Permian adessive suffix *-ttak* which contains the same *tt*-element as occurs in the Estonian caritative adjective suffix *-tu* (< **-ttoin* : *-ttoma*), e.g. *saamatu*, Finnisch *saamaton* ‘clumsy, helpless’, is in all probability a former derivational suffix. The element *-k* of the abessive suffix is a lative suffix» [16. С. 201]. Подобной точки зрения придерживаются также В. И. Лыткин [3. С. 30], Г. А. Некрасова [4. С. 95], М. Корхонен [12. С. 226], К. Редей [14. С. 383], Р. Бартенс [8. С. 85], Ш. Чуч [10. С. 181] и др.

К. Редей объясняет сохранение согласного *-k* в ауслаутной позиции нерегулярностью процесса «выветривания» данного согласного: «Das auslautende **k* sollte durch Schwund vertreten sein, die Erhaltung des **k* ist unregelmässig» [14. С. 383]. Т. Утила выдвигает сразу две гипотезы относительно сохранения ауслаутного согласного в исследуемом маркере: с одной стороны, указанное явление объясняется как последствие неустоявшегося к тому времени морфопорядка притяжательных и падежных суффиксов, в результате которого абессивный суффикс оказывался в инлаутной позиции, закрепляя тем самым согласный *-k*: «In der possessiven deklination kommt die reihenfolge possessivsuffix + karitivendung im votj. und gewöhnlich auch im syrj. vor. In dieser sprache tritt jedoch mundartlich auch die reihenfolge karitivendung + possessivsuffix neben der umgekehrten auf: z.B. *pijsteg* ~ *pitegis*. Es ist annehmbar, dass die reihenfolge auch im urperm., zur zeit des schwundes von ausl. **-k*, schwankend war. In den formen mit dem possessivsuffix nach der kasusendung konnte **-k* sich bewahren» [17. С. 132]. С другой стороны, в качестве возможной причины сохранения в ауслаутной позиции элемента **-k* Т. Утила называет функциональную нагрузку рассматриваемого элемента: «Es ist möglich, dass das **-k* funktionswichtig war, und zwar dass es als funktionsträger

* «S ez nem egyedülálló a fgr. nyelvekben. Véleményem szerint a votj. *-tek*, *-tāk* és a zürj. *-teg* is hasonló eredetű, a mennyi ben a bennük levő *-k* elem azonos a *-k* deverbális névszóképzővel, a mely gerundivális szerkezetben fordul elő» [9. С. 427–428].

** В данном случае речь идет о деепричастных формах на *-ку* (диал. *-кы*), типа *бась-тыку* ‘покупая, получая’, *бертыку* ‘возвращаясь’ и др.

des kasus karitiv empfunden wurde» [17. С. 132]. Последняя гипотеза нашла также поддержку в работах Б. А. Серебренникова* [7. С. 13] и Ш. Чуча** [10. С. 182].

Подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что морфологический маркер абессива в пермских языках по своему происхождению относится к финно-пермскому периоду*** и состоит из двух компонентов: коаффикс **-tV* генетически восходит к уральскому каритивному суффиксу **-pt(V) > фин.-уг. *tt(V)*, а коаффикс *-k* представляет собой лативный суффикс **-k*. Сохранение данного коаффикса в ауслаутной позиции можно объяснить, скорее всего, его дистинктивной функцией, которая проявляется в двух рядах противопоставлений:

а) в оппозиции типа *дунтэм* 'дешевый' ~ *дунтэк* 'бесплатно', *коркатэм* 'бездомный' ~ *коркатэк* 'без дома' и др. Данное разграничение, которое строится на синтагматических отношениях (употребление в приименной/привербальной позиции), характерно и для системы современного удмуртского языка. В этом контексте удмуртский абессив является единственной падежной формой, которая употребляется только в приглагольной позиции (в отдельных случаях может также употребляться в предикативной функции в контексте с именными формами). Несмотря на невысокую дистрибутивную нагрузку и семантическое однообразие удмуртского абессива, данная падежная форма занимает активную позицию в падежной парадигме удмуртского языка, так как находит поддержку в аналогичном противопоставлении отглагольных форм: *вераськисьтэм* *адями* 'неразговорчивый человек' ~ *вераськытэк* *пукыны* 'сидеть молча (букв. не разговаривая)' и др.;

б) в противопоставлении двойного и одинарного отрицания в контексте с лексемами темпорального значения: *Выны гужемтэк öз вуы* 'Мой младший брат не вернулся, пока не наступило лето' ~ *Туэ пöсь гужемтэк кылим* 'В этом году остались без знойного лета'. Как можно заметить, именно в случае двойного отрицания более четко прослеживается лативное значение абессивного. Аналогичное противопоставление лативных форм встречается также в грамматической структуре деепричастных форм (см. Табл.).

Таким образом, наличие данных рядов смысловозначительных функций суффикса **-tV/k* (см. выше), а также давление со стороны закона непервого слога [см. об этом подробнее: 10. С. 182], унаследованного прапермским периодом от финно-угорского языка-основы, скорее всего, позволило предотвратить «выветривание» коаффикса **-k* в ауслаутной позиции в структуре абессивного суффикса удмуртского языка.

* «Элемент *g(k)* в окончании *-k* имел какую-то смысловую нагрузку, что также могло предохранять его от выпадения» [7. С. 13].

** «Hierbei kann auch die Tatsache eine Rolle gespielt haben, dass im Frühurpermischen sich mehrere Suffixe mit einer **t* + Vokal-Struktur entwickelt hatten. Da in dieser Zeit – wie bereits erwähnt – in den Suffixen nur drei Vokale (**y*, **e*, **a*) stehen konnten, die frei variierbar waren, muss es wohl ein Streben zur Vermeidung der Kommunikationsstörungen gegeben haben, das den Erhalt des **-k* fördern konnte» [10. С. 182].

*** Данная точка зрения представлена также в трудах М. Корхонена [12. С. 226], К. Хякиннен [11. С. 84], Ш. Чуча [10. С. 182] и др.

**Именные и глагольные формы, содержащие
в морфологической структуре лативный *-k**

Таблица

	Именные формы	Глагольные формы
*-k >	Со инвожсое бертэ 'Он/она возвращается в июне'	Дорысь ужме лэсьтыкум апае вуиз. 'Старшая сестра вернулась, когда я выполнял(а) домашнее задание'
*-tVk >	Со инвожсоетэк уз берты 'Он/она вернется не раньше июня'	Дорысь ужме лэсьтытэк, нокытчы уг мыны 'Пока не сделаю домашнее задание, никуда не пойду'

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Гряз.: Грязев Г. Г. Кирень куректон: Очеркъёс, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1996. 280 б.; **Загр.:** Загребин Е. Е. Тулыс зор: Пьесаос, веросьёс / Послесловиез А. Г. Шкляевлэн. Ижевск: Удмуртия, 1997. 416 б.; **коми-зыр.:** коми-зырянский; **коми-язьв.:** коми-язьвинский; **напр.:** например; **ausl.:** ауслаутная; **Ре.:** коми-пермяцкий; **pl.:** множественное число; **syrgj. ~ zürj:** коми-зырянский; **vorpern.:** прапермский; **wotj.:** удмуртский.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бубрих Д. В. Прибалтийско-финское языкознание: Избранные труды / Филологический факультет СПбГУ. СПб., 2005. 382 с. (Филологическое наследие).

2. Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Ленинград. восточный ин-т им. А. С. Енукидзе. Л.: Изд-во Ленингр. восточного ин-та, 1927. 160 с.

3. Лыткин В. И. Историческая морфология коми языка: Учебн. пособие. Пермь-Сыктывкар: Пермск. ун-т, 1977. 86 с.

4. Некрасова Г. А. Вежлӧг перым кывъясын: Пертас, вежӧртас, артманног: (Падежи в пермских языках: форма, семантика, происхождение). Велӧдчан небӧг. Сыктывкар, 2004. 118 с.

5. ОФУЯ 1976 – Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. М: Наука, 1976. 466 с.

6. Перевозчиков П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 328 с.

7. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.

8. Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2000. 376 s.

9. Beke Ö. A magyar tagadó képző // Nyelvtudományi Közlemények. 1909–1910 (XXXIX). Ol. 418–431.

10. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 ol.

11. Häkkinen K. Suomen kielen historia 1: Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa. Turku, 2002. 126 s. (= Turun yliopiston ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 69)

12. Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki: SKS, 1981. 378 s.

13. *Kövesi M.* A permi nyelvek ősi képzői. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1965. 432 ol.
14. *Rédei K.* Geschichte der permischen Sprachen // The Uralic Languages. Description, history and foreign influences / Denis Sinor (ed.). Leiden–New York–København–Köln, 1988. S. 351–394.
15. *Szinnyei J.* Egy finnugor deverb. névszóképző // NyK. 1923–27 (46). Ol. 161–167.
16. *Tauli V.* The Origin of Affixes // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1956. Bd. XXXII. S. 170–225.
17. *Uotila T. E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1933. 446 s.
18. *Wiedemann F. J.* Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 S.

Поступила в редакцию 12.03.2011

N. V. Kondratyeva

On Etymology of Abessive Suffix in Udmurt

The article deals with the hypothesis of the origin and development of the morphological marker of the Abessive case in the Permic languages. Diachronically the structure of this suffix includes an element *-tV* genetically connected with the Finno-Ugric suffix **-tt(V) < *Ur. -pt(V)* and an element *-k* connected with a lative suffix **-k*. The article explains why the final *-k* is preserved in modern Udmurt.

Key words: Finno-Ugric languages, Udmurt, case paradigm, Abessive.

Кондратьева Наталья Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент,
ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Kondratieva Natalia Vladimirovna,
Candidate of Science (Philology), associate professor,
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Э. И. Пекшеева

ИХТИОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

В лексике марийского языка ихтионимическая лексика занимает немаловажное место. Кроме исконных названий, она обогащается лексическими заимствованиями из татарского, чувашского и русского языков. По морфологической структуре в ихтионимах преобладают составные названия, из которых особенно отмечены производные наименования. В сложных ихтионимах по принципу номинации рыб преобладает внешний и морфологический признаки ихтионимов.

Ключевые слова: ихтионимическая лексика, исконные названия, лексические заимствования, морфологическая структура, принцип номинации, морфологический признак, составные и несоставные названия, производные и непроизводные наименования, сложные ихтионимы, финно-угорский пласт.

Ихтионимическая лексика марийского языка отражает одно из древнейших занятий марийцев – рыболовство. В марийском языке содержится более 70 слов, служащих названиями рыб и морских животных [8]. Сердцевину ихтионимической лексики составляют исконные названия. Еще в уральском периоде рыба имела важное значение в жизни народа, на что указывает наличие общего названия рыбы в финно-угорских и самодийских языках: **kala*, ф. *kala*, эс. *kala*, с. *quolle*, э.м. *кал*, х. *kul*, мс. *хӱл*, в. *hal*, сам.н. *хӱл'е* [12. С. 404]. Об этом же свидетельствуют общие названия рыб в финно-угорских языках. Например, венгерский ученый Г. Берецки включает в разряд финно-угорских следующие названия ихтионимической лексики: *вишкыле* ‘малявка’, *кодама*, *кадама* ‘пескарь’, *кылчак* ‘чехонь’, *ловал* ‘лещ’, *мӱктӧ* ‘пескарь’, *мен* ‘налим’, *нужгол* ‘щука’, *нуран* ‘стерлядь’, *сукмо* ‘подуст’, *тумыгол* ‘бешенка’, *шамба* ‘налим’, *шийгол* ‘сом’, *шеренге* ‘сорожка’ [3]. Сюда можно включить еще несколько названий рыб: *тото* л., в. *таты* г. ‘линь’.

В процессе исторического развития лексика марийского языка постоянно обогащалась иноязычными словами в результате многовековых политических, экономических и культурных связей марийцев с различными народами, но за-

имствование происходило и без соприкосновения одного народа с другим, а через посредство другого народа, другого языка. Так, многие слова западноевропейского происхождения вошли в марийский язык через посредство русского. Много заимствований в названиях рыб марийского языка отмечается в десяти-томном «Словаре марийского языка» [13]: из 101 названия рыб заимствования из русского языка составляют 33; в «Марийско-русском словаре» [11] из 54 названий – 23 заимствования; среди собранных в «Русско-марийском словаре биологических терминов» [1] из 77 названий рыб 25 заимствований и 7 калек. В «Марийско-русском словаре биологических терминов» [2] из 74 названий рыб 9 заимствований и 2 калки.

Многовековое соседство с тюркскими народами отразилось и в названиях рыб в виде лексических заимствований. Среди них заимствования из татарского языка занимают первое место [7. С. 22]. В основном они вошли только в лексику восточных говоров марийского языка, например: *агасак*, *агачак* в. ‘жерех’, *айзагол* в. ‘голавль’, *карака*, *кяркә* сз. ‘карась круглый или золотой’ л., в. *мен*, *менкол* ‘налим’, *талдаш* ‘густера’, *чавак* ‘плотва, сорожка’, *чортан* ‘щука’ ср.: вбр., блтч., лвлж., мрк. – шурунок. л.срн. с’ортан тж., блб. – тат. *чуртан* тж., алт. *чортон*, кирг. *шортан*, башк. *суртан* ‘щука (большая старая)’ [8. С. 180]. Как видно из приведенных параллелей, в форме и семантике наименований больших расхождений не наблюдается. По мнению Н. И. Исанбаева, *чүгәкол* в. прибел. ‘стерлядь’ татарское заимствование: тат. *чōга* ‘стерлядь’, башк. *сōгә*, чув. *сёкё*, турк. *чōке* [8. С. 182].

Значительное место в наименованиях рыб занимают также чувашские заимствования: *оланге* л., *алангы* г., *аланкы* сз. ‘окунь’, (имеются наименования с аналогичным способом номинации в чув. *уланка* (ула ‘пестрый, пятнистый’ + -нка), тат. *алабуга* (ала ‘пегий, пятнистый’ + буга ‘бык’, букв. пятнистый бык), *пардаш*, *пәрдаш* ‘язь’: чув. *партас* ‘голавль’, тат. *бәртәс* ‘налим’, *бәртәч* = *бәртәс* [18. С. 207], *птыр* г. уст. ‘вьюн’ [18. С. 212], ср. чув. *пётёре*: *ыраш пётёри* / *пётри* ‘пескарь’; *ыраш пәтри* ‘название маленькой большеголовой и большебрюхой рыбки’; *ыпаш пулли* ‘название маленькой юркой покрытой слизью рыбы без чешуи’ = *ырашпәтри* ‘пескарь’ [20. С. 629], *сүгө*, *сүгыгол* ‘стерлядь’ ср. чув. *шёке*, *сёке* *пулă* / *полă* (нов. сл.) < мар. *сүгыгол* / удм. *чуке* < тат. *чүгә* ‘стерлядь’ [19. С. 169; 18. С. 280]. Г. В. Лукоянов между чувашскими и марийскими словами ставит знак равенства, отмечая, что “в тюркских языках однокоренного слова не обнаружено” [10. С. 61]. Возможно, что мар. *сүгө* финно-угорского происхождения, так как есть параллели в других родственных языках: у. *чей*: *пы чей* ‘короед’, к. *чөй*: *пу-чөй* ‘тж’ [12. С. 416], *кырш*, *кырыш* ‘ерш’ ср. чув. *кяртәс* ‘ерш’, тат. *кыртыш* ‘ерш’ [18. С. 192]; *чабак* ‘чебак, лещ’ *супах* ‘лещ’: азерб. *чапаг*, узб. *чаваг*, башк. *сабак*, тат. *чабак*, казах. *шабак* ‘плотва’: ср. – перс. *чәпәг* ‘лещ’ [6. С. 219], что, кроме чувашского языка, налично и в других тюркских языках. Этого мнения придерживается Фасмер. По его мнению, мар. *чабак* – заимствование из тюркских языков: *čabak* ‘плотва, определенная маленькая рыбка’ [16. С. 322]. Следующее название – *шла*, *шлагол*, *шыла*, *шылагол*, *сыла* в. прибел ‘судак’ – ср. чув. *шала* (пула) ‘судак’, венг. *süllö* ‘судак’, башк. *һыла* ‘судак’ [6. С. 333; 18. С. 247]. Чувашские заим-

ствования вошли в основном в горное наречие марийского языка, например: *шувач* г. 'синец'.

Многочисленны заимствования из русского языка, вошедшие в марийский язык относительно в более поздний период. К наименованиям рыб, вошедшим в марийский из русского языка, можно отнести следующие: *акула* 'акула' < рус. *акула* 'крупная хищная морская рыба с веретенообразным телом, большим ртом, расположенным на нижней стороне головы' [14. С. 20], *вобла* 'вобла' < рус. *вобла* 'морская промысловая рыба' [14. С. 243], *жерех* 'жерех' < рус. *жерех* 'пресноводная хищная промысловая рыба сем. карповых' [14. С. 653], *камбала* 'камбала' < рус. *камбала* 'промысловая морская рыба с глазами на одной стороне' [14. С. 26], *карп* 'карп' < рус. *карп* 'пресноводная костистая рыба, покрытая крупной темно-золотистой чешуей; разновидность сазана' [14. С. 43], *кета* 'кета' < рус. *кета* 'морская промысловая рыба сем. лососевых' [14. С. 59], *килька* 'килька' < рус. *килька* 'небольшая промысловая рыба сем. сельдевых' [14. С. 61], *лосось* 'лосось' < рус. *лосось* 'морская промысловая рыба с мясом розоватого цвета' [14. С. 271], *минога* 'минога' < рус. *минога* 'рыбообразное животное с голым змеевидным телом' [14. С. 374], *минтай* 'минтай' < рус. *минтай* 'мелководная рыба из сем. тресковых, обитающая в северной части Тихого океана' [15. С. 1026], *навага* 'навага' < рус. *навага* 'морская промысловая рыба сем. тресковых' [14. С. 452], *сазан* 'сазан' < рус. *сазан* 'речная промысловая рыба сем. карповых' [14. С. 14], *скупбрий* 'скупбрия' < рус. *скупбрия* 'небольшая морская промысловая рыба с веретеновидным телом; макрель' [14. С. 174], *тарань* 'тарань' < рус. *тарань* 'промысловая рыба сем. карповых, разновидность плотвы' [14. С. 465], *треска* 'треска' < рус. *треска* 'промысловая рыба северных морей' [14. С. 556], *форель* 'форель' < рус. *форель* 'рыба сем. лососей с красными и черными пятнышками, водящаяся в горных речках, в ручьях и озерах' [14. С. 788], *хек* 'хек' < рус. *хек* 'морская рыба сем. тресковых' [14. С. 248], *чавыча* 'чавыча' < рус. *чавыча* 'дальневосточная промысловая рыба сем. лососевых' [14. С. 889].

Кроме того, в диалектах и говорах имеют место такие заимствования из русского языка, как *пескар* (лит. *mūktō*) < рус. *пескарь* 'мелкая речная рыба сем. карповых' [14. С. 156], *вобыл* г. 'вобла', *юн*, *юнгол* г., *вьюн кол*, *вйун* г. (д. сосн.), *йунгол* г., *вйункол* сз., *йуникол туж*. 'вюн' < рус. *вюн* 'пресноводная, очень подвижная рыба с удлинённым червеобразным телом, покрытым чешуей или без чешуи' *жерык* г. 'жерех', *карас* г. *карас'* сз. < рус. *карась* 'пресноводная рыба сем. карповых с красными плавниками' [14. С. 39], *подузы* г. 'подуза, подуст' < рус. *подуст* 'рыба из рода чебаков' [5. С. 213], *льоша*, *л'ош* д. 'лещ' < рус. *лещ* 'пресноводная рыба сем. карповых с плоским телом' [14. С. 242], (русское слово адаптировалось по фонетическим законам марийского языка ш < щ, так как звук щ не характерен для исконной фонетической системы), *чакон*, *чокон*, *чоконь*, *чакон* г., *чахонь* 'чехонь' < рус. *чехонь* 'промысловая стайная рыба сем. карповых' [14. С. 924], *селедко* 'селедка, сельдь' < рус. *сельдь* (разг. *селедка*) 'небольшая морская рыба' [14. С. 102], *стерляк* г. 'стерлядь' < рус. *стерлядь* 'ценная промысловая рыба сем. осетровых' [14. С. 362], *судок* г. 'судак' < рус. *судак* 'ценная промысловая рыба сем. окуневых' [14. С. 410], *шоврига* л., *шдврига* г. 'севрюга' < рус. *севрюга* 'ценная промысловая рыба сем. осетровых' [14. С. 94], *шопа* 'белоглазка, сопа' < рус. *сопа* 'озерно-речная рыба сем. карповых;

синец' [15. С. 288], *язга* диал. 'язь' < рус. *язь* 'пресноводная рыба сем. карповых' [14. С. 1071], *лен'* 'линь' < рус. *линь* 'пресноводная рыба с толстым, сжатым с боков слизистым телом и круглыми плавниками' [14. С. 249], *тискун* сз. 'вьюн'. В красноуфимском говоре марийского языка употребляется название *йорш* < ёрш [9. С. 58].

Несмотря на большое количество заимствований в системе ихтионимической лексики, основную часть ее составляют собственно марийские названия. К их числу можно отнести: *ошкол* 'белуга', *вўргеньыкол* 'форель', *кишкыгол* 'вьюн', *косоргол* л., *косаргол* г. 'чехонь, вид речной рыбы', *лўлпыгол* 'гольян речной', *некрагол* 'осетр', *нужгол* 'щука', *одыгол* 'судак', *кечыгол* 'солнечник', *шемгол* 'линь', *шийгол* л., *шигол* г. 'сом', *шапкагол* 'уклейка', *шўртньыгол* 'золотая рыбка', *пўртишыгол* г. 'селдь волжская', *ўдыргол* 'пескарь', *нурангол* 'стерлядь', *сўангол* 'красноперка', *сывынгол* 'красноперка', *тумыгол* 'голавль', *кўвуй* 'подкаменщик', *кўртньывуй* 'подкаменщик', *парсынишудыр* г. 'красноперка', *шемишудыр* л., *шимшиылдыр* г. 'лещ', *йошкаршудыр* л., *якшаршылдыр* г. 'красноперка', *якшарсўйнзй* г. 'плотва, сорожка'. *пунтўрвў*, 'голец, усач', *ошманюго* 'пескарь', *пинюго* 'щиповка обыкновенная', *изивийшыле* 'верховка'.

При наименовании каждого предмета и явления, как правило, выделяются определенные черты, позволяющие их классифицировать. Из множества признаков выбирается наиболее выразительный, самый характерный, который и ложится в основу наименования. Ихтионимы марийского языка получили названия по нескольким признакам. Основным из них является внешний вид рыбы и ее частей.

1. Основа – цветовой признак:

ошкол 'белуга' < *ош*, *ошо* 'белый' + *кол* 'рыба' – букв. 'белая рыба';

шемгол 'линь' < *шем*, *шеме* 'черный' + *кол* 'рыба' – букв. 'черная рыба';

шийгол л., *шигол* г. 'сом' < *ший* л., *ши* г. 'серебро, серебряный' + *кол* 'рыба' – букв. 'серебряная рыба';

шапкагол 'уклейка' < *шапка* 'бледный, блеклый, тусклый' + *кол* 'рыба' – букв. 'бледная рыба';

йошкароланге 'морской окунь' < *йошкар* 'красный' + *оланге* 'окунь' – букв. 'красный окунь';

ошкарака 'карась серебряный' < *ош*, *ошо* 'белый' + *карака* 'карась';

вўргеньыкол 'форель' < *вўргене* 'медь' + *кол* 'рыба' – букв. 'медная рыба'.

2. Основа – морфологический признак рыб:

а) ассоциация с живыми существами внешнего мира:

кишкыгол л., *кўшкыгол* г., *кўшкыгол* сз. 'вьюн' (по сходству со змеей);

кишкынюго 'мелкие рыбы семейства вьюновых' (по сходству со змеей);

колгайык 'летучая рыба' (по сходству с птицей);

пийгол, *пинюго* 'щиповка обыкновенная', *пийоланге*, *пийгырыш* 'ерш'.

В татарском языке со словом *эт* 'собака' образовано множество названий рыбешки-вьюна: *эт балыгы*, *этли балык* и др. Слово *эт* 'собака', выступающее в качестве определителя, показывает несъедобность рыбы, так как ее мясо в пищу не употребляется;

б) ассоциация с предметами и явлениями внешнего мира:

косоргол л., *косаргол* г. 'чехонь' < *косор*, *косар* 'косарь' + *кол* 'рыба';

ўшвуй 'головастик' < *ўш* 'колотушка, дубина' + *вуй* 'голова';

охырец кол г. 'снеток' < *охырец* г. 'огурец', *шўльымольо* 'верховка, овсянка' < *шўльō* 'овес';

в) особенности строения тела рыбы, его частей:

чара нюго 'голец', *шўман нюго* 'пескарь', *име-кол* л., *имкол* г. 'игла-рыба', *кўвуй* 'подкаменщик', *кўртньывуй* 'подкаменщик', *парсынишудыр* г. 'красноперка', *шемишудыр* л., *шимшылдыр* г. 'лещ', *йошкаршудыр* л., *якшаршылдыр* г. 'красноперка', *якшарсўнзй* г. 'плотва, сорожка', *пунтўрвō* 'голец, усач', *сўангол* 'красноперка', *сывынгол* 'красноперка', *сōрмаривате* 'красноперка', *сўанмарийвате* 'красноперка'.

3. Основа – место обитания:

ошмагол 'бычок, ерш' < *ошма* 'песок' + *кол* 'рыба';

ошманюго 'пескарь' < *ошма* 'песок' + *нюго* 'мелкая рыба, мелюзга';

кўнюго 'гольян речной' < *кў* 'камень' + *нюго* 'мелкая рыба, мелюзга';

кўвал 'гольян речной' < *кў* 'камень' + *вал* 'верх, поверхность, верхний';

тенызоланге 'морской окунь' < *теныз* 'море' + *оланге* 'окунь';

теныз конек 'морской конек' < *теныз* 'море' + *конек* 'конек'.

4. Основа – размер тела рыбы:

изивишкыле 'верховка' < *изи* 'маленький' + *вишкыле* 'уклейка' – букв. 'маленькая уклеика';

пычинуж 'шуренок' < *пычи* + *нуж* 'щука';

нужиге 'шуренок' < *нуж* 'щука' + *иге* 'детеныш'.

шўльымольо 'верховка, овсянка' < *шўльō* 'овес' + *мольо* 'мелкая рыба, мелюзга'.

По своей морфологической структуре ихтионимы марийского языка делятся на составные и несоставные. Составные названия, в свою очередь, представлены производными и непроизводными. К непроизводным относятся древние наименования, например: *мўктō* 'пескарь', *кодама* 'пескарь', *тото* 'лινь'. К числу производных – названия, в образовании которых участвуют различные словообразовательные суффиксы.

-нге (-нкы, -нгы):

оланге л., *алангы* г., *аланкы* сз. 'окунь' < *ола*, *ала* 'пестрый, пятнистый' + словообразовательный суффикс -нге (-нгы, -нкы), *шеренге*, *шйрйнкы* 'плотва, сорожка' от *шере* 'сладкий' + -нге (-нкы).

-ынчо (-ынцы):

мокшынчо л., в. *мокшынцы* сз. 'налим' от *моки* 'печень' + -ынчо (-ынцы). По происхождению суффикс -ынчо (-ынцы) сложный, возник из двух финно-угорских суффиксов: -* *n'e*, и -* *ie* с уменьшительным значением [4. С. 17–18].

-ле:

В современном марийском языке суффикс -ле относится к числу мертвых и восстанавливается лишь путем сравнительного анализа [4. С. 22]. Замечен в составе только одного названия ихтионима: *вишкыле* л., в. 'уклейка'.

Сложные ихтионимы образуются при сложении двух основ:

1. Сочетание существительное + существительное:

косоргол л., *косаргол* г. 'чехонь' (*косор*, *косар* + *кол*); *ошмагол* 'бычок, ерш' (*ошма* + *кол*); *ошманюго* 'пескарь' (*ошма* + *нюго*); *кўнюго* 'гольян речной' (*кў* + *нюго*), *кокшаоланге* 'ерш' (*кокша* + *оланге*) и т.д.

2. Сочетание прилагательное + существительное:

ошкол 'белуга' (*ош*, *ошо* + *кол*), *шемгол* 'линь' < *шем*, *шеме* + *кол*), *шийгол* л., *шигол* г. 'сом' (*ший*, *ши* + *гол*), *йошкаршулдыр* л., *якиаршылдыр* г. 'красноперка' (*йошкар/якиар* + *шылдыр*), *якиарсӱнзӱ* г. 'плотва, сорожка' (*якиар* + *сӱнзӱ*).

Следует отметить, что основную часть ихтионимической лексики марийского языка составляют собственно марийские названия, по морфологической структуре являющиеся в основном сложными наименованиями. По принципу номинации ихтионимической лексики доминируют внешний признак рыб (окраска тела или частей тела), морфологический признак (ассоциация с живыми существами внешнего мира или – ассоциация с предметами и явлениями внешнего мира, особенности строения тела и его частей), место обитания и размер рыбы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

азерб. – азербайджанский язык; алт. – алтайский язык; башк. – башкирский язык; блт. – балтачевский говор восточного наречия; в. – венгерский язык; вбр. – бирский говор восточного наречия; г. – горное наречие марийского языка; д. сосн. – деревня Сосновка; казах. – казахский язык; кирг. – киргизский язык; л. – луговое наречие марийского языка; лит. – литературный язык; лволж., мрк. – волжский и моркинский говоры лугового наречия; лсрн., блб. – сернурский говор лугового наречия; мс. – мансийский язык; мар. – марийский язык; перс. – персидский язык; прибал. – прибалтийский; рус. – русский язык; с. – саамский язык; сам. – самодийский язык; сз. – северо-западное наречие марийского языка; тат. – татарский язык; туж. – тужинский говор северо-западного наречия марийского языка; турк. – туркменский язык; узб. – узбекский язык; ф. – финский язык; х. – хантыйский язык; чув. – чувашский язык; э.м. – эрзя мокша; эс. – эстонский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Балдаев Х. Ф. Русско-марийский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. 103 с.
2. Балдаев Х. Ф. Марийско-русский словарь биологических терминов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 136 с.
3. Берецки Г. Финно-угорские элементы в лексике марийского языка: Автореф. дис. к. фил. н. Л., 1957.
4. Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 1. Йошкар-Ола, 1966. 168 с.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.-Л., 1882. 555 с.
6. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1964. 335 с.
7. Исанбаев Н. И. Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1978. С. 3–51.
8. Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Йошкар-Ола, 1994.
9. Кузлин А. Н. Русские лексические заимствования в Красноуфимском говоре марийского языка // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1978.
10. Лукоянов Г. В. Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары, 1973. 119 с.

11. Марийско-русский словарь. М., 1956.
12. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.
13. Словарь марийского языка: в 10 т. / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 1991–2005.
14. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР Ин-т языкозн.; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1957.
15. Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. М.-Л., 1957. 1459 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4 т. М., 1964.
17. Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками финно-угров Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965.
18. Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / Под редакцией И. С. Галкина. Саранск, 1990. 336 с.
19. Федотов М. Р. Материалы к этимологическому словарю чувашского языка. Чебоксары, 1992. 179 с.
20. Чувашско-русский словарь. М., 1985. 712 с.
21. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 255 с.
22. Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. 287 с.

Поступила в редакцию 11.04.2011

E. I. Peksheeva

Ihtionymical lexics (vocabulary) Mari language

In the vocabulary of the Mari language ihtionym lexicon is of great importance. In addition to ancestral names ihtionym vocabulary is enriched by loan words from the Tatar, Chuvash and Russian languages. According to the morphological structure of ihtionyms, composite name is dominated. Among the component names it is necessary to note the name of the derivatives. In complex ihtionyms, on the basis of the nomination of fishes the outer and morphological characteristics of ihtionyms is dominates.

Keywords: ihtionym vocabulary, native title, lexical borrowing, morphological structure, the principle of nomination, morphological traits, compound and non-compound name, derivatives and non-derivative items, complex ihtionyms, Finno-Ugric formation.

Пекшеева Эльвира Ивановна,
младший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ
г. Йошкар-Ола
E-mail: marnii@mari-el.ru

Peksheeva Elvira Ivanovna,
junior research associate of the language department
Mari research institute of language, literature and history
Yoshkar-Ola
E-mail: marnii@mari-el.ru

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398(470.51)

В. Н. Денисов

ВТОРАЯ УДМУРТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО КАБИНЕТА ИНСТИТУТА АНТРОПОЛОГИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АН СССР

Статья посвящена работе фольклорной экспедиции с участием сотрудника сектора искусств УдНИИ В. А. Пчельникова в июне 1937 г. в Селтинском и Увинском районах Удмуртии. Он участвовал в ней по заданию Фольклорного кабинета Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР в рамках подготовки сборника «800 песен народов СССР». В результате этой работы на фонограф было записано 66 удмуртских мелодий от 24 исполнителей.

Ключевые слова: Селтинский и Увинский районы Удмуртии, фольклорная экспедиция, Фонограммархив, фонограф, восковые валики, исполнители, традиционные музыкальные инструменты.

В марте 1937 г. по заданию Фольклорного кабинета Института антропологии, археологии и этнографии (*сокращенно ИАЭ*) АН СССР на территорию Удмуртии была направлена фольклорная экспедиция, которую возглавил Яков Андреевич Эшпай – заслуженный деятель искусств Марийской АССР, кандидат искусствоведения, исследователь марийских народных песен. Он работал в то время научным сотрудником Марийского института языка, литературы и истории в Йошкар-Оле и уже был известен далеко за пределами своей республики. В составе фольклорной экспедиции были также представители Удмуртии: М. П. Петров, удмуртский прозаик, поэт, драматург, член СП СССР, В. И. Алатырев, научный сотрудник Ленинградского Института Языка и Мышления и сотрудник УдНИИ А. Н. Клабуков. В задачу экспедиции входило проведение записей удмуртского песенного фольклора на восковые валики на фонографе Эдисона. Этот материал был необходим для подготовки многотомного труда «Песни народов СССР» (в рабочем варианте этот сборник назывался – «800 песен народов СССР»). Вся эта огромная собирательская работа, которую вели по всей стране свыше 20 песенных экспедиций, шла под руководством заведующего Фольклорным кабинетом, известнейшего музыковеда Е. В. Гиппиуса, главного редактора данной музыкально-фольклорной серии и научного сотрудника этого же кабинета З. В. Эвальд.

В процессе работы над сборником для собирателей удмуртского фольклора были разработаны ориентировочные данные о жанрах, на которые необходимо было обратить внимание при сборе песенного материала. В архиве Пушкинского Дома находится папка № 29, в которой сохранились рабочие материалы первой и второй экспедиций, переписка ее участников с сотрудниками Фольклорного кабинета, а также черновики сборника «800 песен народов СССР» [1]. Там и находится список песенного материала, который рекомендовалось собрать для удмуртского сборника:

I. Для сборника:

1. Песни о прошлой тяжелой жизни (песни батраков, сирот) – 10.
2. Рекрутские и солдатские песни – 8.
3. Тюремные и каторжные песни (о беглых солдатах) – 6.
4. Любовные песни – 15.
5. Цикл свадебных песен (в том числе застольные и гостевые) – 15.
6. Песни о Ленине и Сталине – 10.
7. Красноармейские и оборонные песни – 8.
8. Колхозные и заводские песни, песни о счастливой жизни – 8.
9. Инструментальная музыка:
 - а) гусли (плясовые, эпические, лирические и свадебные наигрыши) – 6;
 - б) пузырь-волынка*, плясовые наигрыши – 6;
 - в) свирель (лирические и пастушеские наигрыши) – 8;
 - г) балалайка – 5;
 - д) гармонь: вятка и тальянка – 10;
 - е) скрипка – 10.

II. Для исторического изучения удмуртской народной музыки:

Песни, связанные с пережитками:

- а) религиозно-магические;
- б) семейной обрядности;
- в) производственной обрядности [2].

Фольклорная экспедиция под руководством Я. А. Эшпая работала на территории Удмуртии с 17 по 29 марта 1937 г. и записала на восковые валики 152 песни различных жанров [3]. После завершения работы экспедиции материалы были доставлены в Фольклорный кабинет ИАЭ, расшифрованы и тщательно проанализированы его сотрудниками. По разным причинам не весь собранный первой экспедицией материал оказался пригодным для сборника. Кроме того, главный редактор сборника музыкально-фольклорной серии Е. В. Гиппиус «...не вполне был удовлетворен результатами экспедиции, поскольку собиратели, как это было характерно для 20–30 годов, недостаточно обратили должного внимания на обрядовый фольклор, составляющий основу музыкальной традиции удмуртов» [4]. 17 мая 1937 г. в Фольклорном кабинете ИАЭ состоялось совещание об утверждении списка удмуртских песен для включения в трехтомник «800 песен народов СССР» [5]. На этом совещании присутствовал также приехав-

* Этот инструмент в Удмуртии был известен под названием «быз».

ший в командировку в Ленинград В. А. Пчельников, который к тому времени возглавлял сектор искусств УдНИИ. Он принимал активное участие в отборе песенного материала для сборника, собранного первой экспедицией, и проявил себя как хороший знаток удмуртского песенного фольклора. Судя по всему, он также понял, какой дополнительный песенный материал требуется собрать для сборника. Поэтому руководители Фольклорного кабинета ИАЭ приняли решение просить руководство УдНИИ командировать именно В. А. Пчельникова для проведения дополнительных записей. Таким образом, он оказался участником второй удмуртской экспедиции Фольклорного кабинета ИАЭ.

Местом записи материалов для своей экспедиции В. А. Пчельников выбрал два соседних района Удмуртии – Селтинский и Увинский. В некоторой степени это было продиктовано отсутствием достаточного количества песен из средней полосы республики, собранных первой экспедицией. Кроме того, можно предположить, что собиратель сам был родом из этих мест и хорошо знал лучших народных исполнителей в этом регионе. После возвращения из Ленинграда у него практически не было времени для организации экспедиции, но в Селтинском районе, например, всего лишь за два дня ему удалось найти нужных исполнителей и быстро организовать процесс записи.

Часть исполнителей проживала непосредственно в районном центре Селты, исполнителей В. А. Пчельников пригласил из близлежащих деревень – **Кельмовыр-Жикъя, Иткулат, Мугло**, расположенных в пределах 10–15 км от районного центра. Всего в этом районе было записано 44 песни от 14 исполнителей, возраст которых варьировал от 19 до 63 лет.

Как и во время работы первой экспедиции, информация о записях на восковые валики вносилась на отдельные вкладыши, на одной стороне которых указывались: а) номер записи; б) место записи; в) дата записи; г) тип фонографа и скорость записи, а на другой – названия песен или наигрышей, инструмент(ы), фамилии и инициалы исполнителей, их возраст, а иногда профессия или место работы. Помимо вкладышей В. А. Пчельников также вел на отдельных листах опись записанного материала. Эти данные значительно скромнее тех описей, которые вел М. П. Петров во время первой экспедиции, но они позволили, тем не менее, составить подробный список собранных песен, мелодий и исполнителей, приведенный в конце статьи.

В Увинском районе В. А. Пчельников за три дня посетил четыре населенных пункта: станцию **Ува**, д. **Силья**, д. **Чабишур** и д. **Удмурт-Тукля**, которые расположены в пределах 12–15 км от районного центра Ува. В этом районе собиратель записал 24 песни от 10 исполнителей в возрасте от 23 до 63 лет. Преимущественно это были песни в хоровом или сольном исполнении. Интересно отметить, что имена некоторых исполнителей встречаются в списках как первой, так и второй экспедиции. Это, например, Боброва Евдокия Ивановна, учительница средней школы из с. Ува, руководитель удмуртского хора в д. Удмурт-Тукля, с успехом выступавшего на республиканской декаде удмуртского искусства в марте 1937 г. [6]. Именно тогда этот хор и выступление самой Евдокии Ивановны записала первая фольклорная экспедиция под руководством Я. А. Эшпая. Но у В. А. Пчельникова в записях на вкладыше к восковому валику она значится как житель д. Удмурт-Тукля.

Если в Селтинском районе собиратель записал достаточно много инструментальных наигрышей, то в Увинском районе – только одну мелодию, которую исполнил на скрипке А. Шарипов из с. Ува. Но самому Пчельникову эта запись не понравилась, поэтому в письме В. Ф. Коукаль, сотруднице ИАЭ, редактору Удмуртского песенного отдела сборника «800 песен» он пишет следующее: «...работу закончил, в основном, осталось записать “быз” (волынку). Записаны: гармонь, бубен, чипчирган, узьы гумы и скрипка (скрипка записана очень плохо, но другого выхода не было). Записано много старинных песен. В том числе, 3 – охотничьих, 3 – бортнич(ь)их (пчеловодные), много свадебных, гостевых и из цикла *pöртмаськон*, есть и шуточные. Записана современная сплавная и гуляние допризывников.

...В технике записи имеются ряд недостатков – большим недостатком считаю дрожание и колебание трубы. На некоторых валиках имеются царапинки. Некоторые песни записаны без соответствующего интервала. На все это отразилось отсутствие опыта, особенно в подвешивании трубы и расстановке исполнителей» [7].

К сожалению, в материалах собирателя не обнаружены записи игры на старинном инструменте «быз». Между тем, запись этого уникального музыкального инструмента сейчас очень трудно найти в звуковых архивах.

В целом очевидно, что В. А. Пчельников не имел достаточного опыта работы с фонографом Эдисона, хотя, судя по материалам переписки участников удмуртской фольклорной экспедиции с сотрудниками ИАЭ, в УдНИИ были свои собственные фонографы. Так, 20 сентября 1937 г. В. А. Пчельников, будучи уже временно исполняющим обязанности директора УдНИИ, в письме к зав. музыкальной секцией Фольклорного кабинета ИАЭ Е. В. Гиппиусу пишет: «...наши фонографы, принадлежности к ним и валики оставлены на хранении в Фольклорном кабинете ИАЭ. Надеемся, что они у Вас хранятся в полном порядке. В октябре месяце этого года за ними приедет наш представитель» [8]. В дальнейшем история этих фонографов неизвестна, как неизвестна и судьба самого В. А. Пчельникова – после 1937 г. в документах УдНИИ его имя больше не встречается.

Таким образом, экспедиция В. А. Пчельникова, работая только в двух районах Удмуртии, за небольшой период с 5 июня по 10 июня 1937 г. записала 66 песен на 16 восковых валиках. Правда, две из них (№ 46 и № 47 на валике № 4394) собиратель сразу же сам забраковал. В записях В. А. Пчельникова кроме сольного и хорового пения присутствуют различные традиционные народные инструменты – *чипчирган*, *узьы гумы* (*тростниковая флейта*), *бубен*, *гармонь двухрядная*, что придает особую ценность данной фольклорной коллекции. Это, кстати, отметили Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд в рукописях к работе «Удмуртские народные песни»: «Экспедициям 1937 г. удалось записать на фонограф народные инструментальные наигрыши на удмуртских гусях (наиболее популярном в современности старинном удмуртском музыкальном инструменте) (данное замечание относится к записям гусяров первой экспедицией Эшпая-Петрова. – В. Д.); на духовых инструментах, наигрыши на которых ни разу не были опубликованы: “чипчиргане” – трубе из полого стебля травянистого растения, и “узьы

гумы' – флейте, также из стебля травянистого растения. Записи на узьы гумы были сделаны, к сожалению, от не очень искусного исполнителя... Наоборот, наигрыши на чипчиргане записаны от исполнителя, мастерски владеющего техникой игры на этом инструменте» [9]. Данные слова относятся к исполнителю из д. Кельмовыр-Жикья Селтинского района Ивану Шабалину, который, в разной степени владея игрой на чипчиргане и узьы гумы, исполнил на них несколько удмуртских мелодий.

В настоящее время уникальная фольклорная коллекция, записанная в Удмуртской Республике в марте и в июне 1937 г. двумя экспедициями Фольклорного кабинета ИАЭ, а также рукописные материалы к ней хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге под номерами 137 и 138. Во время работы по расшифровке материалов экспедиций эти записи на восковых валиках многократно прослушивались самими собирателями и сотрудниками Фольклорного кабинета, что значительно ухудшило их качество звучания. Для того чтобы сделать эти уникальные материалы доступными для исследователей, необходимо перевести их в цифровой формат. И тогда, с помощью современных цифровых технологий, появится возможность улучшить качество их звучания, сохранив эти бесценные коллекции для будущего.

Список

**песенного материала, записанного экспедицией В. А. Пчельникова
в марте 1937 года на территории Удмуртии***

[номер коллекции в Фонограммархиве ИРЛИ – 137,
инвентарные №№ – 4383–4398]

№ валика // № валика в Ф-архиве ИРЛИ, дата записи	№ песни в коллекции, название песни, перевод на русский язык, жанр	Исполнитель, возраст, профессия, адрес (место жительства)	Инструменты
1 // 4383, 5 июня 1937 г.	1: Мотив «Салдатэ келян» («Проводы в солдаты»); рекрутская (плачь родителей при проводах в солдаты).	Иван Шабалин , 36 л.; колхозник; Селтинский р-н, д. Кельмовыр-Жик'я.	Чипчирган.
	2: « Жожкон »? («Печаль»); жалобная.	<i>Тот же исполнитель.</i>	Чипчирган.
	3: Мелодия « Ваён гур » («Привоз невесты»); свадебная.	<i>Тот же исполнитель.</i>	Узьы гумы.

* В удмуртских названиях песен сохраняется орфография архивных записей.

	<p>4: Мелодия «Салдатэ келян» («В солдаты провожать»); рекрутская – поет рекрут при выходе из родительского дома.</p> <p>5: Мелодия «Свадебная»; поют у жениха провожающие при расставании с невестой.</p> <p>6: «Свадебная» (На вкладыше информации об этой мелодии нет, только в описании!)</p>	<p>Тот же исполнитель.</p> <p>Тот же исполнитель.</p> <p>Тот же исполнитель.</p>	<p>Узбы гуммы.</p> <p>Узбы гуммы.</p> <p>Узбы гуммы.</p>
2 // 4384, 5 июня 1937 г.	7: «Кукэ но мон вал дыр» («Когда-то я был, наверное»); рекрутская. [на валике сначала звучит мелодия узбы гумы, затем 2 мелодии на гармонии и песня в исполнении хора и гармонии]	С. Ардашев, 27 л.; Ф. Маяцких, 37 л., сл. (служащий); Е. Маяцких, 37 л., домохозяйка; В. Ожегов, 32 г. С. Селты.	Двухрядная гармонь.
3 // 4385, 5 июня 1937 г.	<p>8: «Милям, милям» («Наши, наши»); гостевая.</p> <p>9: «Муш ётён» («Пчела зов.»); бортничая.</p> <p>10: «Тэлётй ветлон» («По лесу хождение»); лесная.</p>	<p>А. Ямаева, 19 л., колхозница – служащая; Селтинский р-н, д. Мугло.</p> <p>С. Прозоров, 32 г., колхозник; Селтинский р-н, д. Иткулат. Тот же исполнитель.</p>	<p>Пение соло.</p> <p>Пение соло.</p> <p>Пение соло.</p>
4 // 4386, 5 июня 1937 г.	<p>11: «Дас кык эро кабанэ» («12 свайная моя скирда»); пёртмаськон.</p> <p>12: «Тыбе потйм» («В тыб вышли»); пёртмаськон.</p> <p>13: «Минутэн, кыкен» («Минутой, двумя»); пёртмаськон.</p> <p>14: «Тэль келян» («Лес проводы»); сплавная.</p>	<p>С. Прозоров, 32 г., колхозник; Селтинский р-н, д. Иткулат.</p> <p>Тот же исполнитель.</p> <p>Тот же исполнитель.</p> <p>Иван Шабалин, 36 л.; колхозник; Селтинский р-н, д. Кельмовыр-Жик'я.</p>	<p>Пение соло.</p> <p>Пение соло.</p> <p>Пение соло.</p>

5 // 4387, 5 июня 1937 г.	15: « Ураметй ветлон » («По улице хождение»); походная.	С. Ардашев , 27 л.; В. Ожегов , 32 г. Ф. Маяцких , 40 (?) л., сл. (<i>служащий</i>); с. Селты.	Гармонь; бубен; пение частушек.
	16: На мотив песни « Куке но мон вал дыр » («Когда-то я был, наверное»); рекрутская.	С. Ардашев , 27 л.; с. Селты.	Гармонь.
	17: На мотив песни « Малы басьтйды » («Почему Вы взяли»); лирическая.	С. Ардашев , 27 л.; с. Селты.	Гармонь.
	18: « Ас калык » («Поколение (?), народ»); пöртмаськон.	Ф. Маяцких , 40 л., с. Селты Е. Маяцких , 37 л., с. Селты В. Ожегов , 32 г., с. Селты, И. Шабалин , 36 л., д. Кельмовыр-Жикья, С. Прозоров , 32 г., д. Иткулат.	Хор из пяти человек.
6 // 4388, 6 июня 1937 г.	19: « Мушан » («Праздник пчелы»); праздничная.	Анна Александрова , 63 г., Т. Метелева , 63 л., с. Селты	Дуэт.
	20: « Салдатэ келян » («В солдаты проводы»); рекрутская.	<i>Те же исполнители.</i>	Дуэт.
	21: « Сюан пырон » («Свадьба вхождение»); свадебная.	<i>Те же исполнители.</i>	Дуэт.
	22: « Кузьмаськон » («Дарение»); свадебная.	Т. Метелева , 63 г., с. Селты.	Пение соло.
	23: « Сюан пырон » («Свадьба вхождение»); свадебная.	В. Кулигина , 55 л., с. Селты.	Пение соло.
7 // 4389, 6 июня 1937 г.	24: « Сюан пырон » («Свадьба вхождение»); свадебная.	В. Кулигина , 55 л., с. Селты.	Соло импровиза- ция.
	25: « Вортылон дыр'я » («Во время катания»); праздничная.	А. Соловьева , 39 л., с. Селты.	Соло импровиза- ция.

	26: «Кузь волоктй» («По длинной роще»); гостевая.	Анна Александрова, 63 г.	Соло импровиза- ция.
8 // 4390, 6 июня 1937 г.	27: «Тыпы-а, пужым-а» («Дуб ли, сосна ли»); пöртмаськон. 28: «Лыктйськом» («Приходим»); пöртмаськон. 29: «Кудое, кудое» («Мой сват, мой сват»); пöртмаськон. 30: «Гурт котыри» («Деревни вокруг»); пöртмаськон. 31: «Дас кык парен» («На 12 парах»); пöртмаськон. 32: «Ми кошком» («Сьöд тэри валэн») («Мы уйдем»); пöртмаськон.	А. Березина, 25 л., А. Пантюхина, 25 л., с. Селты. <i>Те же исполнители.</i> <i>Те же исполнители.</i> <i>Те же исполнители.</i> <i>Те же исполнители.</i> <i>Те же исполнители.</i>	Дуэт.
9 // 4391, 6 июня 1937 г.	33: «Туала куаз'ёс» («Нонешние погоды»); пöртмаськон. 34: «Шунды вылэ вуэм» («Солнце высоко пришло»); пöртмаськон. 35: «Йыбыртйлям» («Поклонились»); пöртмаськон. 36: «Мед сиёз» («Пусть ест»); пöртмаськон.	А. Березина, 25 л., А. Пантюхина, 25 л., с. Селты. <i>Те же исполнители.</i> <i>Те же исполнители.</i> <i>Те же исполнители.</i>	Дуэт.
10 // 4392, 6 июня 1937 г.	37: «Куно келян» («Гостя проводы»); гостевая. 38: «Куно сайкатон» («Пробуждение гостя»); гостевая. 39: «Салдатэ келян» («В солдаты проводы»); рекрутская.	Н. Зайцева, 57 л., с. Селты. Т. Метелева, 63 г., с. Селты. В. Кулигина, 55 л., с. Селты.	Соло пение. Соло пение. Соло пение.

	40: «Салдатэ келян» («В солдаты проводы»); рекрутская.	В. Кулигина , 55 л	Соло пение.
	41: «Капаканам» («В мой капкан»); охотничья.	Н. Зайцева , 57 л., В. Кулигина , 55 л., Т. Метелева , 63 г., с. Селты.	Трио.
11 // 4393, 42): 6 июня 1937 г. 43, 44): 8 июня 1937 г.	42: «Капаканам» («В мой капкан»); охотничья.	Т. Метелева , 63 г., с. Селты.	Соло пение.
	43: «Мушан» («Ловля пчелиного роя»); боргничая.	Тр. Рябчиков , 60 л., Увинский р-н., д. Силья.	Соло пение.
	44: «Курадземе» («Мое горе»); бытовая.	<i>Тот же исполнитель.</i>	Соло пение.
12 // 4394, 8 июня 1937 г.	45: «Ми лыктйм» («Мы приехали»); свадебная.	А. Чайникова , 23 г., техничка в школе, Увинский р-н., ст. Ува.	Соло пение.
	46: <i>Не годится.</i> 47: <i>Не годится.</i>		Соло пение.
	48: «Пййшуран» («Охота»); охотничья.	Тр. Рябчиков , 60 л., Увинский р-н., д. Силья.	Соло пение.
13 // 4395, 9 июня 1937 г.	49: «Жёк вылад» («На твоём столе»); гостевая, застольная.	Н. Муравьев , 54 г., Увинский р-н, д. Чабишур.	Соло пение.
	50: «Быдзым куа гур» («Большая моленная мелодия»); обрядовая.	М. Зорин , 63 г., Увинский р-н, д. Чабишур.	Соло пение.
	51: «Куноян» («Угощение»); гостевая.	<i>Тот же исполнитель.</i>	Соло пение.
	52: «Вортылон гур» («Катание, мелодия»); праздничная.	<i>Тот же исполнитель.</i>	Соло пение.
	53: «Гондыр кутон» («Ловля медведя»); охотничья.	Т. Лавров , 35 л., Увинский р-н, д. Чабишур.	Соло пение.
14 // 4396, 9 июня 1937 г.	54: «Куно келян» («Проводы гостей»); гостевая.	М. Беляева , 31 г., Увинский р-н, д. Чабишур.	Соло пение.

	<p>55: «Гажаса» («Уважая»); гостевая.</p> <p>56: «Лобись юсьёслэн» («Лебеди летящие»); пöртмаськон.</p> <p>57: «Сйзыл пужмер» («Осенний иней»); гуляние призывников.</p>	<p><i>Тот же исполнитель.</i></p> <p><i>Тот же исполнитель.</i></p> <p><i>Тот же исполнитель.</i></p>	<p>Соло пение.</p> <p>Соло пение.</p> <p>Соло пение.</p>
<p>15 // 4397, 1) 9 июня 1937 г. 2,3,4) 10 июня 1937 г.</p>	<p>58: «Со луоз пиедлэн» («Оно будет у твоего сына»); рекрутская.</p> <p>59: «Уз лу нй» («Не будет»); рекрутская.</p> <p>60: «Келён гур» («Проводы»); свадебная.</p> <p>61: «Куно келян» («Проводы гостей»); гостевая.</p>	<p>М. Беляева, 31 г., Увинский р-н, д. Чабишур.</p> <p>А. Дядюхина, 60 л., Е. Грязнова, 47 л., Увинский р-н, д. Удмурт- Тукля.</p> <p><i>Те же исполнители.</i></p> <p><i>Те же исполнители.</i></p>	<p>Соло пение.</p> <p>Дуэт.</p> <p>Дуэт.</p> <p>Дуэт.</p>
<p>16 // 4398, 10 июня 1937 г.</p>	<p>62: «Дас кык пар жа́зегед» («12 пар гусей»); пöртмаськон.</p> <p>63: «Кошкоз» («Уйдет»); шуточная, лирическая.</p> <p>64: «Кузонэ мынса» («В Казань поехавший»); шуточная, лирическая</p> <p>65: «Мылкыдыз» («Настроение, интерес»); гостевая, застольная.</p> <p>66: На мотив песни «Вож, вож жужалоз» («Зелено, зелено поднимется»); расставание.</p>	<p>А. Дядюхина, 60 л., Е. Грязнова, 47 л., Увинский р-н, д. Удмурт- Тукля.</p> <p>А. Дедюхина (?), 30 л., Увинский р-н, д. Удмурт- Тукля.</p> <p>Е. Боброва, 55 л., Увинский р-н, д. Удмурт- Тукля.</p> <p>Е. Грязнова, 47 л., Увинский р-н, д. Удмурт- Тукля.</p> <p>А. Шарипов, 51 г., плотник – рабочий; Увинский р-н, ст. Ува.</p>	<p>Дуэт.</p> <p>Соло пение.</p> <p>Соло пение.</p> <p>Соло пение.</p> <p>Скрипка.</p>

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ФАП № 29.
2. Там же. Л. 103.
3. *Денисов В. Н.* К 105-летию удмуртского классика М. П. Петрова // Ежегодник финно-угорских исследований. Выпуск 3 / Науч. ред. Н. И. Леонов; сост.-ред. А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред. Д. И. Черашняя. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 41–59.
4. *Гиттис Е. В., Эвальд З. В.* Удмуртские народные песни: Тексты и исследования. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989 (подгот. к изд. М. Г. Хрущевой и Р. А. Чураковой). С. 7–8.
5. ФАП № 29. Л. 113.
6. Шулдыр нунал'ёс // Удмурт Коммуна. 1937. № 45 (6 марта).
7. ФАП № 29. Л. 142.
8. Там же. Л. 145.
9. Там же. Л. 232.

Поступила в редакцию 19.03.2011

V. N. Denisov

The second Udmurt Expedition of the Folklore department of the Institute of anthropology, archeology and ethnography of the Academy of sciences of the USSR

The article is devoted to the analysis of the folklore expedition to 2 districts of Udmurtia in June 1937, headed by V. A. Pchel'nikov, a researcher of the Udmurt Research Institute. He participated in the process of recordings according to the instructions of the Folklore Department of the Institute of anthropology, archeology and ethnography of the Academy of sciences of the USSR. As a result of it 66 folk songs and 24 performers were recorded on wax cylinders.

Keywords: Sely and Uva districts of Udmurtia, folklore expedition, Phonogram Archive, phonograph, wax cylinders, performers, traditional musical instruments.

Денисов Виктор Николаевич,

кандидат филологических наук, доцент

Учреждение Российской академии наук

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН,

координатор международного проекта по сохранению звуковых архивов

С.-Петербург-Ижевск

E-mail: vicnicden@gmail.com

Denisov Viktor Nikolaevich,

Candidate of Science (Philology), associate professor

Institution of the Russian Academy of Sciences

Udmurt institute of history, language and literature

Ural department of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg-Izhevsk

E-mail: vicnicden@gmail.com

Г. А. Ермакова

**КАРТИНА МИРА ЧУВАШСКОГО ЭТНОСА
В СЕМИОТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
ЛИРИКИ М. СЕСПЕЛЯ И Г. АЙГИ***

Рассмотрены основные языковые единицы в художественных мирах чувашских поэтов М. Сеспеля и Г. Айги, охарактеризована национальная картина мира в их творчестве.

Ключевые слова: национальная картина мира, мотив света, языковые единицы, символ, эстетическая концепция, поэтический образ, сакральное, матрица, поэтический дискурс.

В поэтическом дискурсе М. Сеспеля и Г. Айги отражена картина мира чувашского этноса. Для обоснования данного тезиса остановимся на анализе отдельных произведений поэтов, где присутствует мотив света, представляемый через такие языковые единицы, как «огонь», «солнце», «свет». Стихотворение М. Сеспеля «*Çĕн кун аки*» («Пашня нового дня», перевод П. Хузангая) в аспекте представления национальной картины мира через осмысление древней чувашской веры является, как мы полагаем, концептуальным.

Мотив света – один из основных в данном тексте – представлен через многие языковые единицы, в том числе: *кăвак çутă* «синевя рассвета», *хĕвел* «солнце», *ылтăн пуç* «золотая голова», *ылтăн акапуç* «золотой плуг», *çăлтăр* «звезда», *ылтăн сÿри* «золотая борона», *хĕвел калчи* «солнечная нива», *кăвак пĕлĕт* «голубое небо».

Исходя из наблюдения И. Н. Юркина о том, что в древней чувашской религии солнце, месяц и другие предметы упоминаются в «смысле Бога – творца земли, солнца, луны», мы можем предположить таковую семантику и в тексте Сеспеля [10. С. 144]. Наличие в нем повторов *Çĕн кун* «Новый День» в каждой строфе и сравнений уподобляет данную речевую структуру заговору и говорит о родстве художественного мышления М. Сеспеля с мифологией древних чувашей.

* Исследование выполнено по госконтракту № 16.740.11.01.19 «Когнитивно-лингвистическое моделирование аргументаций в разноструктурных языках» (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.).

шей, с национально-мифологическим сознанием, которое поэт удачно актуализирует через архетипические образы солнца, поля, света. Все в огне: плуг, день, лемех.

Поэт передает состояние горения оттого, что свет пронзает его, как и Г. Айги, сказавшего, что в нем «горит тайнопись Бога» [1. С. 128], и на всех образах стихотворения Сеспеля лежит знак присутствия Бога. Кроме того, в художественном пространстве текста воплотилась мифологема пути от «темени» к свету, от чего данное произведение, да и все его творчество заключает в себе мифологическую глубину.

Поэтический мир М. Сеспеля устремлен из прошлого в будущее, в нем, как и в творчестве Г. Айги, говорит прапамять, представляя нам древнюю чувашскую религию, полную света солнца.

Сеспель говорит о «Новом Дне», приход которого осуществится после того, как от старого дня земля очистится огнем. «Новый День» – это свобода, любовь, надежда, вера в свет. Солнце, согласно поэту, запрягшись в оглобли, «вонзает» в столетние пласты свой раскаленный плуг, отлитый из синего света, то есть цвета неба, то есть Верховного Бога, так как «небо» в доисторические времена означало «бог», «знамение», «мощь», «творец» [6. С. 9].

Образ солнца у М. Сеспеля есть символ возрождения, представляющий небо, творца Вселенной, Бога, который есть Свет. Это не просто стихотворение, а знак, его глубинный смысл приводит нас к осознанию чувашской идеи света, высвечивает национальный дух.

Основные образы текста излучают свет: старинный плуг (*Кăвак сута́ран шăратнă акапуç* – «Из синевы рассвета плуг отлит»); в оглоблях не лошадь, а само солнце, новый день весь в свете горит (*Çĕнĕ кун – шевле саррилĕ ытăн пуç* – «Чья голова в лучах зари горит»); лукошко желто-красного света (*Сар-хĕрлĕ кунтăкран...*). Вселенную предки чуваш называли *Çут Тĕнче* – «белый свет», в Чувашико-русском словаре под редакцией М. И. Скворцова приводится народная пословица *çут çанталăк çути пурне те çитет* «света Вселенной всем хватает». Чувашский народ верил в свет Вселенной, верит в это и М. Сеспель. Как заметил И. А. Дмитриев в статье “*Çеçпĕл хывнă чĕрлĕ никĕсĕнчи тĕп шухăшсем*” («Положенные в основание возрождения основные мысли Сеспеля»): “*Çеçпĕл сăввинче авалхи чăваши тĕнчĕн чи сумлă символĕ, ытарăмĕ – Çут Тĕнче – хайĕн малтанхи пĕлтерĕшне усрат, Тĕнчене кĕвĕллесе тăракан пĕр Хăват-Çутă*” «Символ древней чувашской веры *Çут Тĕнче* «белый свет» приобрел в этом стихотворении М. Сеспеля свое первоначальное значение. Лелеющая Вселенную сила – это свет» [7. С. 125].

Предки чувашей верили в свет Верховного Бога, их знания и представили нам как М. Сеспель, так и Г. Айги.

Г. Айги в стихотворении «Утешение – там», как и во многих других произведениях, тоже говорит о сиянии света:

а от села до другого потом от села и так далее
это сияние
молнии белого всюду кружащей
и долгой зимы!

сиянье расширяется, блеск усиливается:
чудно обходит сарая любого чуть- чуть отстоящего
блеском усиливаясь!

Оба поэта знают, от кого исходит этот свет. Г. Айги обращается к нему с радостью и тревогой в голосе:

Боже! еще пребывать одинокой душой средь сияния
этого
чтобы
(немного еще)
никуда [2. С. 70].

Несмотря на одиночество поэтов, на их «космическую трагедию» (М. Сеспель), они верят в свет, видят его сиянье. В стихотворении “*Чӑн чӑрӑлнӑ*” «Воистину воскрес» М. Сеспель включает интереснейший образ *Кӑвак хуппи* «Северное сияние», семантически равный образу «неба-окна» у Г. Айги. Истоки этого образа – в древней чувашской религии, о чем сообщает В. К. Магницкий в труде «Материалы к объяснению старой чувашской веры». Повествуя о моление при принесении в жертву Богу за новый хлеб пива, он называет имена духов, которых вызывали молившиеся. Начинается перечень (в д. Масловой) с имени *Торӑ*, далее среди имен духов под номером 26 [4. С. 63] представлен дух *Кӑвак хуппи* – «миганье или раскрытие неба (собственно: ресницы тверди)».

Согласно В. К. Магницкому, у чувашей Ядринского и Цивильского уездов сохранилось поверье, что во время раскрытия неба на мгновение, Бог дает человеку все, чего бы человек ни попросил. Приводится рассказ о том, как однажды мальчик, стерегший лошадей в лесу, во время «*кӑвак хуппи*» попросил узду, и Бог сбросил ему целую кучу уздечек [4. С. 63]. Верховный Бог, раздав людям веры, удалялся от дел, но иногда или проходил по земле, или смотрел на жизнь людей с неба. Это длилось мгновение – и тогда открывалось небо. Как пишет В. К. Магницкий, *Кӑвак хуппи*, по верованию чувашей, и есть тот момент, когда Бог смотрит на землю [4. С. 246].

Образ *Кӑвак хуппи* встречается в стихотворениях поэтов. У М. Сеспеля («Воистину воскрес») *Кӑвак хуппи* осветило чувашскую землю, отчего:

и языка родного сила
Воскреснула: язык воскрес.

В нем появился солнца блеск, язык возымел мощь. Завершается текст восклицанием:

Сӗм вӑрмансем, шавласа ларӑр:
– Чӑваш чӑлхи чӑрӑлчӑ вилӑмрен! –
Уйсем, варсем! Вӑҫе-вӑҫӑмрен:
– Чӑн чӑрӑлнӑ! – тесе ян ярӑр!
Чӑваш чӑлхи текех чухӑн мар!
Чӑваш чӑлхи чӑрӑлчӑ вилӑмрен.
Эй, чӑвашсем! Пӗтӗм чӑререн:
– Чӑн чӑрӑлчӑ! – тесе кӑшкӑрӑр.

В переводе П. Хузангая:

Шуми, дремучий темный бор:
Воскрес! – В ответ греми окрест

Холмов, долин, оврагов хор:
– Воистину воскрес! –
Живет отныне слово наше:
Язык воскрес, в нем жизни блеск.
Воскликнем радостно, чувашаи:
– Воистину воскрес! [8. С. 124-125].

Здесь в основе эстетической концепции поэтов лежит вера в свет. Вектор эстетической концепции у обоих авторов един, хотя, следует отметить, взгляды их в разные периоды их жизни были неодинаковы.

В этом плане концептуальным является стихотворение Михаила Сеспеля “*Инçe – çинçe уйра уяр*” («Далеко в поле желтый зной») от 12 июня 1921 г. (впервые печаталось в газете «Канаш» 16 октября 1922 г., автограф был переслан в Чебоксары Ф. Н. Покрышнем в 1922 г., но утерян).

Многомерность художественных образов у обоих поэтов усиливается использованием тропов, а также благодаря игре цвета и света. В этом отношении стихотворение «Далеко в поле желтый зной» можно назвать «вершиной чувашской поэзии» [9, с. 109], оно интересно не только системой образов, но и «формой изложения», «системой строфики» [9, с. 109]. В собрании сочинений поэта от 1989 г. этот текст оформлен в три строфы: 1–10 стихотворных строк, 2–11, 3–13, в оригинале же выдержана следующая строфика: 3–4–3; 4–3–4; 3–3–3–4, вместившая в себе следующую тематику:

- 1) 3 – свет, мерцающий, искрящийся в поле;
4 – представление души лирического героя, полной этого света;
3 – представление дум лирического героя;
- 2) 4 – возрождающаяся родина (Чувашия) с ее малыми избушками;
3 – Новое Дыхание, Новая Дорога (у М. Сеспеля – с прописной);
4 – душа лирического героя, полная света солнца, жаворонка песни;
- 3) 3 – Новое Дыхание, дающее силу земле чувашской;
3 – обращение к Новому Дыханию с просьбой дать силы;
3 – обращение к свету с просьбой гореть огнем в душе лирического героя;
4 – слияние сердца лирического героя со своим сердцем.

Среди множества образов (дальнего поля, света, сердца лирического героя, солнца, пламени, красивой девушки, облаков, родины, деревень с избушками, Нового Дыхания, Новой Дороги, жизни, Нового Дня, души, песни света, жаворонка, души чувашского народа, песни души лирического героя) частотными являются следующие: дальнего поля – 2 раза; *уяр ури, уйри уяр* «света» – 5 раз; *уйра: уяр, хёвел хёлхемлё хёлхсем, уяр юри, хёвел ури, хёвел юрри, шевле сарри* «солнца, его пламени» – 6 раз; *чунлай чёрере, чун вылять, чун вёрет, хёвеллё чун, ман чёрере, чёре, выля, кйвар чёрем, чёрем юрри* «души лирического героя» – 8 раз; *Сён Сывлйш* «Нового Дыхания» – 4 раза. Можно сказать, что ключевыми являются образы света (5 раз) и солнца (6 раз). Можно их объединить, так как свет, играющий в поле, – это солнца свет, повторившийся 8 раз, являясь образом души лирического героя, где песней поет свет солнца. Душа лирического героя, наполняясь светом солнца, начинает пламенеть, гореть, объединяясь со своим народом. Выделим теперь основные цвета: желтый *хёвел хёлхемлё хёлхсем* «ис-

крящиеся лучи солнца», *сарă хёр* «красивая девушка», *хёвел ури* «солнечный луч», *хёвел юрри* «солнца песня», *шевле сарри* «солнечные блики», *хёвеллён сун* «гори, как солнце»; *красный хёлёхсем* «пламя огня», *вутлă юн* «огненная кровь», *кăвар* «пламенеющие угли», *кăварлă юн* «горящая огнем кровь», *кăвар чёрем* «пламенеющее сердце»; *голубой пёлётсем* «небеса».

В самом звучании текста М. Сеспель передает не только игру лучей солнца, но и особенности сознания древнего человека:

*Хёвел ури, хёвел юрри,
Тăри юрри! Шевле сарри!*

Как сердцу скажешь: «Не гори»?
В нем солнца жар, в нем свет зари.

Любуясь солнцем, игрой его лучей, взгляд лирического героя скользит по горизонтальному пространству и затем устремляется в пространство вертикальное – к небу, солнцу, бесконечности. И эту бесконечность он вмещает в себя:

*Инçe çинче уйри уяр:
Тымарсенче хёвеллён сун!*

Пусть в жилах кровь горит огнем,
Как зной над нивой жарким днем!

В звукописи М. Сеспель выражает семантику текста.

Так, в первой строфе 1-ая строка при помощи повтора палатальных и веларных звуков подает пространство – даль, где колосится рожь:

Инçe çинче уйра уяр

Далеко в поле желтый зной.

Во 2-ой строке через звукосочетание (*p–m–a*) передано колыхание ржи от дуновения ветра. В 3-ей – при помощи звукосочетаний (*en–ne*) поэту удалось передать игру солнечных лучей в высокой ржи бесконечного поля. Ассонансы и аллитерации, связывая ритмические движения, создают эффект игры солнечных лучей. Через звуковые повторы, представляющие магию слова, воссоздается сознание древнего человека с основной идеей Всеединства, почитания солнца, света.

Исходя из сказанного, следует, что через тему света в творчестве Г. Айги и М. Сеспеля получает свое возрождение и выражение прапамять чувашского этноса.

Глубина вертикального пласта, ее плотность возникает благодаря частотности архетипических образов солнца, света. Так, из 42 лирических произведений М. Сеспеля в собрании сочинений эти образы в разных вариантах встречаются в следующих произведениях (соответственно нумерации сборника 1–42). Обратимся к ним: 1.

2. *Каллех шулта* – «Вновь в школе» (*ылтăн кёвёсемё* – «золотая трель»).

3. *Салтак шăпи* – «Судьба солдата» (*çурта* – «свеча»).

4. *Час* – «Скоро» (*хёвел* – «солнце»).

5. *Чухăнсен кёрешĕ тертёнчи кун çути* – «Обездоленных свет в непосильной борьбе...» (*çутă* – «свет»).

6. *Пуласси* – «Грядущее» (*йăлтăрка çанталăк* – «светлая природа»).

7. *Пурăнçа вилĕм* – «Жизнь и смерть» (*шур пёлёт* – «белое облако»).

8. *Иртнĕ самана* – «Век минувший» (*йăлтăр хĕвел çути* – «сияющего солнца свет»).
9. *Вăхăт çитĕ, вăхăт пулĕ* – «Дни придут – жизнь наша будет...», (*çĕнĕ пурнăç хĕвелĕ* – «новой жизни солнце»).
10. *Тухăр тĕттĕмрен* – «Выйдите из темноты» (*çутă хĕвел* – «светлое солнце»).
11. *Хĕрлĕ тинĕсре* – «В Красном море» (*çутă пурнăç* – «светлая жизнь»).
12. *Атăл юрри* – «Волжская песня» (*кăн-кăвак хум* – «синяя волна»).
13. *Тăвансене пулайшар* – «На помощь братьям» (*шевле* – «заря»).
14. *Паня Бекшанский тусăма* – «Другу Пане Бекшанскому» (*сенкер* – «лазурь», *çутă* – «свет»).
15. *Чăваш чĕлхи* – «Чувашский язык» (*вутă* – «огонь»).
16. *Чăваш ачине* – «Сыну чувашскому» (*кăвар чĕре* – «огненное сердце»).
17. *Чăваш арăмне* – «Чувашке» (*хĕвел* – «солнце»).
18. *Йăвар шухăшсем* – «Тяжелые думы» (*чĕре сунчĕ* – «душа горит»).
19. *Эпĕ вилсен* – «Как умру...» (*çÿллĕ ту* – «высокая гора» – символ мировой горы; *сарă кайăк* – «желтая птица» – символ горного мира; *хĕвел* – «солнце», *çут телей* – «светлое счастье»).
20. *Чăваш поэтне Ахаха асăнса* – «Памяти чувашского поэта Агаха» (*хĕвел* – «солнце»).
21. *Чăн чĕрĕнĕ! Ирĕклĕ сырнă савăсем* – Воистину воскрес! Вольные стихи» (*кăвак хупти* – «сплошная заря»).
22. *Или! Или! Лима савахвани!* – «Или! Или! Лима савахвани!...»; (*уяр* – «свет»; *хĕвел* – «солнце»).
23. *Катаран каç килсен: каçхи кунăм мĕлки* – «Гаснет день...»; (*кĕмĕл сас* – «серебряный звон»).
24. *Шăрилă каç йăварри* – «Тьма. Мне душно. Невмочь...»; (*çиçĕм* – «молния», *йăлтăр* – «сияние», *çутă* – «свет»).
25. *Чăваш! Чăваш!..* – «Чуваш! Чуваш!..» (*хĕвел* – «солнце»; *вут* – «огонь», *ылтăн* – «золото»).
26. *Çĕн Кун аки* – «Пашня Нового Дня» (*çутă* – «свет», *çăлтăр* – «звезда», *хĕвел* – «солнце»; *кăвак пĕлĕт* – «голубое небо»).
27. *Тинĕсе* – «Морю» (*вутлă чун* – «огненная душа»; *хĕвел* – «солнце»).
28. *Инçе çинçе уйра уяр* – «Далеко в поле желтый зной...» (*уяр* – «свет», *хĕвел* – «солнце»).
29. *Экспромт* – «Экспромт» (*хĕвел* – «солнце»).
30. *Хурçă шанчăк* – «Стальная вера» (*хĕвел* – «солнце»; *хĕвелĕн юрри* – «солнца песня»).
31. *Выçă псалом* – «Голодный псалом» (*хĕвел* – «солнце»).
32. *Юлашки чĕл алра, юлашки чĕл* – «Последний ломоть, в руке, последний».
33. *Кĕпер хывăр!* – «Проложите мост!» (*хĕвелĕ ирĕк* – «солнечное завтра»; *хĕвел* – «солнце»).
34. *Хĕрлĕ-хĕрлĕ, хĕрлĕ мăкăньсем* – «Маки красные, что там, вдали...» (*хĕвелĕн йиши* – «тепло солнца»).
35. *Тĕлĕк* – «Сон» (*çÿл тÿне* – «млечный путь»).

36. *Паянтан* – «Отныне» (*шевле* – «зарница»).

37. *Ёнер йывăç пахчи кăмăлне...* – «Лишь вчера в саду, светла, ясна...» (*сар чечек* – желтый цветок», *саркайăк* – иволга).

38. *Кун тĕпĕнче* – «На дне дня» (*Турăн çут çуртисем çунаççĕ* – «Божьи свечи горят»).

39. *Пурнăçăм, хăш сăрт урлă каçсассăн?* – «Жизнь моя, за какими холмами...» (*сăрт* – «гора» – как символ мировой горы).

40. *Çуркунне* – «Весна» (*çутă* – «свет», *вут чечек* – «огня цветок»).

41. *Шухăшласа кăларнă куçсене* – «Выдуманным глазам» (*çăлтăр* «звезда», *тĕне* – «небо»).

42. *Уяр сенкерлĕх Илĕртмĕшине* – «В солнечную Мань синевы...» (*уяр Илĕртмĕшине* – «в солнечную Мань»).

Из 42 лирических произведений образы солнца, света использованы автором в 40, что подтверждает ориентированность поэзии М. Сеспеля (как Г. Айги) на сакральное – старую чувашскую веру, где солнце считалось божеством первого порядка. Согласно чувашскому мировидению, изложенному Н. И. Егоровым, «солнце поднималось на небо по мировому древу», в течение дня оно объезжало землю, «устраивая на ней порядок» [3. С. 119].

Таким образом, матрицей, порождающей творчество современных поэтов, является старая чувашская вера, в основе которой лежит свет – светлая Вселенная, светлый мир, оттого и плотность вертикального пласта, представляющего дорогу к *Турă* (Богу).

Через образы солнца, света, неба, поля выражен внутренний мир авторов – их миропонимание, материализуются философско-нравственные устремления как путь к *çураçтару* «гармонии», как говорили в древности, подтверждением чему является и суждение М. М. Маковского о том, что олицетворением гармонии являются образы солнца, неба, вселенной, воды, огня, дерева, человека, жизни» [5. С. 99].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Айги Г. Н. Здесь. Избр. стихотворения, 1954–1988. М.: Современник, 1991. 288 с.

2. Айги Г. Н. Теперь всегда снега: Стихи разных лет. 1955–1989. М.: Сов. писатель, 1992. 320 с.

3. Культура Чувашского края. Ч. 1.: Учеб. пособие / В. П. Иванов, Г. Б. Матвеев, Н. И. Егоров и др.; Сост. М. И. Скворцов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. 351 с.

4. Магницкий В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. 267 с.

5. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологических символов в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.

6. Марр Н. Я. Чуваши – яфетиды на Волге. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1926. 77 с.

7. Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия М. Сеспеля: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения поэта / Под ред. А. А. Трофимова, В. П. Никитина, А. П. Хузангая. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. В 2-х кн. Кн. 1. 240 с., Кн. 2. 188 с.

8. Сеспель М. К. Собр. соч.: Поэзия. Проза. Драматургия. Письма. Записи из дневника / Вступ. ст. В. Г. Родионова. 2-е изд. доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 526 с.

9. Станъял В. П. Итоги сеспелеведения: этико-философские и литературно-поэтические уроки классика // Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспеля: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения поэта. Чебоксары, 18 октября 1999. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. Кн. 1. С. 99–115.

10. Юркин И. Н. В этнографическое отделение общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете Ивана Николаевича Юркина представление // Лик Чувашии. 1995. № 3. С. 142–144.

Поступила в редакцию 28.01.2011

G.A. Ermakova

National world picture in lingua-semiotic structures M. Sespel and G. Aughi

The basis linguistic units reflecting inner worlds of the Chuvash poets M. Sespel and G. Aughi are considered. The author believes that the national world picture is represented to the best advantage in the poetic discourse structures.

Keywords: national world picture, light motif, linguistic structures, symbol, esthetic conception, poetic image, sacral, matrix, poetic discourse.

Ермакова Галина Алексеевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой методики преподавания чувашского языка и литературы,
Чувашский государственный университет
г. Чебоксары
E-mail: ermakil@yandex.ru

Ermakova Galina Alekseevna,
Doctor of Science (Philology), professor,
Chuvash State University
Cheboksary
E-mail: ermakil@yandex.ru

Н. В. Егорова

**СВОЕОБРАЗИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ФОРМ
МОРДОВСКОЙ ПРОЗЫ**

В статье рассматриваются основные этапы становления и развития художественно-публицистических жанровых форм мордовской прозы, главным образом, в 1960–90-е гг. Изучается индивидуальная творческая манера отдельных авторов, характеризуются тематические и смысловые аспекты, а также изобразительно-выразительные и структурные средства, формирующие основу прозаических жанров и публицистики.

Ключевые слова: жанр, национальная литература, очерк, эссеистика, рассказ.

Жанровое развитие мордовской художественной прозы исторически связано с появлением газет и журналов на мокша- и эрзя-мордовских языках. Так, в Москве в 1921 г. выходит газета «Красная звезда», в Пензе в 1924 г. – «Новая деревня», в Саратове в 1921 г. – «Красный пахарь», в Новосибирске в 1926 г. – «Новая жизнь». В Пензе с 1927 г. издается литературно-художественный журнал и общественно-политический журнал «Светлый путь» (с № 12 переименован в «Колхозную жизнь»), в Самаре с 1929 г. – литературно-художественный и общественно-политический журнал «Искра» и др. Активно участвуя в названных периодических изданиях, зачинатели мордовской литературы пробуют свои силы и в различных жанрах художественной прозы (преобладали очерк, эссе, фельетон, рассказ). Поэтому в творческой манере многих прозаиков ярко проявлялась публицистичность, что характерно и для очерков («К новой жизни» А. Мокшони, «Новый путь» Т. Раптанова, «Золотая пора» П. Кириллова), и для рассказов («Почему такой тошной была наша жизнь» П. Тазиной, «Молодые люди» П. Мокшанина), в виде авторских рассуждений, обобщений, исходящих из жизненного опыта самого писателя.

Эта традиция наблюдается и в 1950-е гг.: главенствующее место в системе жанров занимает очерк – оперативный, документальный, событийный. Не утрачивая художественной ценности, очерк опирается преимущественно на реальные факты и явления общественной жизни, сопровождаемые прямыми истолкова-

ниями автора. Можно предположить, что именно очерк становится «отправной точкой» в дальнейшем развитии жанровой системы мордовской прозы.

А. И. Брыжинский отмечает: «Художественно-публицистическому жанру отводится в мордовской литературе особая роль... Не найдется литератора в Мордовии, который не писал в этом жанре. Более того, многие крупные прозаические их произведения подчас как бы произрастали на почве художественной публицистики, художественного очерка» [4. С. 165]. К «сторонникам» этого жанра исследователь относит И. Антонова, Н. Эркаю, Г. Пинясова, И. Девина, А. Мартынова, Т. Якушкина.

Вот почему предметом изучения этого жанра становится его классификация. Вслед за жанровыми обоснованиями А. И. Брыжинского выделим как наиболее распространенный очерк нравов, в котором дается многосторонняя характеристика современного общества через типические образы и характеры. В этом жанре активно работал И. З. Антонов, благодаря которому мордовский очерк вышел на всесоюзного читателя. Большой общественный резонанс вызывал опубликованный в 1954 г. на страницах альманаха «Год тридцать седьмой» его очерк «Ухабы на дорогах». Мордовский прозаик представил тип бездушного и грубого в обращении с людьми секретаря райкома партии Павла Петровича Бурмистрова, подхалима и угодника перед вышестоящим начальством. После публикации очерка имя это стало нарицательным, а «бурмистровщина» стала распространенной оценкой подобных явлений.

Среди других очерков И. З. Антонова заметное место занимает также «Разлив на Алатырь-реке» (1955), где описана динамичная картина жизни колхозной деревни 50-х гг. Также всесоюзному читателю были известны его очерки: «Свежий ветер», «На перепутье», «Трудодень», «На четвертой скорости», «Жизнь подсаживает», написанные в той же манере нравственного ориентира.

Позднее очерковая манера повествования в Мордовии приобретает философскую направленность. Постановку глубоких социальных вопросов, размышления, идущие из глубины души, встречаем мы в книге «Родники души» известного мордовского писателя Н. Эркаю, с его же эпиграфом: «Когда я собираюсь писать, то мне кажется, что бумага слишком далеко находится от души и сердца человека. Хочется эту бумагу приложить к груди, и на ней отпечатаются мои думы, желания и вся красота, которая накопилась, и ей там тесно» [15. С. 9].

Первый раздел книги – «Гражданином быть обязан» – нацелен на то, чтобы ярче и доступнее показать современникам «свет в пути», помочь разглядеть «красоту, радующую глаз», но в то же время чтобы читатель слышал, как «земля-матушка стонет», как гибнет гордость Мордовии – река Мокша, а в колхозах и совхозах бездумно, почти поголовно, уничтожаются лошади. Изобразительно-выразительные приемы изложения подкрепляются фактологическим материалом, в частности статистическими данными: «Считаю, что лошадь рано “демобилизировали” из хозяйства. Для нее еще найдется много работы. Поголовье лошадей в республике из года в год сокращается. Если в 1965 году всего лошадей в республике было 31 537, то в 1969 году их стало 30 186...» [15. С. 34]. В какой бы манере ни велись размышления о нашей повседневной жизни, отправной точкой в оценке человека для писателя всегда является отношение к Отечеству, к родному народу. Многие из

включенных в книгу Н. Эрка очерков публиковались в центральной печати (журн. «Культура и жизнь», «Русская речь», «Вопросы литературы», «Сельская новь», газ. «Литература и жизнь», «Литературная Россия», «Литературная газета»).

Интерес к нравственным критериям – прямое свидетельство роста национальной прозы, внимания к психологизму, в конечном итоге – к проблеме человеческой индивидуальности. В национальной литературе появляется содержательный и глубоко индивидуализированный жанр – эссе.

В учебном пособии «Основы публицистики. Жанры» (1990) Б. В. Стрельцов утверждает, что эссе – специфическая разновидность очеркового жанра. Его предшественник Н. И. Глушков, размышляя об очерке в русской литературе и о недоразумениях в «теории эссея», винит М. Монтеня, который «дал трем книгам своих произведений в жанре нравоописательно-философских очерков название “Les Essais” – “Опыты” (1580–1588), якобы ограждавшее автора от упреков в притязательности содержания и формы творения, однако не лучшее как жанровое обозначение» [5. С. 99].

Теоретик жанров мордовской прозы А. И. Брыжинский также пишет об очерковой природе жанра эссе: «Все больше используется в современной мордовской прозе специфическая форма очерка – эссе. Это своеобразные статьи-размышления, в которых значительную роль играет художественное осмысление действительности. Любое из таких произведений, пусть даже и одной тематики, неповторимо. Прежде всего, потому что здесь срабатывает принцип эссеизма, позволяющий каждому литератору именно по-своему, оригинально передать то чувство, которое вызывало в нем какое-то жизненное явление, событие» [3. С. 41–42].

О сложности этого жанра размышляет В. Е. Хализев: «эссеистическая форма – непринужденно-свободное соединение суммирующих сообщений о единых фактах, описаний реальности, как правило, не претендуют на исчерпывающую трактовку предмета, они допускают возможность совсем иных суждений» [13. С. 356]. И другое, не менее важное замечание ученого: эссеистика тяготеет к синкретизму – собственно художественное начало легко соединяется в ней с публицистическим и философским.

Под эссеистичностью мы будем понимать такое качество текста, при котором его содержание и формообразование непосредственно выражают личность писателя, его эмоции и переживания. Эссе не позволяет писателю по его усмотрению излагать свои мысли, свободно выбирать наиболее приемлемую форму подачи материала, не сковывать себя какими-либо общепринятыми приемами аргументации. Однако заметим, что мордовские эссеисты придерживаются все же эпических жанров.

К актуальным для своего времени проблемам экономического, социального, культурного развития мордвы как национальной общности обращались эссеисты Мордовии Н. Мокшин, Д. Надькин, М. Брыжинский, Маризь Кемалей (Р. Кемайкина), М. Жиганов, А. Юрченков, С. Бахмустов, А. Доленко и др. Каждый из них – кто с теоретически обоснованными выкладками или гипотезами, а кто порой бездоказательно, но зато страстно, – выражает свой взгляд на прошлое, настоящее и будущее мордовского народа, на вопросы территориального и языкового строительства, межэтнических взаимоотношений.

Не только к современникам, но и к будущему поколению обращается в жанре эссе Д. Надькин, владеющий даром о сложном рассказывать просто и доходчиво. Мысль его всегда ясна и однозначна, в ней нет недосказанности. И пусть не всегда можно согласиться с его доводами, но автор заставляет читателя задуматься о национальных корнях каждого человека и сохранении памяти о предках.

Разумеется, всеобщая «интернационализация» накладывала своеобразное табу на освещение злободневных проблем, только в 1980–1990-е гг. стали открыто высказывать мнения относительно негативных моментов национального развития.

Взволнованность разговора о национальных проблемах отличает эссе «Звон эпох» (1991) М. И. Брыжинского. Автор приводит ряд интересных сведений из далекого прошлого мордвы (что и отражено в названии). Разговор о происхождении народа, о семантике самого названия «мордва», убедительные доводы против некоторых сомнительных взглядов на этнос, подкрепления каждого тезиса научными данными и фольклорными материалами – все это делает эссе серьезным чтением об общих процессах развития нации и народностей, языков, о конкретных фактах из истории финно-угорских народов и формировании данной языковой ветви. Серьезность и научная глубина удачно перемежается художественными текстами как своеобразным доказательством гипотез автора, придающим убедительность.

Ценность эссе М. Брыжинского состоит еще и в том, что в рассуждениях лингвистического либо этнографического характеров прослеживаются дуалистические параллели с близкородственными эрзянским и мокшанским языками, культурой финно-угорских народов, их укладом жизни. Привлекаются данные раскопок, полученные археологами Мордовии.

Эссе «Звон эпох» не раз перепечатывалось и на родных, и на русском языках в республиканских журналах, газетах и коллективных сборниках. По мнению А. И. Брыжинского, это, по высказанным суждениям, одно из наиболее смелых эссе в современной мордовской прозе, свидетельством чему является большой общественный резонанс.

Своеобразный философский диспут ведет в своем публицистическом сборнике «Встречи» Г. И. Пинясов, причем ведет не с кем-то, а самим собой. Размышляя, полемизируя, соглашаясь или отвергая выдвинутые им же тезисы, он приводит в подтверждение своей мысли множество иллюстративного материала, с фотографической точностью зафиксированного в жизни. И в итоге приходит к выводу: «ресурсы человеческой доброты, заложенные природой, бесконечны. Не экономьте их, не накапливайте на завтра, согревайте людей добротой, вниманием сегодня, сейчас. И вам самим станет теплее и уютнее» [10. С. 15].

Характеризуя национальную прозу 1960-х гг., В. Е. Соколова отмечает: «Люди разных судеб пришли к нам со страниц романов и повестей, углубили наше представление о делах и нуждах, о нравственной и интеллектуальной жизни нашего современника. Этими произведениями писатели значительно обогатили арсенал изобразительности в мордовской литературе» [8. С. 81].

Наиболее проникновенна публицистика Г. И. Пинясова, посвященная жизни сельчан. Он часто бывал на родине у своих земляков, ездил по селам Мордовии и соседних областей, хорошо знал психологию людей в деревне, их заботы,

жизненные неурядицы, все, чем дышит современное село. Его произведения нередко побуждали людей не просто задуматься, но принять решение, исправить положение.

Кредо Г. И. Пинясова – кропотливо добираться до самой сути, выявлять главное, чтобы помочь людям уяснить сложнейшие и противоречивые процессы, происходящие в деревне. Особенно убедителен он в выводах о сегодняшнем состоянии села. Главная цель его публицистики – не оставаться сторонним наблюдателем, быть заинтересованным в судьбах людей, с которыми сталкивает жизнь, без громких фраз и призывных нот доводить аналитические начала до выявления истины.

Согласно жанровой классификации А. И. Брыжинского, широкое распространение в мордовское прозе получает в 1980-е гг. жанр творческого портрета-воспоминания. Успешно осваивают его А. Доронин, Н. Зиновьев, И. Девин. Тематика их произведений – писатели, известные творческие деятели Мордовии. Характерная особенность – сочетание разговора о творчестве героя с интересными, малоизвестными фактами из личной жизни. В обрисовке главного героя преобладает прием ретроспекции, перемежающийся личными впечатлениями эссеиста от встречи с героем.

Произведения этого жанра синтезируют особенности путевого очерка, мемуаристики, дневников.

В цикле портретов-воспоминаний о литераторах республики, созданном Н. В. Зиновьевым, значительный читательский интерес вызвали эссе: «И теперь звучат ее песни», «Шел своей дорогой», «На крыльях поэзии», «Эрзянин с берегов Волги», «Светлая душа, теплое сердце». В них преобладают душевное откровение, теплота человеческих отношений, раскрываются ранее неизвестные читателю страницы жизни героев.

Близко примыкают к этому жанру биографические очерки, получившие в мордовской литературе широкое распространение. Так, в коллективные сборники «Просветители и педагоги мордовского края» (1986), «Судьба моя – Мордовия» (1984), «Встречи» (1988) вошли очерки, воспоминания, обогащенные богатой фактографией, приближающиеся к научно-биографической литературе и биографической беллетристике. В литературный оборот вводятся новые историографические, архивоведческие данные. Так, Г. Пинясов в биографическом очерке «Сердца я песней разбуджу», вошедшем в сборник «Судьба моя – Мордовия», дает жизнеописание известного мордовского композитора Г. И. Сураева-Королева: «В Мордовии Георгий Иванович почувствовал себя в своей стихии. Образно говоря, корни вновь почувствовали благодатную почву. Музыкант был молод, полон сил, энергии и надежд. Работал художественным руководителем государственной филармонии, затем – художественным руководителем ансамбля песни и пляски МАССР (теперь “Умарина”). Были гастроли по стране, по республике. Но в душе жила давнишняя мечта – проследить и понять истоки пути развития мордовской народной песни» [11. С. 66].

Творческий портрет-воспоминание получает свое развитие в жанре портретного очерка. Согласно А. А. Тертычному, «...портретный очерк возникает в результате художественного анализа личности героя, опирающегося на исследо-

вание разных ее сторон (нравственной, интеллектуальной, творческой и пр.), то есть в результате выявления характера героя» [12. С. 262]. Достойные портреты людей труда, организаторов производства, представителей нового класса представлены в книгах очерков Д. Золоткова «Людный дом» (1973), И. Афонина «Локоть друга» (1971), в коллективном сборнике «Землепашцы» (1970), очерках, вошедших в сборники М. Бебана «Вместе с солнцем» (1968), И. Девина «Где родилась березонька» (1985). Перед нами своеобразная публицистическая летопись, зафиксировавшая самые приметные черты своего времени.

Нередко очеркисты обращаются к форме путевых заметок. Произведения А. Тяпаева, Г. Пинясова, И. Девина, И. Калинкина, А. Доронина, В. Лобанова, как правило, посвящены теме малой родины, любви к окружающим людям, бережному отношению к природе родного края. Как путевым очеркам, им свойственна детализация, «из конкретных деталей и подробностей складывается портрет и все образы» [2. С. 136]. Отличительная особенность стиля – краткость фразы, лиричность. Большинство персонажей очерков – смелые, активные личности, противостоящие несправедливости и злу.

Не менее интересна разновидность малых жанровых форм мордовской прозы – обращение, где авторское слово перебивает повествование, чтобы раскрыть собственную оценку фактов. Эти произведения отличаются нестандартностью мышления, что характерно для таких авторов, как А. Пудин, Маризь Кемалю, Е. Четвергов, Г. Пинясов.

Нередко публицисты Мордовии используют беседу как жанровую форму, включающую элементы художественности. Участвующие в диалоге (а подобная форма применяется при общении автора с видными политическими деятелями) стремятся при этом объяснить, а не навязать свои мысли. В мордовском литературоведении такую прозу называют исповедальной: каждая беседа как открытие нового, ранее неизвестного. Особый интерес вызывает дискуссионная сторона, составляющая сюжетную линию повествования. Искусством формы беседы владеют публицисты К. Тангалычев, Г. Пинясов, А. Доронин, В. Лобанов, П. Зиновьев, И. Кудашкин.

Многообразием характеризуется и поволжский рассказ 1950–90-х гг. Состояние жанра, по верному замечанию А. Огнева, «зависит не только от предмета изображения, но и от самого типа художественного мышления писателя» [7. С. 107]. Солидаризируется с ним А. И. Брыжинский: «Нельзя не сказать и о том, что на жанровое развитие большое влияние оказывают также само движение жизни, перемены, происходящие в обществе, место, занимаемое в нем той или иной личностью – прообразом героя произведения» [3. С. 47].

Всевозможные коллизии, которыми отмечен длительный исторический путь поволжских народов, способствовал и появлению таких жанровых разновидностей, как рассказы-раздумья, рассказы-воспоминания, исторические, социальные, психологические, лирические рассказы, рассказы-настроения, рассказы-портреты. В них по мельчайшим крупницам воссоздана история народов Поволжья, фиксируются значительные события в поступательном движении общества и отзвуки преобразований.

В мордовской художественной прозе рассказ занимает одно из важнейших мест. Отличительная его черта – устойчиво-традиционные подходы к освещению

объективного мира, богатство зарисовочных элементов, особенно в описании природы: «Дорога круто взяла в гору и вывела меня на старую рубку. Окруженная густым лесом, она напомнила теперь огромный зрительный зал под открытым небом. Весна здесь в этот теплый солнечный день проснулась раньше. В воздухе порхали, словно живые цветки, бабочки, доносился гул пчел, неустанно гомонили птицы. Звуки высокие, низкие, звуки переливчатые, писклявые, нежные... настоящий симфонический оркестр!» [14. С. 18].

Дать однозначное определение жанра рассказа довольно сложно, ввиду его формообразующей многогранности. Недаром писатель С. Антонов подчеркивал, что «в отличие от романа и пьесы, своенравный рассказ нелегко загнать в жесткую рамку определения» [1. С. 70]. Вызывает большие сомнения разграничение рассказа и новеллы, так как функционально в мордовской прозе они вполне тождественны, имеют одни и те же взаимопроникающие разновидности.

Любой из жанров редко существует в чистом виде. Это касается и рассказа. Выделяются рассказы отчетливого сюжета: в них в поле зрения автора попадает не только осмысление нравственной природы героев, но и преломление в их личности общих исторических судеб. Основной целью становится объемное постижение жизненной правды через конкретные события и явления.

Героя с сильной волевой натурой создает И. М. Девин в рассказе «Лошадиная сила» (1985): Иван Сумин мыслит государственными масштабами и не боясь высказывает свое мнение руководителям любого ранга.

Сюжетно четко построены рассказы Девина «Жена», «Крепость», «Добрая душа», передающие героинку Отечественной войны: через описание боевых действий раскрываются характеры персонажей.

Лиризм, характеризующий в целом поволжскую прозу, оказывает заметное влияние и на жанр рассказа у татарских, и чувашских, и марийских, и мордовских прозаиков. Лиризм свойственен многим рассказам мордовских писателей (И. Девина, М. Бебана, А. Куторкина, А. Малькина, В. Радина, Г. Пинясова).

«Уже смеркалось. Из-за леса напознала темнота и тихо гасила последние отсветы вечерней зари. Проглянули первые звезды – робкие, осенние. Их голубоватое мерцание холодными искорками укололо в грудь и напомнило детство: на скамейке сидит дед, плетет лапти и рассказывает сказку, – голос крепок и гудит, как зимний ветер в печной трубе» [9. С. 62], – тонко и проникновенно пишет Г. Пинясов.

П. Прохоров, А. Инчин, В. Бурнаев успешно осваивали оригинальную жанровую форму – рассказ-дилогию. Одни и те же главные герои как бы переключаются из одного пространства в другое и начинают действовать сообразно сложившейся обстановке. К примеру – рассказы В. Бурнаева «На целине» (1965) и «Порыв ветра» (1971).

Ф. Атянин, А. Мартынов, В. Мишанина, В. Алтышкин, А. Тяпаев, П. И. Левчаева отражают разные грани окружающего мира и человека наших дней в нравственно-психологических рассказах. Они не копируют жизнь, а дают глубокое художественное обобщение, добиваются слияния в характерах героев типического и индивидуального. Художественная конкретизация жизненных явлений побуждает читателя к сопереживанию.

Значительное место в мордовской прозе занимает жанр литературной сказки. Продолжая традиции братьев Гримм, Г. Х. Андерсена, М. Горького, Л. Толстого, С. Маршака, мордовские писатели развивают этот жанр на близком материале. Так, интересны сказки о животных М. Втулкина («Как мышка осталась без внимания»), Т. Тимохиной («Свинья и петух»), о природе – Я. Пинясова («Сорокины сказки»), И. Аверкина («Как плачет зима»), о богатырях – Ф. Атянина («Богатырь Сельведь»). Характерно, что адресованы они детям любого возраста.

Сатирическое направление в мордовской прозе воплощается в художественно-публицистических произведениях. Высмеивается отход от традиционных нравственно-эстетических норм, от устоявшихся в сознании мордовского народа обычаев. Самобытность этих произведений – в авторском восприятии мира, в умении рассказчиков тонко подмечать истоки негативных явлений. В некоторых рассказах насмешка переходит в сарказм («Индюк» И. Девина, «Хитрый Иван» В. Радина-Аловского).

Подводя итог, отметим, что жанровые формы мордовской прозы находятся в постоянном движении. Год за годом писатели стремятся «обновить свою художественную систему, найти новые средства... эмоционально-эстетического воздействия на читателя» [7. С. 206]. Острые вопросы жизни разносторонне отражаются в творчестве публицистов, очеркистов, эссеистов, рассказчиков. Видоизменяясь, жанровая система обогащается не только тематическими, смысловыми аспектами, но и изобразительно-выразительными средствами, формирующими жанровую основу художественной прозы в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Антонов С. Я читаю рассказ. М.: Знание, 1973. 255 с.
2. Антонова В. И. Региональная пресса в системе российской журналистики: типология и жанрообразование. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. 160 с.
3. Брыжинский А. И. Процессы жанрового развития мордовской прозы (50–90-е годы). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995. 192 с.
4. Брыжинский А. И. Современная мордовская проза: (Движение жанра). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 232 с.
5. Глушков Н. И. Очерк в русской литературе / Н.И. Глушков. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1966. 312 с.
6. Мордовская литература последних лет (1961–1964) / Под ред. И. К. Инжеватова, Б. Е. Кирюшкина, В. Л. Пешоновой. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 328 с.
7. Огнев А. Русский советский рассказ. М.: Просвещение, 1978. - 207 с.
8. Очерки жанров мордовской литературы (1968–1971 гг.) / Под ред. Б. Е. Кирюшкина, И. К. Инжеватова, В. Л. Пешоновой. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977. 224 с.
9. Пинясов Г. Давай вернемся в молодость: рассказы; Эрька мрдатама одксизонк: азкст. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2006. 160 с.
10. Пинясов Г. Чужая боль // Встречи. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 272 с.
11. Судьба моя – Мордовия: Очерки о лауреатах Гос. премии Мордов. АССР в обл. лит. и искусства / Предисл. и сост. В. И. Кабаева. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1984. 216 с.

12. *Тертычный А. А.* Жанры периодической печати: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 320 с.
13. *Хализев В. Е.* Теория литературы: учебник. М.: Высш. школа, 2002. 437 с.
14. *Четвергов Е. В.* Сиреневая луна: Рассказы о природе. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. 96 с.
15. *Эркай Н.* Родники души (Речи, статьи, воспоминания). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 224 с.

Поступила в редакцию 7.02.2011

N. V. Egorova

The singularity of art and publicistic forms of prose in Mordovian literature

The article considers the main formation and development stages of art and journalistic forms in prose of Mordovia, mainly in 60–90 of twentieth century. In process of studying the individual penmanship of some authors the article gives characteristic of thematic and semantic aspects and also structural instrumentation, that forms the basis of prosaic genres in Mordovian literature and journalism.

Keywords: genre, national literature, sketch, essay writing, story.

Егорова Наталья Вениаминовна,
соискатель, преподаватель кафедры теории и практики
региональной журналистики МГУ им. Н. П. Огарева
г. Саранск
E-mail: tatacute@rambler.ru

Egorova Natalia Veniaminovna,
lecturer of the theory and practice department
of the regional journalism in MSU named after N.P. Ogarev
Saransk
E-mail: tatacute@rambler.ru

А. К. Гагиева

**ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОМИ
С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ В XVIII ВЕКЕ**

В статье проанализированы делопроизводственные документы центральных и местных учреждений Российской империи как потенциальный источник, ресурс для реконструкции истории взаимоотношений коми с соседними народами в XVIII в., выявлены их особенности и типичные черты.

Ключевые слова: Российский государственный архив древних актов, Яренский и Усть-сысольский уезды, документы администрации, крестьянский мир.

Исследование истории взаимоотношений коми с соседними народами нашло отражение в трудах как общеисторического [1], так и специального характера [2]. Наиболее ценным среди них является монография Л. Н. Жеребцова «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами» [3]. Освещая вопросы этногенеза коми, автор справедливо отметил, что «каждый народ... живет в окружении других, с которыми вступает в самые разнообразные контакты, в том числе в экономические, политические, культурно-бытовые, семейно-брачные... Все это наряду с другими причинами способствует развитию экономики и культуры народа, обогащает его язык, проявляется практически во всех сторонах его жизни» [4].

Исследованию межэтнических отношений коми и соседних народов в последние годы был посвящен ряд работ. Примером удачного подхода к столь сложной проблеме мы бы назвали сборник статей «Национальные отношения на Европейском Северо-востоке: история и современность (социально-экономические, политические и культурные аспекты)», в котором, наряду с вопросами становления российского федерализма и многонационального государства, исследуются проблемы освоения территорий, демографические сюжеты в различных регионах и др. [5]. Вместе с тем, вопросы, касающиеся межэтнических контактов коми с другими народами в XVIII в., полного отражения в нем не нашли. Статьи Т. Е. Павлиной и В. В. Соловьева решают эти вопросы лишь частично [6].

Цель настоящей статьи – показать информативные возможности совокупности делопроизводственных документов центральных и местных учреждений Российской империи по истории взаимоотношений коми с соседними народами в XVIII в., хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов в Москве (далее – РГАДА).

В эпоху позднего феодализма (XVIII в.) Коми край представлял собой один из регионов Европейского Северо-востока России. В этот период на изучаемой территории идет дальнейшее освоение новых районов, что ведет к взаимодействию коми с другими народами, например, ненцами на севере и русскими – на юге. Одновременно развитие феодализма и вызревание в его недрах капиталистических отношений способствуют еще большему включению коми населения в экономические, культурные и социальные отношения с другими народами в рамках единого государства. Оба процесса разворачиваются параллельно, но с разной степенью интенсивности.

В изучаемый период территория Коми края была представлена тремя уездами: Яренским, Усть-сысольским (1780) и Печорским. Во 2-й пол. XVIII в. здесь появляются первые металлургические предприятия (Кажимский, Ньючимский и Нючпасский), продолжают работу Сереговский солеваренный завод, начинается освоение первых нефтяных скважин на р. Ухта, увеличивается количество торжков и ярмарок. Коми население принимает активное участие в строительстве Санкт-Петербурга, в освоении Сибири, а также в общегосударственных мероприятиях, например, в составлении наказов в Комиссию по новому соборному уложению 1767–1768 гг.

Как и в предыдущий период, население края остается крестьянским, но статус его изменился. Вместо «черносошных» появились «государственные» крестьяне, «монастырские» стали «экономическими». Подворное обложение заменено подушным, при этом выполнение повинностей и сбор денежных налогов, как и раньше, возложен на земледельческую общину [7].

Все сказанное не могло не отразиться на межнациональных отношениях, которые в изучаемое время в той или иной форме проявлялись в экономической жизни, а также в процессах расселения и освоения новых территорий, в участии в общегосударственных мероприятиях, развитии материальной и духовной культуры коми и соседних народов. Основной базой для их исследования стали опубликованные и неопубликованные исторические источники, хранящиеся в архивах и музеях Москвы, Сыктывкара и других городов. Наиболее важными среди них, несомненно, являются документы РГАДА [8].

Для большей наглядности характера межэтнических отношений мы выделили, исходя из вышеуказанных сфер жизни и деятельности коми народа, несколько блоков, которые, на наш взгляд, отражают многообразную палитру их контактов и связей с соседями. Первый – это блок документов, содержащих сведения о расселении, освоении территорий, мигрантах и эмигрантах, взятых в рекруты, ушедших в Сибирь или другие российские города и т.д. Они известны в исторической литературе как кадастровые и делопроизводственные документы и в большинстве своем опубликованы, но в контексте изучаемой темы представлены впервые.

Второй блок – самый многочисленный. Он включает в себя документы, связанные с развитием экономики края, и содержит сведения, отражающие межэтнические отношения в сфере землевладения и землепользования [9], торговли [10], а также повседневной жизни коми крестьянства, будь то выборы волостного правления или сбор сведений в вышестоящие организации. Отнесенные к разряду делопроизводственной документации, данные архивные источники пока использованы незначительно и до настоящего времени не опубликованы.

Рассмотрим более подробно источники, сконцентрированные в фф. 609 и 403, в которых, по нашему мнению, затрагивается большинство вопросов, обозначенных как в первом, так и втором блоках. В первую очередь, необходимо выделить группу местных фондов – материалы Яренской и Усть-сысольской воеводских канцелярий, сохранившиеся за период 20–70-х гг. XVIII в. [11]. Они состоят как из кратких погодных записей о рассмотренных делах, так и из самих дел. Следует отметить, что вторая категория делопроизводства сохранилась значительно хуже. В фондах имеются книги учета отдельных документов; списки должностных лиц, выбираемых на «мирских» сходах; ведомости о сборе подушных денег; документы, характеризующие межнациональные отношения коми и соседних народов, роль крестьянской общины в вопросах раскладки податей, выполнения натуральных повинностей; а также информация о внеземледельческих занятиях, побегам, социальном протесте крестьянства и др.

Особенность канцелярий как полицейско-административных органов состояла в том, что их функции вытекали, прежде всего, из заботы о регулярном пополнении государственной казны и сохранении «спокойствия» в уездах. Отсюда большое количество дел, посвященных сбору податей и поимке беглых. Данный архивный комплекс показывает реальный характер взаимоотношений чиновников воеводской администрации и выборных волостных властей, контактов с проезжавшими через волость служилыми людьми, а также все расходы, связанные с выполнением ямской повинности и сопровождением каторжников. Не последнее место занимают источники, показывающие контакты коренного населения. Следует отметить, что наибольшее число дел по вопросам сохранения полицейского порядка в волостях приходится на 70-е гг. XVIII в. – период крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева [12].

Межнациональные, поземельные и иные отношения, возникавшие при решении экономических вопросов, находились в делопроизводстве постольку, поскольку были взаимосвязаны с фискальными интересами. Специальных и систематических обследований уровня крестьянской экономики и характера этнических контактов в XVIII в. воеводскими канцеляриями не проводилось. Эти сведения, однако, иногда запрашивались с мест. Обычно это происходило в случаях, когда стихийные бедствия (неурожаи, заморозки) грозили нарушить нормальный ход поступлений денежных средств. Например, в 1748 и 1771 гг. сотские Киберской, Пажгинской, Визингской и других волостей Яренского уезда совместно с целовальниками и другими «мирскими» людьми подали в канцелярию ведомости о хлебных ценах, где указывали на высокие цены в связи с недородом [13].

Большое количество документов в данных фондах собрано по проблемам раскладки оброчных денег внутри волости, а также получения денежных средств для выплаты оброка, финансовых вопросов в связи с наймом на работу, уходом из волости, сдачей в аренду «мирских» земель купцам и заводовладельцам. В подобных делах межнациональные отношения прослеживаются наиболее ярко, так как отражают позицию и коми крестьян, и частных землевладельцев. Так, в 1738 г. в воеводской канцелярии рассматривали явочное челобитье мирского посыльщика Яренского уезда Вымских третей Дмитрия Иванова о неплатеже гостем Панкратовым в мир податей [14]. Аналогичная жалоба была подана на заводовладельцев Нювчимского, Нючпасского и Кажимского заводов.

Большую ценность представляют документы, подававшиеся волостной администрацией в канцелярию: отчеты, рапорты, донесения сотских, «мирских людей» и представителей крестьянского управления об урожае, отходе, работе на заводах, по найму за пределами края и др. В каждом таком документе есть обязательная ссылка на «мирское» участие и «всеобщее согласие». Можно предположить, что крестьяне, отпуская того или иного члена коллектива в отход, должны были через крестьянское управление представить необходимые сведения в канцелярию. Наиболее активно такие документы собирались в 60–70-е гг. XVIII в. Так, в 1774 г. все волостные сотские Яренского уезда подали рапорты в Яренскую воеводскую канцелярию о наличии или отсутствии «разбойников» [15].

Интересны для изучения исследуемого вопроса жалобы, поступившие от жителей той или иной волости на «неправильное» поведение выборных лиц, а также должностных чинов воеводской канцелярии, заводчиков и землевладельцев. В качестве примера можно привести датированную 1767 г. жалобу крестьянских поверенных 16 коми волостей Яренского уезда на воеводу Бурцева: на то, что воевода берет взятки, заставляет работать на себя, требует подарков и подношений. В конце документа шла просьба о назначении нового воеводы [16]. Как свидетельствуют материалы, в эти волости была направлена комиссия, по результатам работы которой Бурцев лишился своей должности.

Важное место среди документов, особенно по следам проведения Генерального межевания, занимают донесения и жалобы крестьян по вопросам «неправильного» размежевания. Самыми известными здесь, пожалуй, являются споры о владении землей между крестьянами Ляльской, Княжпогостской волостей и Турецкой трети и заводовладельцами Рыбниковыми, а также поземельные конфликты между Пажгинскими и Гарьинскими крестьянами и владельцами железоделательных заводов [17].

Фонды воеводских канцелярий сохранили немало специальных записей о крестьянском предпринимательстве и контактах при проведении торговых операций и всевозможных сделок. Как правило, они фиксировались в протоколах, то есть резюмированных решениях канцелярий. Протоколы были обнаружены за все изучаемое время, и они дают ценный, качественный материал. Вместе с тем, из-за почти полного отсутствия исходных документов исследователь лишен возможности установить ход и полное содержание дел, что, несомненно, обедняет их историческую ценность. Так, в 1765 г. в Яренскую воеводскую канцелярию поступили сведения от сотских Иртовской, Жешартской, Киберской и других

волостей о выдаче 119 паспортов крестьянам, желающим уйти из волости за пределы края для поиска работы [18].

В РГАДА хранится целая группа документов, посвященных вопросам демографического учета населения, в первую очередь – это ревизии 1820–1860-х гг. Они известны исследователям, предметом научного интереса которых была история крестьянства Коми края, а также проблемы демографии, расселения, освоения земель и т.д. Однако для изучения истории межэтнических отношений в XVIII в. данные источники практически не использовались. Между тем они содержат сведения о социальной структуре крестьянства, о миграциях как внутри, так и за пределы края, об этнических контактах [19], ввиду чего, ценность данных источников значительно возрастает.

Для характеристики межнациональных отношений еще одной категории населения Коми края – монастырского и архиерейского крестьянства (с 1764 г. – экономические крестьяне) – были использованы фонды экономических казначеев и Коллегии экономии [20].

Яренские экономические казначеи подчинялись непосредственно Сольвычегодскому экономическому правлению. Введение экономических органов, как это показывают «Наставления экономическим правлениям», утвержденные 4 апреля 1771 г., входило не только наблюдение за регулярным поступлением денежных сборов, безволокитным разрешением судебных дел экономических крестьян с посторонними людьми. Экономические учреждения имели право на разделение крестьян на тягла, на перераспределение земли, ее отчуждение и т.д. [21]. В фонде экономических казначеев и правлений имеются документы, отложившиеся в деятельности яренских экономических казначеев. В них, кроме вопросов, связанных с земледелием, торговлей и промыслами, отражены также сюжеты по интересующей нас проблеме. Дела фонда богаты данными о проникновении торгового капитала в деревню, о поставках товаров и связях коми с соседними регионами.

В фонде Коллегии экономии отложились донесения яренских казначеев, дела об экономических вотчинах и копии указов. Каждое дело прямо или косвенно указывает на положение экономических вотчин и свидетельствует об усилении отхода, что служит еще одним подтверждением активизации межнациональных отношений в изучаемое время, выразившихся в контактах коми с соседями в вопросах экономической и повседневной жизни.

Фонд 16 (или XVI-й разряд) РГАДА содержит документы по административной, политической и экономической истории Яренского и Усть-Сысольского уездов. В данной коллекции одно из главных мест занимают рапорты губернаторов о положении в губернии. Для нас большой интерес представляло донесение генерал-губернатора Петра Мельгунова о состоянии Ярославской, Вологодской, Костромской губерний в 1777–1789 гг. [22], конкретнее – его предложения о решении проблем, связанных с недоимками, поскольку часть изучаемой нами территории входила в Вологодскую губернию.

Подводя итог, заметим следующее: выявленный в РГАДА комплекс делопроизводственных документов содержит в себе богатую информацию, благодаря которой можно с достаточной полнотой восстановить картину межнациональных

контактов коми с соседними народами. При этом открывается реальная возможность выявить роль центральных и местных органов власти в складывании тех или иных форм межэтнических связей коми с соседями, установить их характер и степень интенсивности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Очерки по истории Коми АССР. Т. 1. Сыктывкар, 1955. 352 с.; История Коми АССР. 2-е изд., доп. Сыктывкар, 1981. 480 с.; История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. Сыктывкар, 2004. 345 с.

2. *Лаиук Л. П.* Формирование народности коми. М., 1972. 134 с.; *Мацук М. А.* Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Очерки истории коми крестьянства XVI–XVII вв. Сыктывкар, 1993. С. 164–247 и др.

3. *Жеребцов Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982. 231 с.

4. Там же. С. 3.

5. Национальные отношения на Европейском Северо-востоке: история и современность (социально-экономические, политические и культурные аспекты). Сыктывкар, 2009. 136 с.

6. *Павлина Т. В.* Отражение межэтнических контактов в сфере торговли Коми края в первой четверти XVIII века // Национальные отношения на Европейском Северо-востоке: история и современность... С. 78–87; *Соловьев В. В.* Историографические аспекты взаимоотношений ижемских коми и устьицлемов // Там же. С. 87–92.

7. *Гагиева А. К.* Община крестьян Коми края во второй половине XVIII века: Автореф. дисс. к.и.н. Л., 1987. 18 с.

8. РГАДА. Ф. 609. Оп. 1, 2, 3. Д. 1–172, 640–689 и др.

9. Там же. Ф. 403. Оп. 1, 2. Д. 265–298 и др.

10. Там же. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32879, 32880.

11. Там же. Ф. 609, 403.

12. Там же. Ф. 609. Оп. 2. Д. 123–467.

13. Там же. Ф. 609. Оп. 2. Д. 261, 272.

14. Там же. Ф. 609. Оп. 2. Д. 841.

15. Там же. Оп. 3. Д. 294.

16. Там же. Ф. 609. Оп. 2. д. 137.

17. Там же. Ф. 609. Оп. 3. Д. 230.

18. Там же. Ф. 403. Оп. 1. Д. 14819. Там же. Ф. 350.

20. Там же. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 247.

21. Государственные учреждения России в XVIII в. (Законодательные материалы). М., 1960. С. 432.

22. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1012.

Поступила в редакцию 19.01.2011

А. К. Gagieva

Business documents of the central and provincial organization of the Russia Empire on the history relations komi with the neighbors peoples in the 18 century

The aim of this report is to show business documents of the central and provincial Organization of the Russia empire on the history relations komi with the neighbors peoples

in the 18 century. The author examines some theoretical problems of the business documents of the central and provincial organization of the Russia Empire and analyses the problems influencing on the level relations.

Keywords: Russian State archives of ancient documents, Yarenski and Ust-sysolski districts, documents of administration, peasant world.

Гагиева Анна Капитоновна,

доктор исторических наук, профессор,

Коми Республиканская Академия Государственной службы и управления

г. Сыктывкар

E-mail: gngkol2@mail.ru

Gagieva Anna Kapitonovna,

Doctor of Historical Sciences, professor,

Komi Republican Academy of Civil service and administration

Syktvkar

E-mail: gngkol2@mail.ru

Н. И. Шутова

ДЕРЕВО В ТРАДИЦИОННОМ УДМУРТСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ

Статья посвящена анализу значения и функции природных объектов – дерева, рощи, леса, в формировании сакрального пространства, в мифологии, в культовой и магической практике удмуртов.

Ключевые слова: сакральный ландшафт, святилище, дерево, обряд, культовая и магическая практика.

Удмурты – один из финно-угорских народов, издавна живущих на территории Камско-Вятского междуречья. Значительная часть этой территории покрыта елово-пихтовыми, березовыми, сосновыми, осиновыми, лесами. Через регион пролегали три природные зоны: среднетаежные, южнотаежные и хвойно-широколиственные леса. В северных районах лесистость достигает 70–90 %. В ряде южных районов вследствие агрикультурной деятельности человека лесные массивы исчезают и составляют менее 10 % площади. Здесь встречаются широколиственные леса с дубом [1]. С давних времен леса, рощи, отдельные деревья занимали особое положение в хозяйственной и повседневной жизни местного населения; с ними связан целый комплекс ритуально-символических действий и религиозных представлений.

Дохристианские святилища и культ деревьев

Большинство дохристианских святилищ было локализовано в лесной среде. В первую очередь это утверждение относится к капищам, посвященным хозяевам Дикой Природы [2]. В лесу на поляне, перед священным деревом/деревьями (чаще у ели), совершались моления в честь хозяина леса *Нюлэсмурта*. Там располагалось кострище, стояли столик и скамейки. Хозяин леса считался одним из главных божеств у северных удмуртов. Он имел широкие сферы влияния, в его ведении находились леса, к нему обращались с просьбой дать удачи в охоте, пчеловодстве, сберечь скот. К нему обращались с просьбой сохранить домашний скот от

зверей, болезней, потопления в речках и логах, просили сделать скот сильным и плодородным. Он являлся хозяином диких зверей, к примеру, распоряжался, какому медведю в какой берлоге лежать. Отдельные охотники, семьи, целые деревни приносили ему в жертву домашнюю и дикую птицу, реже – скот, а также вещественные дары (перышки, монеты, нитки, полотенца) [3].

Настоящей и полной жертвой *Нюлэсмурту* считалось животное, которое закалывали и поедали как отдельными семьями, так и всем селением. Осенью, обычно во второй половине октября, когда скот пригоняли с полей и переводили на зимнее стойловое содержание, каждый домохозяин в сопровождении членов своей семьи приносил благодарственную жертву – серую гусыню, тетерку. Пух, перья и потроха оставляли на земле под священным деревом. Мясо жертвенной птицы варили в котелке, совершали ритуальную трапезу в благодарность за покровительство скотине. После трапезы часть мяса и кости птицы прикрепляли к ели или складывали в жертвенную коробочку, туда же втыкали старую деревянную ложку. В дар хозяину леса приносили небольшое полотенце или часть холста, живую курицу со связанными ногами или гусиное перо, перевязанное красными нитками, вбивали в священное дерево монеты. На юге бывшего Сарапульского уезда кости жертвенного животного, лоскуток холста и монетку складывали в лукошко и привешивали к ели в глубине леса [4]. Еще в кон. XX в. в северных районах мужчины осенью ходили в лес на особое место под ель жертвовать гусей, уток *Нюлэсмурту*, чтобы была удача в охоте и в разведении скота. Для излечения от болезней северные удмурты приносили дары (яичные лепешки, яйца, крупа) хозяину леса на пенек в лесу [5].

В южных районах большая часть лесных площадей вырублена, поэтому культ хозяина леса замещен культом другого божества Дикой Природы – хозяина священной рощи *Луда/Керемета*. Он предстает в удмуртской мифологии в двух ипостасях. Первый образ составляет полевик, луговик *Лудутись/Лудмурт*, он занимает второстепенное после хозяина леса *Нюлэсмурта* место, состоит в его свите и является его ближайшим помощником или одним из его родичей. *Лудмурты* могли быть мужского и женского пола, они вступали друг с другом в брачные отношения, рождали детей. Они охраняли животных, следили за посевами, в их ведении находилось бортовое и пасечное пчеловодство, в честь них на пасеке жертвовали утку. Второй образ – хозяин Священной рощи *Луд/Керемет* – строгий и взыскательный хозяин окрестной территории. Он являлся в человеческом облике, мог наказать человека в образе медведя и при этом оставлять следы беличьи, куньи и других зверьков [6].

Архаичной разновидностью сакральных мест, посвященных *лудам*, были поляны посреди леса. Жертвовали там курицу, гуся, приносили блины (*Їуж мильым* ‘желтые блины’), обращались с просьбами, чтобы дети хорошо росли, чтобы хорошо водился домашний скот [7]. Поздней разновидностью святилищ, посвященных *Луду*, являются священные рощи. Они располагались за пределами населенных пунктов на возвышенном (иногда низменном), покрытом лесом участке, вблизи водного источника. В проводимых здесь ритуальных церемониях участвовали только мужчины. Около толстых вековых деревьев (ели, липы, березы), игравших роль своеобразных центров, стояли столы – жертвенные алтари,

у которых жрецы читали молитвы в окружении всех участников обрядового действия. На святилище *Луд* каждому домохозяину был предназначен определенный участок с деревом, под которым никто другой не имел права молиться. На уровне 3 аршинов от земли такие деревья могли быть опоясаны лыком или ленточкой с пихтовым венком. В их стволы вбивали монеты, втыкали обернутые нитками перья [8].

В жертву *Луду* приносили лошадей, овец, птиц и пр., в соответствии с местными обычаями и материальным состоянием окрестных жителей. В процессе обряда часть пищи возносили вверх – привешивали на дереве или на прутике. В старину череп, другие кости и шкуру жертвенного животного привешивали к деревьям в роще. В некоторых местностях бывших Осинского и Бирского уездов еще в нач. XX в. можно было увидеть целые лошадиные скелеты, подвешенные на веревках к деревьям [9].

Растущие деревья играли важную роль и на других обследованных нами святилищах. Так, в д. Верхнее Мочагино (Слободской р-н Кировской обл.) имелось капище *Кылдысин каронни* (удм. ‘делание/проведение кылдысина’), посвященное божеству земли и плодородия *Кылдысину*. В Петров день здесь, возле березы и родника, в окружении трех-шести пихт, жертвовали бычка рыжей масти. К почитаемой березе женщины бросали монетки, лили растопленное масло, приносили другие дары, просили здоровья детям и всем членам семьи. На святилище *Иммала* (Слободской р-н Кировской обл.), устроенном в честь племенного божества слободских удмуртов, большим почитанием пользуется береза с раздвоенной вершиной, к ее стволу люди привязывают разноцветные платки, лоскутки, пояски, тесемки, полотенца, обмотанные красной ниткой утиные перья. У корней священной березы и в роднике бросают жертвенные монеты. В прежние годы летом в Петров день и осенью в Покров на поляне в лесу, возле березы, совершались общественные жертвоприношения домашних животных и птиц.

На священном месте *Акташ* (тюрк. ‘белый камень’), посвященном злему богу, действующему после захода солнца, жители д. Кузобаево (Алнашский р-н Удмуртской Республики) молились при проводах в армию, а также в случае болезней и несчастий в семье. Здесь новобранцы вбивали в растущее дерево монету, а их отец приносил в жертву гуся.

Культовый памятник *Лек Ошмес* (удм. ‘сильный, злой, сердитый родник’) располагается возле д. Малые Мазыги (Игринский р-н Удмуртской Республики) на поляне посреди леса. Центром святилища является исток родника с елями, среди которых имеется особая ель для вбивания железных предметов (*корт шукоккон кыз*). В нее для излечения от болезней мужчины вбивали железный предмет, а женщины бросали сверток с серебряной монеткой, железным предметом, крупой, солью, яйцом, куском хлеба. В XIX столетии и в нач. XX-го во время сева здесь резали бычка либо жеребенка [10].

Ближние аналоги святилищу *Лек ошмес* встречаются у коми и обских угров. В частности, на мужском родовом культовом месте *Пайпын-ойка* манси совершали ритуальные действия для исцеления от болезней и при этом вбивали железные ножи в ствол кедра и ели [11]. У коми-пермяков имелось почитаемое

охотниками место *Сырчик коз* (коми 'трясогузкиная ель'). Судя по фольклорным данным, эта ель имела две вершины, и охотники собирались около нее перед началом охотничьего сезона. Они стреляли в нее из лука и спрашивали, удачной ли будет охота. С давних времен существовал обычай посещения *Сырчик коз* на Троицу. После посещения кладбища и поминальных церемоний молодежь собиралась у ели для проведения празднества, для игр, плясок и песен [12].

Святылище *Булда*, посвященное одноименному племенному божеству южных удмуртов, располагается в дубовом лесу в окрестностях д. Нижние Юраши (Граховский р-н Удмуртской Республики). К почитаемым здесь деревьям (клены, липы, орешник, дубы) по обету привязывают полотенца, скатерти, полотенчатые головные уборы. Около одного из таких деревьев имеется ямка, в которую женщины бросают монеты, просят здоровья. По представлениям местных старожилов, воплощением хозяина святылища *Булды/Булдамурта* служил то ли дуб, который и поныне растет на горе; то ли ель, которая давно свалилась от старости; то ли высокий старик в белой одежде. Моления в честь *Булды* проводилось на поляне среди лип и дубов, по кругу стояли жрецы, а в центре сакрального круга восседал почетный председатель, руководивший обрядовым действием [13].

Дерево и замещающие его предметы являлись непременной принадлежностью семейно-родовых святылищ Великая куала. Куала – бревенчатое четырехугольное строение без фундамента, окон и потолка, с одно- или двускатной крышей, пол в нем заменяла плотно утоптанная земля; в центре располагался обложенный камнями очаг. По традиционным воззрениям, родовые святылища были населены божествами-покровителями *Воришудом* (хранитель счастья семьи, рода), *Мудором* (хозяин локальной территории, сакральный центр родовой территории), *Инву* (небесное божество, небесная вода), которые обеспечивали благополучие членам рода, отвечали как за внутренние межпоколенные, так и за внешние связи коллектива родственников с ближайшим природным окружением. Здесь хранили главную святыню рода – символическое изображение *Воришуда* в виде идола, металлической пластины *дэндора*, черепа животного, священный короб (*воришуд*) со всеми хранящимися в нем жертвенными приношениями и священную деревянную полку (*мудор*). Эта полка служила символом священного дерева, во время церемоний ее украшали свежесрезанными ветками дерева, на нее совершалось возношение жертвенных яств.

Еще в XVIII в. русские и иностранные путешественники указывали на особую связь божества *Мудор* с деревом и производными от него – бревном, столбом, дощечкой/полочкой. По Н. П. Рычкову: «...Из числа ими обожаемых вещей знатнейший есть так называемый *Модор*, который не что иное, как ветви пихтового дерева...». Когда автор хотел притронуться к дощечке, прикрепленной к настенной полке и обложенной травой, то ему не разрешили. На его вопрос о причине такого строгого запрета хозяева-удмурты ответили, что это одна из главных обожаемых ими вещей, которая называется *Модором* и является богом-хранителем их домов. Этому предмета никто не имеет права касаться, за исключением старика – хранителя родовой куалы. Снимать ветки с дощечки может лишь «...один престарелый вояк, живущий в их деревне. Когда же он умрет, то место его заступает сын, а буде нет кровного наследника, то ближайший из род-

стенников... По прошествии каждого года перед ветвями, служащими за образ домашнего бога, приносят в жертву молодого теленка, уши которого кладут на ту доску, на которой лежат пихтовые ветви» [14]. И. Г. Георги писал: «Самую же дощечку или жертвенник зовут они *Мудором* и *Модором* и почитают оную столь свято, что никто не дерзнет к оной и приближаться...» [15]. В некоторых родовых святилищах существовало особое место *мудор пукон* 'сидение *мудора*', которое устраивали у передней стены напротив очага, и состояло оно из вертикально прислоненного к стене бревна.

После разрушения деревянного строения Великой куалы люди продолжали посещать это место и совершали моления возле растущего на этом месте дерева. К примеру, на окраине упомянутой выше д. Нижние Юраши на месте расположения общедеревенской куалы выросла большая сосна (диаметр ствола достигал 1 м), она почиталась местным населением как символ прежнего святилища. В д. Малый Билиб (Шарканский р-н Удмуртской Республики) на месте деревенской куалы стоит огромная развесистая береза. Жители деревни и ныне боятся притрагиваться к ней, не используют в хозяйственных целях ни листочка, ни сучка, ни веточки от этого дерева. Они называют ее ведьминой березой. В с. Большая Пурга (Игринский р-н Удмуртской Республики) после уничтожения Великой куалы окрестное население продолжало совершать заклятие домашнего скота и птицы на том же месте под елью.

Как мы видим, дерево служило одним из маркеров сакрального центра на дохристианском святилище. Эти деревья обладали особыми природными качествами: они имели толстые или искривленные стволы, могучую крону, признаки аномального развития в виде дупла, раздвоенной вершины или другие отличительные признаки. С течением времени на священных местах могло сохраниться лишь одно или несколько почитаемых деревьев. В случае отсутствия деревьев на культовом месте функции сакрального центра выполняли пенек от погибшего священного дерева, свежесрезанные ветки, воткнутые в землю молодые срубленные деревца, специальные столбики. После христианизации во время молений к таким столбикам стали прикреплять христианскую икону, которую называли либо *мудор*, либо *оброс* 'образ'. Почитались и отдельно стоящие в поле деревья, наделяемые сверхъестественными магическими свойствами.

Как правило, к растущим на месте святилищ и отдельно стоящим почитаемым деревьям относились с большим почтением, их оберегали от порубки, с них нельзя было ни листочка сорвать, ни веточки сломать. По народным поверьям, порубщиков священных деревьев ожидала неминуемая кара: жестокая болезнь необъяснимого свойства, паралич, долгая, мучительная смерть.

Дерево в похоронной и поминальной обрядности

Дерево, роща, лес играли важную роль в погребальных и поминальных обрядах. По традиционным удмуртским воззрениям, глухие леса являлись любимым местом пребывания душ умерших. Подобные представления связаны с тем, что старинные кладбища, как правило, устраивались в лесу, а захоронения совершались под деревом. Сохранились легенды и предания о захоронении знаменитых богатырей и

родоначальников под елью, о проведении поминальных церемоний под такой елью. К примеру, в исторических документах середины XIX в. приведены сведения, что чепецкий Идна-батыр был погребен под елью в лесу, и каждому из богатырей (Донды, Весья, Гурья и др.) были посвящены особенные ели, под которыми в честь них удмурты приносили жертвы [16]. В каких-то случаях лес сам вырастал на кладбище после совершения погребения. Особенно, если среди местного населения практиковался обычай высаживать у изголовья могилы деревце, чаще березку. Христиане устанавливали над могилой крест, а некрещенные вместо креста ставили столбик с фотографией умершего, с указанием полного имени, даты рождения и смерти, нередко вырезали семейно-родовой знак (*нус*) [17]. Позднее живые деревца заменялись надмогильными столбиками и другими памятниками.

В одном семантическом ряду с подобными обычаями выстраивается традиция устанавливать на деревенском кладбище или на особых местах столбы-памятники (*йыбо*) или метки (*бильги*) в честь умерших на чужбине людей. Сооружение такого памятника знаменовало вторичные символические похороны умершего на стороне человека, а сам памятник (столбик или метка) служил заместителем усопшего / вместилищем его души. Люди верили, что в таком случае душа-урт погибшего на стороне человека имела на родине свое пристанище и в результате могла возвратиться домой [18].

Почти у всех групп удмуртов вплоть до недавнего времени было принято развешивать над могилой (на дереве, на кресте, на шесте) лоскутки материи, куски холстины или полотенце, а иногда и одежду умершего. А в прежние времена на кладбищах, на деревьях и кустарниках, удмурты непременно развешивали в качестве даров умершим предкам целые покрывала, платки, косынки, одежду [19]. Помимо этого, в кон. XIX в. Н. Г. Первухин привел данные о существовании в с. Игринском бывшего Глазовского уезда (в настоящее время – пос. Игра Удмуртской Республики) старинного обычая привешивать к растущим на кладбище елям кукол. В этот лес окрестные удмурты приносили сшитые из тряпок куклы в национальных костюмах и выполняли обрядовые действия, в ходе которых куклы привешивались к сучьям деревьев [20]. Как свидетельствуют этнографические данные, в одних случаях подобные лоскутки, отрезки тканей, полотенца, тряпичные куклы рассматривались самими этнофорами в качестве изображений умершего или вместилищ его души-урта, а в других случаях – в качестве символических жертвенных приношений, предназначенных как для новопреставленного, так и для ранее умерших родственников.

В XIX – пер. пол. XX в., а кое-где вплоть до настоящего времени, после проведения поминально-умиловительных обрядов все кости пожертвованных животных и птиц принято было уносить в специально отведенные места *лы куян инты* ‘место для выброса костей’, или *кур куян* ‘место бросания лубка’. Довольно часто череп, кости и шкуру животного привешивали к дереву. Еще и в кон. XX в. на *кур куянах* можно было видеть деревья с привешенными к ним жертвенными приношениями, для того чтобы в той жизни у умерших ни в чем не было недостатка. Выполнение аналогичных обрядов отмечено и у коми-зырян [21].

Судя по археологическим и фольклорно-этнографическим данным, изготовленные из дерева погребальные сооружения (долбленные колоды, обертки из луба

и бересты, разные конструкции из досок) являлись местом последнего прибежища умершего. В старину удмурты хоронили умерших на лубе, в лубе, перевязав его лыком, своеобразно превращая его в дерево (аналог колоды). Позднее этот обычай трансформировался в обмывание тела покойного на лубе. Особым смыслом наполняется в связи с этими обычаями пословица «*Кур былэ вуыто-зяд, визь былэ вуод*» (Пока до луба [читай: до смерти] доберешься, ума наберешься), а выражение *курадзыны* «страдать» раскрывает свое древнейшее, исконное значение: *кур адзыны* букв.: «луб увидеть», то есть «увидеть смерть», «держат траур» [22].

Деревья в магической практике

Разные породы деревьев, части дерева и производные от него предметы – кол, столб, палка выполняли магические функции. Так, чтобы защитить живущих людей от умершего колдуна, мамадышские удмурты хоронили его, уложив лицом вниз, а в спину забивали деревянный кол [23]. Осина, рябина и ольха имели значение защитника от колдовских сил и болезней. По народным поверьям, помимо ведунов, способных портить людей на этом свете, есть ведуньи, становящиеся ими после смерти (*кылчин-убир*). После смерти ими могли стать некоторые прорицатели, жрецы, знахари. Считалось, что ведуньи этого мира после смерти менее страшны, нужно лишь похоронить их особым способом – ничком, лицом вниз. А вот *кылчин-убир* после своей смерти могли приходить в полночь в деревню в виде огненной дуги и всячески устрашать оставшихся в живых родственников. Чтобы *кылчин-убир* потерял свои сверхъестественные свойства, в круглое отверстие, оставшееся после его выхода из могилы, следовало с особыми словами забить осиновый или ольховый кол [24]. По сведениям В. Е. Владыкина, удмурты при закладке дома втыкали от порчи особую рябиновую палку, а во время эпидемических заболеваний на воротах или дверях развешивали рябиновые ветки, палки [25].

Рябина была важным магическим атрибутом и у других финно-угорских народов региона. В Поволжье широко бытовали представления о том, что под рябиной не убивает молния, носили кресты из рябины (и для животных тоже делали обереги из рябины), ограждали себя рябиновыми ветками от нечистой силы в ночь выхода мертвых, с XVIII в. была известна даже особая секта «рябиновцев» [26].

Некоторые породы деревьев наделялись отрицательной энергетикой. Так, моя мама А. Ф. Тимофеева (1921 г.р.) не разрешала высаживать осину в огороде и около дома, мол, страдать всю жизнь будешь, так же, как осина шелестит листьями. Следовательно, осина рассматривалась как символ горести, плача, страдания. Негативной символикой в народной традиции обладают кривые деревья с черными наростами. Появление на дереве таких наростов связывают с происками колдунов, которые в случае невозможности причинить зло людям сбрасывают на деревья свою злую энергию [27].

Дерево (или его аналог – пень) являлось точкой пересечения миров, способствовало перевоплощению человека. По поверью елабужских удмуртов, люди прежде умели превращаться в медведя, втыкая для этого нож в дерево. Как-то

раз один человек вынул нож, воткнувший в дерево, и колдун навсегда остался медведем [28]. По представлениям коми, можно было превратиться в волка, всадив нож в основание пня, а затем перекувырнуться через голову [29].

Дерево в мифологических воззрениях

Выполнение обрядовых церемоний на дохристианских культовых местах, семейные и календарные обряды, а также фольклорные тексты позволяют реконструировать значение и роль дерева и леса в удмуртской мифологии.

Отдельно растущее дерево, группа деревьев, рощи и леса, как и другие природные объекты, являлись важным элементом условного мифического пространства. Лес символизировал чужое запредельное пространство, Дикую Природу (*Луд*), и составлял своеобразную периферию по отношению к центральному окультуренному пространству. В религиозных верованиях и обрядовой практике нашли отражение две основные концепции сущности *Луда*: архаичное восприятие его как неведомого, неперсонифицированного пространства и более позднее восприятие как пространства, населенного многочисленными и разнообразными олицетворениями сил природного окружения – *Нюлэсмурта* (хозяин леса), *Луда* (хозяин рощи), *Вумурта* (хозяин воды), духов отдельных родников, озер, деревьев, местечек и стихий. В представлениях носителей мифологического сознания Дикая Природа (следовательно, и лес) выступает как животворное, все созидающее и все поглощающее начало [30].

Мир Дикой Природы являлся местом локализации потустороннего загробного мира, там обитали души умерших предков. В обрядовой поэзии похоронно-поминального цикла мир мертвых располагается где-то далеко, далеко в черном лесу, то есть в не освоенном земными людьми месте. Не случайно в песнях, исполняемых во время проведения свадебных церемоний (общеизвестно, что свадьбы обнаруживают генетическую связь с похоронами), весьма распространенным является мотив осознания принадлежности поезжан к потустороннему миру:

*Кам вамен пуккы курен куръяськыса,
Чебер сяська дурэ выжимы...
Сапег вылам кушкунт кутчаса,
Сьӧд нюлэс пыр мон потій...*

Через Каму, завернувшись в липовый луб,
За красивым цветком мы переправились...
На сапоги старые лапти надев,
через темный лес я прошел... [31].

В фольклорных текстах (д. Малый Лудошур) умерший предок находится где-то в глубине черного леса:

*...Кыдёкын-кыдёкын яратон туганэ.
Сьӧд кырныж но пыронтэм сьӧд нюлэс шоръёсын...
Нюлэскын нюк бадӟым, вуэз чик ӧвӧл.
Сьӧд юбкаэн кышетэ, кофтае гинэ тӧдӧы...*

...Далеко-далеко любимый друг.
Даже черному ворону не добратся, в середине (глубине) черного леса...

В лесу лог большой, воды совсем нет (там).

Черные юбка с платком (на мне), только кофта белая... [32].

Как уже было отмечено выше, произрастающее на дохристианских святилищах дерево: ель, сосна, береза, дуб, клен, ольха, орешник, – служило одним из главных маркеров сакрального центра родовой или территориальной группы удмуртов, символом мирового дерева. Сохранилось свидетельство Н. П. Рычкова, относящееся к кон. XVIII в., что удмурты почитают одно дерево (одно общее дерево или отдельное дерево для каждой семьи. – Н. Ш.) в дремучем лесу, которое их предки называли *Модором*, а также используют ветви этого дерева (очевидно, при молениях. – Н. Ш.) [33]. В кон. XIX в. Б. Мункачи зафиксировал термины, обозначающие священный столб в семейной куале – *воришуд-йыбо* (*воришуд* ‘наименование божества’ и *йыбо/юбо* ‘столб’) или *быдзым мыдор* (*быдзым* ‘великий’ и *мыдор* ‘наименование божества’) [34]. Приведенные данные позволили В. Е. Владыкину сделать заключение, что понятием *мудор* (центр/край земли) обозначали главное дерево Великого леса, растущее в его центре (мировое дерево) [35].

Роль космического, мирового дерева в удмуртской мифологии выполняли ель, береза и сосна, поскольку их культ получил наибольшее развитие, и именно они устойчиво ассоциировались с триадой верховных божеств: сосна являлась деревом *Инмара* (главный бог, бог неба), ель – *Куазя* (божество погоды и атмосферных явлений), береза – *Кылдысина* (божество плодородия) [36]. «Представления о 3-х частной структуре мирового дерева особенно наглядно прослеживается в системе жертвенных даров...: верхнему миру предназначалась особая жертва (обычно каравай с маслом – ритуальные предметы, семиотический статус которых изоморфен солнцу) – так называемый “вылэ мычон” – вверх возносимое, которая помещалась на специальном устройстве из сплетенных ветвей на макушке дерева; среднему миру посвящались шкуры жертвенных животных, специально одетые куклы, полотенца, различные ленты, яркие куски ткани, которые развешивали на ветвях или привязывали к ним; нижнему миру жертвовали пиво, кумышку, топленое масло, которое лили к корням дерева, туда же клали или закапывали кости жертвенного животного, серебряные монеты, различные предметы, чаще металлические...» [37].

Своеобразным центром иного нижнего мира также являлось дерево, но это было дерево, растущее корнями вверх. В процессе обучения на колдуна одно из заданий – влезть на дуб «вниз головой» является непонятным и невыполнимым с точки зрения современного человека. С позиций мифологического мышления влезть на дуб «вниз головой» можно лишь в том случае, если последний растет в потустороннем мире, зеркально противопоставленном земному, корнями вверх [38].

Дерево и заменяющие его объекты обнаруживают взаимосвязь и взаимозависимость и с другими удмуртскими божествами. Имеющиеся этнографические материалы показывают, что нередко священное дерево, растущее на святилищах, символизировало обитающее на них божество (к примеру, дуб, ель – *Булда*, береза – *Инмала*). В семейных и родовых святилищах (*куала*) аналогом дерева выступали столб, бревно или деревянная полка. Леса и отдельные рощи служили местом обитания хозяев Дикой Природы (*Нюлэсмурта*, *Луда*), а отдельные деревья – воплощениями этих божеств.

В то же время существуют данные, позволяют предполагать, что не только дерево, но и распускающиеся на нем цветы являлись местом обитания божества (духа молений). Сохранилось любопытное сообщение П. М. Богаевского, что, по представлениям одних людей, *Мудор* и *Инву* летом не жили в Великой куале, а подобно пчелам улетали на цветы и повсюду распространяли свое влияние, а ночью возвращались в родовое святилище, так же как пчелы собираются в улей. В с. Юськи (совр. Завьяловский р-н Удмуртской Республики) удмурты (официально христиане) говорили, что *Воришуд* семейной куалы около праздника Пасхи, якобы подобно *Инву* и *Мудору*, тоже «уходил на цветы» (как пчелы. – Н. Ш.), а накануне Троицы люди ждали его возвращения, по случаю чего совершали специальное моление [39]. Косвенным свидетельством существования такого рода поверий могут служить выражения *вӧсез шур кузя лэзьыны / сяська вылэ лэзьыны* ‘отпустить моление по воде / по цветам’, означающее церемонию прекращения моления *Булда* и *Шийлык* (Граховский р-н Удмуртской Республики). В контексте традиционного мышления сама эта фраза относилась не к обрядовому действию, а к сущности моления и, очевидно, означала, что сакральную ценность (дух / душа) моления отпускали на свободу, то есть возвращали в естественную природную среду.

Представления о дереве как обиталище божества, духа моления сохранились до настоящих дней. Так, жительница д. Кузебаево (Алнашский р-н Удмуртской Республики) Будрина Азина рассказывала: *«Нам выделили участок под картошку, свой-то огород был маленький. Однажды со снохой пошли окучивать картошку. А возле этого участка росла красивая стройная липа. Было время ее цветения, она стояла вся в цвету, цветы свешивались книзу как бы специально, чтобы их собирали. У меня даже дух захватило, глядя на нее. Работаю и думаю, ну, и наберу я этих цветов. Липовые цветы лечат от простуды, поэтому я их собираю. Подошла к липе, но никак не могу цветов набрать. Кто-то как будто говорит: “Не ломай, не трогай меня”. Трижды я подходила за цветами, да так и не поднялась рука набрать цветов, как будто кто мои руки держит. И даже жалко становится липу: цветы комьями свисают, а соберешь – ветки останутся голыми. Прежняя владелица участка Жак-апай жила в Кузебаево. После этого я спросила у нее про эту липу: “Жак-апай, около вашего прежнего хозяйства липа растет. Хотела я набрать с нее цветов, но почему-то не смогла”. – “Эта липа – место, на которое садится дух моления, поэтому, наверное, ты не смогла ничего сорвать. Старики так говорили (стариками так заведено), и мои родители тоже не разрешали трогать эту липу”, – сказала она»* [40].

Как свидетельствуют легенды, береза является священным деревом божества плодородия *Кылдысина*, он мог появиться перед людьми на вершине большой старой березы. Моления в честь него устраиваются под березой. В составе сакральных предметов, хранимых в родовом воршудном коробе, встречается березовый сучок. Во время обрядовых церемоний на семейно-родовых святилищах часто использовали березовые ветки. На святилищах *Кучос*, *Иммала* именно под березой располагалась ямка, в которую женщины бросали монетки в случае бездетности и за здоровье детей, а к ветвям березы привязывали жертвенные дары. Замужние женщины, если долго не могли забеременеть, совершали особые ритуальные дей-

ствия с верхушкой молодой ели. Заклиная зачатие, они завязывали молодой побег в узел, произнося при этом заговор: «*Кызы та йыл тульым герзаське, нуные но озы ик мед герзаськоз*» (Как на этой ели узел завязывается, так же и плод во мне пусть завяжется). «Причастность» дерева/ели к зачатию, кстати, лежит в основе выражения *туганэ/картэ(кышное) кыз йылын на* («любимый (любимая)/муж (жена) мой пока еще на ели»). Так отвечали на вопрос о сроках замужества или женитьбы, дабы не давать конкретного ответа на вопрос [41]. Дерево, заменяющие его столб, шест и пр., рассматривалось в качестве места обитания душ умерших предков, а также и душ еще не родившихся детей. Очевидно, в дереве была заключена жизненная сила родового коллектива, оно составляло общую ценность рода.

В фольклорных текстах свадебного и рекрутского цикла завятских удмуртов образ березы имеет устойчивую корреляцию с родительским домом. Например:

*Бусы но капка кызыпу юбо
Кышетэ кылиз шӧдыса.
Кышет кылемлы уг бӧрдйськы,
Эшӧёс кылизы бӧрдыса...*
У ворот за околицей да за березовый столб
Зацепившись, мой платок остался.
По платку оставшемуся не плачу,
Подруги остались в слезах...

или

*...Тӧдды кеч луыса но пукид медам
Тӧдды кызыпулэн салкымаз?
Вож нуны луыса но пукид медам
Аныкаедлэн ал вылаз?*
...Белым зайчиком да сидела ли ты
Под белою березой в прохладной тени?
Маленьким дитятею да сидела ли ты
У матушки своей на коленях? [42].

Растущее живое дерево могло выступать в качестве двойника, заместителя человека, тогда оно было связано с его душой, его здоровьем. В бывшем Сарапульском уезде каждый основатель нового хозяйства шел в лес и выбирал себе березу-покровителя [43]. Языковед М. Г. Атаманов, со слов своей матери, зафиксировал сведения о том, что среди южных удмуртов практиковался обычай высаживать специальное дерево *луло тиспу* 'живое дерево, душа-дерево'. Для этого около дома или в пределах деревни выкапывали яму, в нее складывали кучу насекомых (*нымыкыбы*) и высаживали деревце. Для чего это совершалось – информация не сохранилась. В дальнейшем между жизнью дерева и жизнью посадившего дерево человека существовала магическая связь. Это представляло большую опасность для человека. Верили, что в случае, если дерево погибнет, будет срублено или засохнет, – то тогда посадивший его человек умрет [44]. По поверьям коми-зырян, у каждого человека имелось магическое дерево, дерево-двойник *ас пу* 'свое, собственное дерево' [45]. Столь же многозначным обрядовым и мифологическим символом является карельское и восточнофинское *karsikko* – особым образом обрубленное или срубленное дерево. Обычай делать *karsikko* был связан с переходными и иными важными для отдельной личности и родовой общины событиями – свадьбой,

инициациями, похоронами и пр. В последующем между карсикко и срубившим его человеком сохранялась магическая связь даже и после смерти [46].

По наблюдениям Т. Г. Владыкиной, дерево со срубленной верхушкой в качестве атрибута (и лишь позднее – образа) появляется в проводных обрядах как заместитель души уходящего человека. Так, в рекрутском обряде отправляющийся на службу парень выбирал в лесу молодую ель, срубал отросток на верхушке дерева (*йыл тульым*) или ошкуривал часть ствола у верхушки (*чыртыё кыз* ‘ель с [заголенной] шей’). Делать это нужно было очень осторожно, чтобы дать дереву возможность расти дальше. Растущее дерево символизировало здоровье и успех уходящего рекрута, если оно засыхало – служило предзнаменованием беды или даже смерти. До сих пор в лесах Удмуртии вдоль дорог растут ели со срубленными вершинами, напоминая о старинном обычае.

Представления о взаимообусловленности жизни дерева и человека демонстрируют многие предписания и табу, в которых регламентируются поведенческие стереотипы:

Нельзя рубить посаженное кем-то дерево: если толщина его ствола окажется с толщину его шеи – тот человек умрет. Нельзя рубить дерево, если в семье есть больной, иначе он умрет [47]. Подобные правила были характерны и для коми [48].

Соотнесение частей тела человека и дерева обычны и в удмуртских песенных сравнениях: *Вож бадяр но, ой, кадь ик вож мугоры йй-а вал. Быроз, калтак, табере, кӧс кыз сямен куасьмыса. Пужым вай, ой, кадь ик суйёсы но йй-а вал. Быроз, калтак, табере кӧс чаг кадь ик куасьмыса* ‘Словно зеленый клен, было мое молодое тело. Высохнет, несчастное, теперь, словно сухая ель. Словно ветви сосны были мои руки. Высохнут, несчастные, теперь, словно сухая лучина’ [49].

Отношение к дереву как к живому существу в яркой форме отразили предания о том, как Стефан Пермский рубил большую почитаемую коми-зырянами усть-вымскую березу, ствол которой три человека не могли обхватить. Стефан Пермский рубил эту березу на протяжении трех дней, а она, как живое существо, от боли издавала такие звуки, словно кричали мужчины, женщины и дети, а из ствола дерева стекала кровь [50].

Символика пород деревьев

Как свидетельствуют фольклорно-этнографические данные, в качестве наиболее употребительных пород деревьев в обрядовой практике удмуртов выступали ель и береза. Ель в значительной степени связана с хозяевами Дикой Природы, ибо посвященные им моления проводились чаще всего под большой старой елью. В сравнении с другими почитаемыми деревьями ель обнаруживает наибольшую причастность к миру мертвых. Знаменитых богатырей хоронили под большой, могучей елью, под нею проводили посвященные богатырям благодарственные, поминально-умиловительные моления. Более того, такая ель выступала символической заменой легендарного предка-родоначальника. У южных удмуртов при проведении поминальных обрядов в честь умерших предков на елях или на ивах, растущих в низинных местах и в долинах рек, развешивали черепа и кости ног принесенных в жертву коров и лошадей.

Березы являлись наиболее почитаемыми деревьями на святилищах, посвященных семейно-родовым богам-покровителям. Часто именно береза, выросшая на месте исчезнувшей/разрушенной куалы, выступает символической заменой самой культовой постройки. В свадебных и рекрутских обрядовых песнях образ березы имеет устойчивую корреляцию с родительским домом. К стволу березы женщины привязывали лоскутки и полотенца, а к ее корням бросали монеты с просьбами забеременеть и обеспечить здоровье детям. Для этих же целей могли использовать липу, клен и другие породы деревьев. Наибольшую семантическую связь с березой имеет божество плодородия *Кылдысин*.

В контексте приведенных данных о выполняемых знаковых функциях разных пород деревьев в обрядах и воззрениях людей, береза и ель выступают в роли своеобразных оппонентов. При этом ель выступает в роли одного из символов Дикой неосвоенной Природы, имеющих отношение к нижнему миру, миру умерших предков, а береза, несомненно, маркирует обжитое окультуренное человеческим коллективом пространство и, являясь одним из основных воплощений божества плодородия, олицетворяет продуцирующие силы самой Природы.

Помимо березы и ели, в религиозных действиях употребляли и другие распространенные в этих краях виды деревьев. По особенностям выполняемых ими функций они подразделяются на мужские и женские. Так, если ель, сосна, пихта и дуб с наибольшей частотой обнаруживают связь с мужскими богами (*Нюлэсмуртом*, *Лудом*, *Булдой*, умершими предками), то береза и липа в оппозиции женский/мужской представляли женское начало. Разумеется, помимо березы и ели, липы и дуба при совершении религиозных обрядов были задействованы и другие распространенные в регионе породы деревьев, ибо приверженность к тому или другому дереву существенно корректировалась характером растительного покрова каждой конкретной местности, нередко мужские и женские деревья взаимозаменяли друг друга. К примеру, в северных районах из-за отсутствия лиственных лесов при проведении женских молений ель, сосна, пихта вполне заменяли женские виды деревьев. В южных районах на типично мужских мольбищах при отсутствии ели, сосны или дуба использовали клен, ольху.

В целом, приведенные материалы свидетельствуют, что в традиционных удмуртских представлениях дерево служило одним из главных символов плодородия и жизни, наделялось мощной жизненной силой и бессмертием. Дерево являлось одним из основных маркеров центра мифологического мироздания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Атлас Кировской области. М., 1997; Природа Удмуртии. Ижевск, 1972. С. 37–64, 88–121, 145–201; Энциклопедия Земли Вятской. Т. 7: Природа. Киров, 1997. С. 49–57, 112–136, 175–260, 343–361.

2. Места поклонения хозяевам Дикой Природы – *лудам/кереметам*, *нюлэсмуртам* – символизировали не освоенное человеком пространство, обозначали мужскую сферу деятельности, связанную с занятием охотой, рыболовством, животноводством, бортевым пчеловодством, а также земледелием на очищенных от леса участках.

3. *Первухин Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда: В 5 эскизах. Вятка, 1888–1890. Эск. II. С. 92–101; Эск. V. С. 77; *Верецагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края // Записки Русского Географического общества. СПб., 1886. Т. 14. Вып. 2. С. 53; *его же.* Вотяки Сарапульского уезда // Записки Русского Географического общества. СПб., 1889. Т. 14. Вып. 3. С. 97–98; *его же.* Старые обычаи и верования вотяков // Этнографическое обозрение. 1910. Кн. 83. № 4. С. 40–51; *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 97.
4. *Первухин Н. Г.* Указ. соч. Эск. II: 5–6, 92–101; *Верецагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края. С. 53; *его же.* Старые обычаи и верования вотяков. С. 40–51; *Луптов П. Н.* Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX в. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1911. Вып. 1–2, 3. С. 263.
5. Полевые материалы автора 1993–1995 гг.
6. *Бехтерев В. М.* Вотяки, их история и современное состояние: Быт и этнографические очерки // Вестник Европы. 1880. № 8–9. С. 157; *Первухин Н. Г.* Указ. соч. Эск. I. 1888. С. 87–88; *его же.* Указ. соч. Эск. II. 1888. С. 92–101; *его же.* Указ. соч. Эск. V. 1890. С. 10; *Луптов П. Н.* Указ. соч. С. 161; *Емельянов А. И.* Курс по этнографии вотяков: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921. Вып. 3. С. 80–82; *Владыкин В. Е.* Указ. соч. С. 98; *Шутова Н. И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск, 2001. С. 95–96.
7. *Шутова Н. И.* Указ. соч. С. 96.
8. *Бехтерев В. М.* Указ. соч. С. 155; *Первухин Н. Г.* Указ. соч. Эск. II. 1888, С. 5–6; *Емельянов А. И.* Указ. соч. С. 76.
9. *Емельянов А. И.* Указ. соч. С. 87–93.
10. *Шутова Н. И.* Указ. соч. С. 30–34, 49–56, 64–67 и др.
11. *Гемуев И. Н., Сагалаев А. М.* Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX века. Новосибирск, 1986. С. 30–36.
12. Коми мифология / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильина и др. М.: Сыктывкар, 1999. Т. 1. С. 350; *Komi Mythology. Encyclopedia of Uralic Mythology / Ed. by A.-L. Siikala, V. Napolskokh, M. Hoppal.* Budapest–Helsinki, 2003. P. 285.
13. Полевые материалы автора 1998 г.
14. *Рычков Н. П.* Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770–1772. Ч. 1, 2. С. 161.
15. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. 1, 2. С. 55–56.
16. *Шестаков Вл.* Глазовский уезд // Вестник Русского Географического общества. СПб., 1859. Вып. 7. Ст. 1. С. 108; Вып. 8. Ст. 2, 3. С. 152.
17. *Атаманов М. Г., Владыкин В. Е.* Погребальный ритуал южных удмуртов (конец XIX – начало XX в.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск, 1985. С. 136, 141–142.
18. Полевые материалы автора 2003 г.
19. *Holmberg U.* Finno-Ugric, Siberian Mythology // The Mythology of all races. Boston, 1927. Vol. 4. № 25. P. 35.
20. *Первухин Н. Г.* Указ. соч. Эск. I. 1888. С. 16–17.
21. *Шарапов В. Э.* Деревья в погребально-поминальной обрядности коми // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 206–207; *Chuvpurov A.* Trees in Komi (Zyrian) Rituals and Beliefs // Pro Ethnologia. 2004. №. 18: Culture and Environments. P. 69–86.
22. *Владыкина Т. Г.* Фольклорный текст в мифологическом контексте // Удмуртская мифология. Ижевск, 2003. С. 55–57.

23. Гаврилов Б. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урьясь-Учинского прихода // Труды IV археолог. съезда в России. Казань, 1891. С. 150.
24. Емельянов А. И. Указ. соч. С. 180.
25. Владыкин В. Е. Указ соч. С. 122.
26. Маторин Н. М. Религия у народов Волго-Камья. М., 1928. С. 135; Владыкин В. Е. Указ соч. С. 122.
27. Полевые материалы автора.
28. Потанин Г. Н. У вотяков Елабужского уезда // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1884. Т. 3. С. 223.
29. Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928. С. 15, 22.
30. См. подробнее: ШUTOVA Н. И. Указ. соч. С. 250.
31. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998. С. 137–138.
32. Ходырева М. Г. Удмуртский фольклор: Песни северных удмуртов. Ижевск, 1996. Вып. 1. С. 80.
33. Рычков Н. П. Указ. соч. С. 161.
34. Munkacsı B. Votjak nyelv szotara. Budapest, 1890–1896. Kt. 1–4. Ol. 683.
35. Владыкин В. Е. Указ. соч. С. 67–69.
36. Первухин Н. Г. Указ. соч. Эск. I. С. 2–3.
37. Владыкин В. Е. Указ. соч. С. 67–68.
38. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор. С. 64.
39. Богаевский П. М. Очерки религиозных представлений вотяков // Этнографическое обозрение. 1890. Кн. 4. № 1. С. 85–87, 96.
40. Овсянникова Е. Кузёбай вöсьёс // Инвожо. 2001. № 12. Б. 61, 63; русский текст автора статьи.
41. Владыкина Т. Г. Фольклорный текст... С. 57.
42. Нуриева И. М. Удмуртский фольклор: Песни завятских удмуртов. Ижевск, 1995. Вып. 1. № 111, 122.
43. Богаевский П. М. Указ. соч. С. 85–86.
44. Устное сообщение М. Г. Атаманова.
45. Коми мифология. С. 85.
46. Конкка А. П. Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 85–112.
47. Владыкина Т. Г. Фольклорный текст... С. 57.
48. Шапов В. Э. Указ. соч. С. 206–207; Chuvyurov A. Указ. соч. Р. 69–86.
49. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор. С. 158.
50. Повесть о Стефане Пермском // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы. Исследования и материалы: к 600-летию со дня представления Стефана Пермского / отв. ред. А. Н. Власова. Сыктывкар, 1996. С. 69–70, 111; Chuvyurov A. Указ. соч. Р. 69–70.

Поступила в редакцию 12.04.2010

N. I. Shutova

Tree in the traditional Udmurt views

The article is devoted to the meaning and function of the tree, the grove, and the wood in forming of the sacral space, in the Udmurt mythology, as well as in their cult and magic practice.

Keywords: sacral landscape, sanctuary, tree, ritual, cult and magic practice

Шутова Надежда Ивановна,

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,

Учреждение Российской академии наук

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

г. Ижевск

E-mail: shutova @ ni.udm.ru

nad_shutova @ mail.ru

Shutova Nadezhda Ivanovna,

Doctor of Historical Sciences, professor,

leading research associate,

Institution of the Russian Academy of Sciences

Udmurt institute of history, language and literature

Ural department of the Russian Academy of Sciences

Izhevsk

E-mail: shutova @ ni.udm.ru

nad_shutova @ mail.ru

М. В. Ившина

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ГЕНДЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
И ЭТИКЕТА КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ
(ВТ. ЧЕТВ. XIX – НАЧ. XX В.)**

В статье охарактеризованы некоторые нормы гендерной внутрисемейной коммуникации и этикетные формы общения в крестьянской семье удмуртского и русского населения Вятской губернии, а также случаи их нарушений. На материале исследований и публикаций XIX в., а также архивных данных предлагается анализ типов внутрисемейных конфликтов, в основе своей носивших имущественный или статусный характер, но так или иначе получавших гендерную окраску.

Ключевые слова: гендерная коммуникация, внутрисемейная коммуникация, семейный раздел, развод, имущественно-денежные споры.

Система внутрисемейных коммуникаций в крестьянской традиции и целый спектр связанных с ней этикетных норм – предмет постоянного и пристального внимания антропологов и этнографов. Одним из статусообразующих факторов в любой социальной иерархии, не считая возраста, индивидуальных качеств и идеальных представлений, является пол. В этом контексте гендерный этикет можно считать одним из проявлений формализованного общения, которое основано не только на самих различиях по признаку пола, но и – в большой степени – на культурных представлениях о гендерных статусных моделях, о гендерном доминировании. Этикетная норма (слово, жест, поза, одежда, поступок) есть символическое указание на статус и место человека в группе. В данном случае речь пойдет не столько об этикетных ритуализованных формах общения в крестьянской семье удмуртского и русского населения Вятки, сколько о некоторых нормах гендерной внутрисемейной коммуникации и любопытных случаях их нарушений.

Семейная проблематика в отечественных этнографических изысканиях XIX в. – обязательный композиционный элемент. Однако необходимо оговориться. Во-первых, никто из исследователей не задается вопросом о статусе мужчины – в силу вполне понятных исторических и методологических причин. Во-вторых, в контексте этих же причин и факторов следует рассматривать и сам способ постановки проблемы, и ее решение. В большинстве авторских со-

общений актуализируется проблема женского статуса, а потому в текстах речь идет о мужчине, который производит ряд действий в отношении женщины или демонстрирует определенное отношение к ней. Сложившаяся система гендерных морально-нравственных норм не просто требовала, чтобы «мужья ласково обращались со своими женами», – это было проявлением социальной позиции сильного по отношению к слабому.

Вопрос о положении женщины и оценка ее статуса в крестьянской семье среди историографов и самой разнообразной пишущей публики XIX – нач. XX в. – явление весьма любопытное. Сентенции большинства корреспондентов по поводу супружеских взаимоотношений в крестьянской семье, их стиль и тональность отличаются редким единообразием – почти независимо от этнической окраски объекта. Это вполне объяснимо хотя бы единством генеративных механизмов земледельческой системы жизнеобеспечения. Нельзя оставлять без внимания и саму по себе традицию научной стилистики. Специфика мировосприятия корреспондентов («урбанизированный патриархат») также накладывает отпечаток на видение проблемы, которая в итоге может выглядеть как «список обязательств джентльмена по отношению к даме». «Вообще хорошее отношение мужа к жене – явление вполне обычное» [1]. «Муж редко бранит свою жену и еще реже бьет. Если нечто подобное и случается, то на это смотрят как на нечто предосудительное», – писал в своих путевых заметках И. Ф. Эрдман [2]. В некоторых этнографических зарисовках читаем: «Вотyak – нежный отец, мягкий муж, добрый родственник» [3]. «Сообразно этому [трудовому вкладу] положение женщины в семье всегда видно: во всех семейных делах она пользуется большим влиянием, а мнение ее уважается всеми...» [4]. Отдельные авторские умозаключения способны вызвать улыбку: «Крестьянская женщина в [Пошехонском уезде] в большинстве случаев почти равноправна мужчине. И не удивительно: в местном крестьянском хозяйстве она бывает во многом полезнее даже мужчины» [5].

Такая «полезность» – трудовой вклад вкупе с имущественным – обеспечивала женщине высокую степень экономической независимости и широкий спектр прав внутри семьи. Принципиальным здесь будет замечание о том, что речь в первую очередь идет о замужней женщине – жене главы большой неразделенной семьи. Качественно отличными были статус и правила поведения младших снох и незамужних дочерей. И та и другая статусные позиции (жена главы семьи и сноха) одинаково легко подводили к одному и тому же итогу: выраженному желанию увеличить степень своей автономности, что в пределах малой семьи становилось реальным. «В малых крестьянских семьях женщины оказывались более самостоятельными и активными, особенно в тех районах, где мужья часто уходили на сезонные заработки, оставляя жен хозяйками в доме» [6]. Неудивительно поэтому, что в значительном количестве случаев семейные разделы были, что называется, подготовлены женами. Интересны формулировки, которые даются подобным случаям гендерной коммуникации в текстах первоисточников (1880–1900-е гг.). В Ведомостях Глазовского уездного съезда земских начальников о существующих между крестьянами местных обычаях, применяемых при разборе дел, отмечается: «...Семейные разделы происходят большей частью вследствие ссоры между женщинами, которые мужей своих стараются

всеми мерами возбудить к разделу в виду желания быть каждой самостоятельной хозяйкой» [7].

В Ведомостях о семейных разделах семей причиной часто называют «сварливость жен и споры их из-за домашних работ», а «преобладающей и самой главной причиной самовольного раздела почти всегда является неудовольствие и ссора между членами семьи и преимущественно между женщинами» [8].

Разделы крестьянских хозяйств, документально фиксировавшиеся в Ведомостях уездных (и губернских) администраций или становившиеся предметом судебных разбирательств волостных и уездных правлений, были следствием комплекса причин. Лидирующее положение в их списке занимают «раздоры», «неудовольствие между домашними», «семейные разногласия», «семейная вражда», которые проистекают, как замечено в одном из дел Глазовского уездного по крестьянским делам присутствия, из неповиновения «младших старшим членам семьи мужского пола, происходящим за неимением согласия между женщинами» [9].

Отнюдь не во всех и даже не в большинстве случаев первым толчком к разделу становились именно женские разногласия внутри большой семьи. Факт их участия в имущественно-правовом разбирательстве сам по себе был примечателен и поэтому попадал в разряд особо выделенных, а иногда становился статистически важным. Так, в 1887 г. в Ежевской волости Глазовского уезда из 17 разделов причиной 12-ти были «междоусобные ссоры, начинающиеся большей частью в женском полу» [10]. В Песковской волости из 121 раздела 99 произошли «по вражде женщин» [11]. Очевидно, что варианты развития семейных разделов, инициатором которых выступал мужчина, подпадали под категорию «обычных», происшедших в результате «неповиновения последних [детей] первым [родителям]», а «между дядьями и племянниками, братьями большей частью происходят от неприятностей при расчете и расходе общих денег» [12].

Внутрисемейные имущественно-денежные споры тоже часто приобретали гендерную окраску. Наиболее плотной зоной имущественных конфликтов становились отношения между представителями статусных групп, которые состояли в свойстве, например, между свекром/деверем и снохой. Понятно, что сам по себе гендерный конфликт здесь вторичен, ведущая мотивация обеих сторон кроется в материальном интересе и желании имущественной независимости. Однако катализатором конфликта выступает уход женщины из семьи мужа (в случае смерти супруга, либо развода). Тем самым как будто восстанавливается первичное состояние двух семей – до установления между ними родственно-свойственных связей, что требует возврата к исходному экономическому равновесию. Частота споров между свекром/деверем и снохой по поводу раздела имущества, которые разбирались волостными правлениями, уездными и губернскими присутствиями, довольно высока. «Нажитая вне хозяйства», а в документах – «благоприобретенная» собственность женщины не могла входить в семейный раздел. Однако это не всегда учитывалось противной стороной. Так, крестьянская вдова Ирина Зорина в 1880 г. подала жалобу на своего деверя, который после смерти брата отказался выдать вдове те самые «нажитые вне хозяйства» вещи и часть ее приданого. Волостной суд постановил: «...сказанные вещи выдать вдове Зориной,

чтобы жить в отделе от деверя ее Прохора Степанова Зотова» [13]. В 1875 г. Кестымский волостной суд (Глазовский уезд) получил жалобу «крестьянской жены, вышедшей за второго брака» Екатерины Пономаревой. Истица утверждала, что свекор «удерживает отданные ей в приданое родителями ее лошадь (7 рублей серебром), телку (2 рубля серебром), овцу (2 рубля серебром), крестным отцом данную овцу (1 рубль 50 копеек серебром), дядею данную овцу (1 рубль 50 копеек серебром)». В ходе разбирательства волостной суд приговорил: «От крестьянина Моисея Егорова Волкова [свекор жалобщицы] прописанных пять скотин отобрать и отдать снохе Екатерине Степановой Пономаревой в полную собственность» [14].

Если женщина нарушала условия и пыталась увести приплод от скота (то есть имущество, созданное трудами всей семьи), на нее подавали в суд. Семья не была заинтересована в потере рабочей силы (вдова с детьми/вдова) и, тем более, семейного имущества (приплод). Руководствуясь этими принципами, крестьянин д. Нюровой (Тольенская волость, Глазовский уезд) Наум Русских заявил волостному суду, что вдова его умершего брата, вышедшая второй раз замуж, «самовольно забирает двух коров, кобылицу и четырех овечек. <...> А приданое ее заключалось в одной корове, жеребенке и четырех овечках, а козел и свинья зарезаны». В результате «согласно местным обычаям в крестьянском быту» суд постановил: выдать жалобщице «одну корову с телкой, четырех овец и жеребенка» [15].

В случае повторного выхода замуж вдова «право на наследство мужа теряет» [16]. В волостные суды нередко поступали прошения крестьянок «о неправильном приговоре сельского схода о разделе имущества первого умершего мужа». А приговор в таких случаях (смерть первого мужа и второе замужество) обычно был категоричен: «Кожевникова, вышедшая второй раз замуж, не может претендовать на имущество первого мужа» [17]. Как и при разводе, женщина при уходе из семьи умершего мужа получала «ношебное платье» и приданое, но без приплода от скота.

Важнейшим условием при наследовании женщиной имущества мужа являлся учет характера этого имущества. Если оно наживалось мужем (супругами) после раздела большой семьи («в отделе»), то вдова входила в число наследников. Так, в 1888–1889 гг. Глазовское уездное по крестьянским делам присутствие разбирало дело по жалобе крестьянской вдовы Анисьи Плотниковой, которая жаловалась волостному суду, что «деверь ее Василий самовольно пользуется пожней под названием “Пашково”, и что эта пожня принадлежит ей как расчищенная трудами покойного мужа ее». Волостной суд возвратил пожню вдове на том основании, что «пожня расчищена после раздела братьев Плотниковых» [18]. В другом случае вдова Мария Шулепова жаловалась на деверя, отобравшего у нее лошадь и телегу. Лошадь в числе другого имущества досталась Шулеповой с мужем при разделе братьев Шулеповых, а телега приобретена «на собственно личные средства». После разбирательства суд решил: «Отобрать от Акима Шулепова [деверь Марии Шулеповой] лошадь и телегу, которые предоставить во владение вдове Марии Филипповой Шулеповой» [19]. Таким образом, бездетная вдова «по смерти мужа, жившего отдельно от братьев» или отца, наследовала его имущество, но с соблюдением всех прочих условий [20].

Раздел семейного имущества в случае ухода вдовы из семьи мужа мог развиваться в пределах одной гендерной группы. Такая модель свидетельствует, что базовым конфликтом выступает семейная, но не гендерная коммуникация. Споры между свекровью и овдовевшей снохой по поводу дележа собственности состояли в списке самых распространенных дел, которые разбирали волостные и уездные суды. Уходящая из семьи сноха «норовила унести сверх того, что ей полагалось по обычаю», чему, конечно, сопротивлялась свекровь. Именно такой спор рассматривался в 1870 г. Вятским губернским по крестьянским делам присутствием. В числе «собственно лично мне принадлежащего имения» жалобщица Мария Бердникова (свекровь) упоминает некое «хоромное строение, построенное... на свои средства» [21].

В одном из прошений, адресованных в Слободской уездный съезд мировых посредников, крестьянка Анна Кудрявцева обвиняет свою сноху Екатерину в том, что после смерти мужа своего Петра та пытается захватить его имущество. Анна отказывает снохе «по тому общему праву», что муж ее умер еще до раздела, а сама она вышла замуж [22]. Действительно, в случаях, когда имущество супругами (мужем) наживалось еще в рамках неразделенной семьи, и муж умирал до раздела, право наследования его имущества вдовой, вышедшей замуж, становилось проблематичным, вплоть до исключения ее из состава наследников.

Вдова, вышедшая замуж, имела право требовать через суд принадлежащее ей имущество. Как правило, адресатом таких жалоб выступал мужчина – бывший свекор или деверь. Так, в 1889 г. в Гыинском волостном суде был возбужден и рассмотрен иск о захвате имущества у вдовы Лекомцева Т. его братом С., забравшим имущество, включая 45 пар снопов льна («сырой лен»). В иске вдова Лекомцева, вышедшая второй раз замуж, просит вернуть ей часть имущества мужа, в том числе 45 пар снопов льна как «принадлежащие ей лично» [23].

Женщина могла проявить инициативу, подав жалобу на мужа и просьбу о разводе. Зафиксированные в архивных документах случаи развода дают основание считать, что доминирующим лицом в процессе развода считался мужчина: в жалобах и исках женщин, посвященных «неправильному разделу имения» при разводе, употребляются такие формулировки, как «от сожительства отказался», «выгнал от себя», «выгнал из своего дома», «отселил». Однако эти же формулировки можно расценивать как судебные уловки, основная функция которых – выиграть дело в пользу жалобщицы. Тем не менее, П. Н. Луппов отмечал, что в случае развода в удмуртской семье следует говорить не о праве женщины на развод, а скорее о праве мужа «выгнать жену из дому», что он расценивал как проявление зависимого положения женщины в семье: «Вотское слово, употребляемое для обозначения развода, обозначает, в сущности, “изгнание жены”» [24]. Но уже сам факт подачи женщинами на рассмотрение сельского схода просьбы о разводе, жалобы на мужа в волостной или уездный суд говорит о ее правомочности в этой сфере. Гораздо позднее П. Н. Луппов свидетельствовал, что инициатива развода могла исходить как от мужа, так и жены: «...бывает, что расходятся: иногда муж прогоняет жену, иногда жена сама уходит от мужа» [25]. В случае развода удмуртская женщина должна возвратить семье мужа калым, а муж (семья мужа) – приданое. В противном случае женщина могла потребовать

возвращения приданого через суд. Так поступила Матрена Перушникова, муж которой Афанасий Пыжьянов при разводе «приведенного ею одного теленка и одну овечку не возвратил ей». В результате рассмотрения дела волостной суд взыскал с него «одного телка и одну овечку в пользу Матрены Перушниковой» [26]. Наряду с возвращением приданного женщина могла требовать возмещения «моральных и физических обид». В такой ситуации оказалась крестьянка Марина Савельева, которая ушла «от мужа Артемия, потому что он взял к себе в жены другую бабу и просительницу начал обижать и вытеснять <...>. За все четыре года Марина жила у Артемия, работала хорошо и ничего за ней не примечалось». На этом основании волостной суд постановил: «Взыскать с крестьянина Артемия Гавшина в пользу просительницы за работу у последнего в течение 4,5 лет 40 рублей», которые были затребованы ею в иске [27].

При семейных конфликтах нередко возникали случаи мелодраматически-криминального характера, когда сноха, выделявшаяся из семьи мужа после его смерти, в жалобах на свекра (или деверя) основной упор делала на всяческие «обиды и притеснения», чинимые последним. В таком положении оказалась Евдокия Никулина, вынужденная в своем прошении «отклонить от себя свой женский стыд и сказать суду сущую правду, которую суд должен хранить как ту тайну, о которой говорится в Апостоле при бракосочетании двух супругов “Тайна сия велика есть”». По рассказу жалобщицы, при жизни мужа, прикованного к кровати, «свекор мой не давал мне выйти на двор не только для уборки скота, но даже для естественной нужды, везде ловил, хватал, склонял меня к блуду с ним, говоря, что он меня наградит чем-то, чему, конечно, я свидетелей представить не могу, да и при таких делах свидетелей не бывает, но я, не желая менять свой супружеский венец на столь гнусный поступок, все меры принимала избегать даже встречи свекра, а когда муж мой помер, мне окончательно житья не стало <...>, почему я и нашла за лучшее удалиться на жительство к отцу своему». Факт сексуальных домогательств сыграл не последнюю роль при разрешении конфликта: Евдокии выделили часть имущества мужа Абрама Никулина. При этом ответчик Тимофей Никулин опротестовал жалобы снохи и «показал, что он притеснений ей никаких никогда не делал». Главным оказалось в результате то, что «сын Абрам до смерти жил не отдельно, а вместе, находился больным 2 года и пользовался лечением за счет [Тимофея Никулина]. Дело было передано на пересмотр и оставлено до совершеннолетия «просительницы Евдокии сына, а ответчика Тимофея внука» [28].

В другом случае Федосья Темкина жалуется на свекра, который по смерти ее мужа «разное имущество сначала отнял, отселил в самую ветхую и холодную избу, не давая мне с малолетними детьми дневного пропитания, должного имущества, невзирая на то, что все благоприобретенное наживалось заботами моего мужа и моими». Однако главный аргумент ответчика был основан на том, что «благоприобретенное» было нажито в общем хозяйстве, а, следовательно, входит в общесемейное имущество, на которое женщина практически не имеет права [29].

Нередкими были разбирательства между свекрами/деверями и снохами, когда суть дела крылась не в материальном интересе, а в «оскорблении сло-

вом или действием», причем нанесенное женщиной. Так, в 1879 г. Глазовское уездное по крестьянским делам присутствие разбирало дело по жалобе Федора Русских на сноху Евгению Зотову Русских, «которая называла его душегубом». Материалы дела скудны и выглядят не совсем внятными, причина неприязни, доведшей семейный конфликт до суда, остается неизвестной. Виновной в этом деле была признана Евгения Русских, суд постановил ей выплатить пострадавшему «душегубу свекру» штраф в размере 25 копеек [30].

В другом, не менее драматичном, если не сказать трагикомическом, случае за нанесение побоев свекру по приговору волостного суда была «подвергнута в общественные работы при волостном суде на шесть дней» крестьянка Сардыкской волости Федосья Жданова. Весьма примечательно, что Федосья подала жалобу на несправедливые действия волостного старосты и суда в уездное присутствие, которое, однако, подтвердило решение низшей инстанции как правильное, а прошение Федосьи Васильевой Ждановой постановило «оставить без последствий» [31].

Попадались в практике уездных и губернских крестьянских присутствий и судов и дела «об увозе чужих жен». В составленных судейскими чиновниками текстах иногда проступает не только возмущение, но вполне понятное недоумение: «Крестьянин Василий Смирнов Саламатов жалуется, что крестьянин Никита Василев Бельтюков внезапно без всякого разбирательства увез домой жену его сына Ионы, уже третий год жившую в доме его без всякой обиды». Увезенную Меланью вернули в дом мужа как не представившую доказательств в свою пользу, а Бельтюкова обязали заплатить штраф в размере 5 рублей 25 копеек [32]. По непонятной причине суд должным образом не стал вникать в суть дела. Не совсем ясно, почему женщина, жившая “без всякой обиды”, согласилась на увоз, и действительно ли был он внезапным. Вероятно, в подобных случаях любовь как факт не бралась в расчет ни одной из сторон – ни судом, ни жалобщиком, ни даже главными фигурантами дела: «Крестьянин смотрит на жену как на необходимую в хозяйстве работницу. Этот взгляд мужчин усвоен и женщинами» [33].

Семейные мелодрамы и комедии, связанные с практикой гендерных коммуникаций и представленные в судебной практике вт. четв. XIX – начале XX в., нечасто становятся предметом самостоятельного исследования или материалом для решения сопредельных вопросов. Тем не менее, они весьма любопытны как исследовательский материал, дающий предметное представление об эпохе при бытописании, чем чаще всего профессионально занимаются литература или антропология (этнография) и чему «объективная» история не склонна доверять в полной мере.

К системам жесткого регулирования гендерных конфликтов внутри семьи можно отнести механизм, призванный «подчеркнуть существующие барьеры, отделяющие важные социальные группы» [34]. В этнографии его принято обозначать термином *избегание*. Однако только социальное понимание функциональности *избегания* заведомо упрощает явление. В основе этого культурного механизма лежит, очевидно, одно из архаичных табу – запрет на сексуальные отношения между кровно и социально близкими родственниками, независимо от поколенной принадлежности. *Избегание* направлено на пресечение сексуаль-

ного контакта вне той пространственно-временной сферы, которая определяется культурой. Как отмечал С. А. Токарев, «собственно вне половой, в сфере культа и быта, мужчины и женщины должны по возможности держаться подальше друг от друга» [35].

В отношениях между мужским составом семьи и каждой новой снохой/дочерью строго соблюдалось несколько видов запретов:

- запрет на частые вербальные контакты (вплоть до полного молчания между снохой и свекром) предполагал ограничение словесного общения и эмоциональных контактов дочери и отца;

- запрет называть друг друга по имени как общее правило внутрисемейных отношений, сопряженное с воззрениями на понятия «слово» и «имя» в традиционной культуре: назвать человека по имени – то же самое, что оставить его голым, выдать его тайну (сущность) всем населяющим мир духам. И, напротив, называть по родственной принадлежности – обязательное условие соблюдения внутрисемейной возрастной и социальной иерархии;

- запрет смотреть в глаза при разговоре, что предполагает близкий, в том числе телесный, контакт, который как раз необходимо свести к минимуму, исключить или предотвратить;

- запрет появляться на людях с непокрытой головой, грудью, ногами, руками или лицом. Так, у удмуртов молодуха в течение года после свадьбы носила свадебное покрывало «сюлык», закрывавшее волосы и лицо. Повсеместно головным убором замужней крестьянки был платок, незамужним девушкам разрешалось носить повязки и ленты, которые не закрывали волос. Табу принимало характер этикетной, моральной нормы, однако выражало также стремление пресечь, а лучше – предупредить возможный телесный (сексуальный) контакт, включая даже самую мысль о нем. В данном случае – прозрачна символика укрывания/обрезания волос как укрощение сексуального желания. Христианский смысл этого акта, как известно, более позднего происхождения. Одновременно запрет считался своеобразной защитой: бытовало мнение, что волосы замужней женщины обладают свойствами, делающими ее уязвимой.

Табуация в общении между членами семьи в большей или меньшей степени встречается во всех культурах [36]. *Избегание*, в том числе в местной крестьянской традиции, не столько указывало на пониженный или повышенный статус, сколько обозначало одну из многих пограничных ситуаций. Это была ритуализированная форма поведения, связанная с сакральным. Новый член семьи расценивался как потенциальная опасность для замкнутого семейного коллектива. Он был человеком «на грани» – между новой семьей и привычным родным домом. *Избегание* ограждало семью от возможного вредного влияния на тот срок, пока не закончится «переход» (пока новая сноха не родит ребенка, а девка не выйдет замуж в другую семью). Кроме того, система взаимного *избегания* была профилактикой семейных конфликтов. Интенсивность общения практически чужих друг другу людей, или людей, могущих вызвать ненужный семье интерес, сводился к минимуму. Это обеспечивало постепенное привыкание, облегчало знакомство, а в идеале «взаимное молчание» было призвано исключить конфликт из семейного круга.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Довнар-Запольский М.* Очерки семейственного обычного права крестьян Минской губернии // Этнографическое обозрение. 1897. № 1. С. 107.

2. *Эрдман И. Ф.* Путешествие по Вятской губернии летом 1816 года // Памятники Отечества. Вып. 33. Полное описание России. Удмуртия. 1995. № 1–2. С. 17.

3. *Инфантьев П.* Вотяки // Жизнь народов России. СПб., 1911. С. 261.

4. *Бехтерев В.* Вотяки, их история и современное состояние // Вестник Европы. 1880. Сентябрь. С. 142.

5. *Балов А.* Очерки Пошехонья // Этнографическое обозрение. 1897. № 4. С. 57.

6. *Пушкарева Н. Л.* Женщина в русской семье (X–XX вв.) // Русские / Отв. ред. В. В. Александров. М., 1999. С. 461.

7. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 25–25об.

8. Там же. Д. 26. Л. 25об., 39об.; Д. 15. Л. 19об.

9. ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 1. Д. 50. Л. 130об.

10. Там же. Л. 29об.

11. Там же. Л. 85об.

12. Там же. Л. 40об.

13. Там же. Д. 449. Л. 3об.–4.

14. Там же. Д. 251. Л. 4об.–5об.

15. Там же. Д. 825. Л. 4об.–6.

16. ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 63. Л. 18.

17. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 576. Оп. 1е. Д. 74. Л. 3.

18. ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 1. Д. 812. Л. 3об.

19. Там же. Д. 400. Л. 5об.–7.

20. ГАКО. Ф. 576. Оп. 1. Д. 869. Л. 6.

21. Там же. Оп. 1з. Д. 379. Л. 24.

22. Там же. Оп. 1к. Д. 261. Л. 28.

23. ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 1. Д. 891. Л. 3.

24. *Луппов П. Н.* Вотяки // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. V. Урал и Приуралье. СПб., 1914. С. 219.

25. *Луппов П. Н.* Из наблюдений над бытом удмуртов Варзи-Ятчинского края Вотской автономной области. Б.м., 1927. С. 31.

26. ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 1. Д. 811. Л. 2об.–4.

27. Там же. Д. 940. Л. 3об.–5.

28. ГАКО. Ф. 576. Оп. 1к. Д. 713. Л. 3об, 4, 5, 13об.

29. Там же. Оп. 1м. Д. 174. Л. 3об.

30. ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 1. Д. 335. Л. 4.

31. ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 249. Л. 7, 10.

32. ЦГА УР. Ф. 108. Оп. 1. Д. 519. Л. 3об.

33. По материалам ГАКО. Ф. 574; См.: *Шиляева Р. С.* Социальный портрет вятского крестьянина (по сведениям о приходах Вятской епархии последней четверти XIX века) // Энциклопедия земли Вятской. Т. 8. Этнография, фольклор. Киров, 1998. С. 233.

34. *Никишенков А. А.* Традиционный этикет народов России. XIX – начало XX в. М., 1999. С. 24.

35. *Токарев С. А.* Исторические формы бытовых взаимоотношений полов // Токарев, С. А. Избранное. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира. В 2-х т. Т. 1. М., 1999. С. 228.

36. См., напр.: Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л., 1990; Чеснов Я. В. Мужское и женское начала в рождении ребенка по представлениям абхазо-адыгских народов // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 132–158; Федянович Т. П. Статус женщины в семье финно-угорских народов Урало-Поволжья: традиции и современность // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы Международной конференции. М., 1994. С. 236–243.

Поступила в редакцию 25.02.2011

M. V. Ivshina

Some aspects of gender communication in the peasant' family

Main subject of the article – some forms gender communication and gender relations in the peasant' family on Vyatka. General conclusions are based on the archive materials and on the facts of the authors' works of XIX century. They are: all kinds of the family gender conflicts were property or status or sexual (bodily) by its very nature. These gender relations and its disruptions are the gender communications system.

Keywords: gender communication, intrafamilial communication, family division, divorce, property and money arguments.

Ившина Мария Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент,

Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко

г. Глазов

E-mail: zagreb72@izh.com

Ivshina Maria Vladimirovna,

Candidate of Science (History), associate professor,
Glazov State teachers college named after V.G. Korolenko

Glazov

E-mail: zagreb72@izh.com

М. Г. Хрущёва

**ВАЛЬС И «ВАЛЬСОВОСТЬ»
В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА КОРЕПАНОВА**

В статье дается краткий обзор жанра вальса как отдельного произведения в творчестве удмуртского композитора Александра Корепанова. Затрагивается также и проблема *вальсовости* в трехдольных частях циклических сочинений композитора. Резюмируются методы работы композитора с темой-мелодией. Сопоставляются «тембровые переосмысления» – варианты вальсов, вариативность изначального музыкального образа, которые составляют одну из линий творческого стиля А. Корепанова.

Ключевые слова: Удмуртия; композиторское творчество; Александр Корепанов; жанр вальса; вальсовость; вариативность; тембровые варианты; творческий метод; стиль.

Размеры статьи [1] не позволяют обратиться к истории вальса как жанра, к его генезису, однако следует заметить, что тема «Вальса» еще не получила достойного музыковедческого *целостного* исследования и тому есть несколько причин: как любое **общеизвестное** и *живое* явление культуры и искусства, оно не нуждается, как якобы кажется, в теоретических обоснованиях (когда для всех все «само собой разумеется»); имея определенные территориальные и этнические базисные основы и бытование доньше, вальс в достаточно ясное для нас историческое время разветвился (и этот процесс продолжается до сих пор); вальс и его трехдольная метрика стала своего рода *психологическим стереотипом* «опознания жанра» (даже если музыка в данном сочинении «вальсом» не является); трактовка вальса давно уже вышла за пределы «бытового жанра», стала одним из вариантов музыкальной формы и наделена композиторами разных стран всем богатством мыслей и эмоций. Поэтому на данный момент просто ограничусь постановкой проблемы.

В творчестве удмуртского композитора Александра Германовича Корепанова [2] вальс имеет некую особую значимость и свои внутристилевые градации. При этом необходимо учитывать «тембровые переосмысления» – варианты исходного образа Вальса, которые составляют одну из линий творческого стиля А. Корепанова. При этом сразу необходимо обговорить важнейшую, на мой

взгляд, проблему: **вариативность изначального музыкального образа**, который периодически, на протяжении духовной жизни композитора, уже **сам** диктует своему создателю новую тембровую (следовательно, и образную) жизнь [3], которая, к счастью, реализовывается в концертных исполнениях [4].

Прежде всего, необходимо дифференцировать «Вальс» как жанр (с авторским обозначением) и «вальсовость», которая присутствует в трехдольных частях инструментальных циклов, и здесь возникают интересные «метаморфозы», которые отражают и основные качества композитора А. Корепанова. К ним относятся: очень глубокое отношение к мелодии и интонации, филигранно-изящная продуманность в выявлении и окончательной линии вариантов мелодии-темы, сохраняющей «мелодический импринт», но постепенно меняющей свой облик, настроение, тончайшие нюансы состояния души, решаемые композитором через тембр, фактуру, тесситуру, перегармонизацию; смена тональностей (в том числе и почти незаметной для слуха – ибо решено гармонично – полифункциональности и политональности – как в мелодической горизонтали, так и в структурировании формы; безупречная логика драматургии произведения, точное ощущение музыкально-психологического пространства-времени, их пульсации. Композитор ясно осознает статику жанра и мастерски ее преодолевает. Следует учесть и такой фактор, как динамика вальса и его лиричность; противопоставление «эпичности» и «плясу» как эстетическим категориям. (В этом ракурсе **вальс** оказался особым жанром – некоей точкой «золотой» и всеобъемлющей «середины», жанром, способным выразить всю тончайшую гамму эмоций, психологических состояний, оставаясь при этом изысканным *танцем* (чему свидетельство хореографическая ипостась вальса как в народом искусстве, так и в светской, а затем и балетной хореографии).

Необходимо подчеркнуть проявляющуюся в Вальсах А. Корепанова вариантность не только как один из способов работы с темой, но и как качество композиторского мышления, впитавшего «вариативный минимализм» удмуртских обрядовых большетерцовых и ангемитонных песенных напевов. Однако в Вальсах «этничность» если и присутствует, то настолько тонко завуалировано, что опознается лишь при вдумчивом и сосредоточенно-целенаправленном прослушивании и изучении нотографии музыки композитора А. Г. Корепанова (что свидетельствует, кстати, о его высочайшем профессиональном мастерстве).

Вальсы А. Корепанова можно *весьма условно* разделить на две группы: 1) «*con energia*» («в вихре танца»); 2) лирико-поэтические, «вальс – как особое эмоциональное состояние», то есть разные уровни реализации мыслей и эмоций композитора; причем терминологически обозначить их довольно сложно, ибо поэтичность, лирика самых разных градаций присутствует *во всех* Вальсах композитора. Возможна также условная дифференциация по масштабности композиции: 1) «Большой вальс»; 2) «камерный» Вальс.

Из многомерного комплекса проблем, касающихся Вальсов А. Корепанова, выделю в этой краткой статье две: темы вальсов (мелодия-образ) и неоднократное их переосмысление, а точнее, *постижение возможностей* родившейся в Душе композитора *мелодии*, что реализуется им в разных тембровых/исполнительских транскрипциях, авторских переработках; очень часто – со сменой тональных

уровней, перегармонизации, включением подголосков, тембровых имитаций, переменной регистров и полифонической перестановкой фактурных пластов. При этом основная *музыкальная мысль* остается, но сам Образ – трансформируется [См.: 2; 3]. Особый интерес представляют «авторские трансформации» изначально родившегося Образа, его разнотембровые варианты, часто *существенно* меняющие его в *слушательском* восприятии (примеры: «Грустный вальс», «Осенний вальс» в исполнении Камерного струнного оркестра, ф-п (для одного фортепиано в 4 руки; для двух роялей в 8 рук); «Забытый мотив» для домры и фортепиано; для 2-х фортепиано; для флейты и фортепиано и др.). Сопоставим некоторые фактурные и тембровые версии.

В «Большом вальсе» из балета «Соловей и роза» по сказке О. Уайльда достаточно явны характерные черты стиля А. Г. Корепанова в этом жанре, прежде всего – «работа с темой», которая имеет несколько вариантов оркестровки, перегармонизации, тональных и фактурных версий. Приведу в пример лишь 4 варианта «Большого вальса» для симфонического оркестра. После торжественно-блестящего вступления (12 тактов) у кларнета *in B* звучит тема вальса в сопровождении струнных в типичной вальсовой фактуре. Тема звучит у гобоя, подхватывается затем флейтой в октавной дублировке.

Далее основную тему ведут уже два кларнета в терцовой дублировке (приемы, характерные также для удмуртских песенных подголосков). В третьем мелодико-тембровом варианте тема вальса проводится двумя трубами *in B* с аккомпанементом струнной группы. В четвертом варианте Тема звучит уже у флейты в *cis-moll*, причем духовая группа «держит» гармонию, а струнная – акцентирует первую долю такта. Во всех вариантах присутствуют ударные, создавая «ритмический контрапункт».

В авторских версиях «Большого вальса» для двух роялей (вторая авторская транскрипция), для одного рояля (вторая редакция) сохраняется тип вальсовой фактуры, сама тема, но уже иначе звучит тема в других тональностях и тембрах.

В «Большом вальсе» из балета «Соловей и роза» в музыке естественна, очень выпукла художественная пластика, музыка *тела*, выражающая *сюжетный* образ. Однако другие авторские версии переводят восприятие в иную, абстрагированную сферу, то есть в «музыку для слушания». При этом ощущение *танца – вальса*, пластики тела сохраняется в любых темброво-фактурных вариантах, меняя лишь эмоциональную палитру (аналогия: один и тот же «сюжет» живописной картины, но выполненный разными красками и техникой: «масло», «гуашь», «пастель», «акварель») и психологическое-эмоциональное пространство, выражаемое через пространство *музыкальное*.

Но, говоря о поэтике вальса в творчестве А. Г. Корепанова, невозможно обойти вниманием другой тип вальса – лирический, и прежде всего – «Грустный

вальс». Его разнотембровые варианты, например, для струнного оркестра и для двух фортепиано настолько разительно отличаются в музыкально-поэтическом образе, что воспринимаются как разные сочинения, хотя в нотах текст имеет, казалось бы, незначительные варианты. Однако в этом и проявляется *феноменальность* в «актерском образном перевоплощении», – но у композитора!

Мягкое звучание струнного оркестра, раздумчивый темп, эмоциональная сосредоточенность, углубленность в состояние, прекрасная мелодия затрагивают в душе эмоциональные струны печали, утраты, и в то же время философского «равновесия», признания бренности жизни – и здесь у каждого слушающего свой спектр эмоций. Но трудно отрешиться от ассоциаций с осенней природой и ее туманами, чистой речной воды – с плавающими отлетевшими разноцветными листьями... Однако «Грустный вальс» в звучании струнного оркестра может звучать в любое время года, ибо это *лирико-философское состояние Души*.

Если тут же прослушать «Грустный вальс» в авторской редакции для двух фортепиано (есть также вариант для фортепиано в 4 руки), то возникает несколько иной образ. В чем видится авторская редакция? Прежде всего, естественно, полное изменение тембра (причем, хочется подчеркнуть, что оба варианта можно обозначить как моно-тембр, то есть или струнная оркестровая группа, или фортепиано); сделана незначительная редакция текста (есть купюры), но в фортепианной редакции больше подголосков и «певучести» при *почти* том же нотном тексте, причем исполнение на двух роялях в 8 рук расширяет и сгущает музыкальное пространство. Однако, звучание темы с имитационными подголосками, особенно в высоком регистре, создает тончайшие образные нюансы, вальс звучит изысканно-изящно и эмоционально иначе – вот что удивительно! При этом у слушателя возникает совершенно иной ряд ассоциаций...

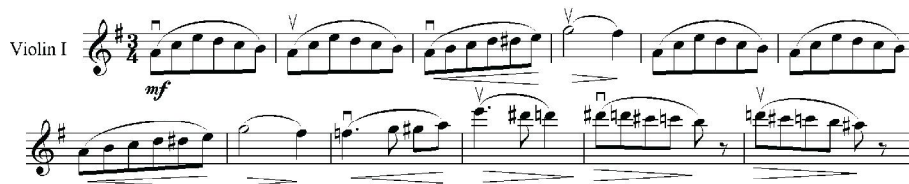

Еще одна версия «Грустного вальса» (в авторской транскрипции для двух флейт и фортепиано) меняет через тембр и фактурные варианты образ, ибо две флейты ведут «мелодический дуэт».

Для стиля и метода композитора весьма показательна работа с темой-образом «Осеннего вальса». Мелодический образ темы (с числовой символикой «3»), как всегда в музыке А. Корепанова, размерно ассоциативен, соединяя в себе эмоцию, жест-движение, особой сосредоточенности душевный импульс, который и продолжается в течении формы, как река, начинающаяся с родника [5]. Трижды повторенный, взлетающий вверх мотив, затем дважды «никнет» в нисходящем движении с изысканным хроматизмом, но третий мотив во втором блоке темы снова стремится ввысь. У слушателя возникает самый разнообразный ассоциативный ряд: это и настойчивые порывы ветра, направленные на ветви дерева; это и взметнувшиеся, сорванные ветром листья, с их постепенным опаданием, и подхваченные новым порывом ветра; это и настойчивая мысль-эмоция, мысль вдохновения, с ее никнувшей энергией, но вновь ее обретающая, это и изящный жест в танце, это и попытка вырваться из замкнутого круга, которая в результате приводит к гармоничному равновесию... — у каждого воспринимающего уже начальные такты «Осеннего вальса» рожают свой ряд ассоциаций. Но они слиты в некую эмоционально-интеллектуальную и художественную многомерность, которая и ведет все существо личности за музыкой до ее последнего звука.

Вторая тема «Осеннего вальса» продолжает вихревое кружение, однако в ритмическое дробление и опевание мелодически опорных тонов с октавным дублированием вторых скрипок формирует более объемное пространство вальсовой мелодики.

В «Камерной музыке для двух роялей», IV частью которой стал «Осенний вальс», «монотембр» рояля, так же, как и в «Грустном вальсе», изменяет образ-настроение, но в этой версии «Осенний вальс» звучит динамичнее и в то же время мелодически насыщеннее, благодаря кратким попевкам-«подголоскам» в разных штрихах, тонко используемым контрапунктам.

К этой же группе вальсов относится «Лирический вальс для фортепиано в 4 руки на тему, подаренную автору его отцом Германом Афанасьевичем Корепановым», из сборника А. Корепанова «Грустный вальс: пьесы для фортепиано в 4, 6 и 8 рук» (Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2002). В фортепианном варианте мелодия вальса поручена первому фортепиано. И здесь композитор работает с перемещением мелодии по тесситуре, волнообразно чередуя то средний, то верхний регистры, отчего создается впечатление «мерцания»

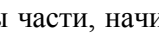

и одновременно – полетности. В заключительном проведении темы диапазон фактуры предельно расширяется, при этом тема вальса проводится в малой и первой октаве, а гармоническое сопровождение звучит в третьей октаве. Тем самым создается музыкальное пространство, которое можно ассоциировать с «трехслойностью мира», где в центре – певучая душа лирического героя.

Продолжая тему Вальса в творчестве А. Г. Корепанова, нельзя обойти вниманием Вальс-каприз для струнного оркестра, впервые исполненный в Казани в 2007 г. Его справедливо можно оценить как одно из тончайших явлений *лирического вальса* в творчестве композитора и одновременно (с классификационной точки зрения) как наиболее точное и «суммарное» отражение поисков композитора в жанре собственно Вальса и проявления *вальсовости*. Если по форме его можно отнести к «большим вальсам» (то есть состоящим из нескольких разделов отличие от «вальсовых» пьес – как отдельных, так и в составе циклов), то по эмоциональной образности – к «лирическим» вальсам.

Обращаясь к проблеме **вальсовости** в сочинениях А. Г. Корепанова, акцентируем внимание на частях циклических произведений, которые написаны в трехдольных метрах и, по сути, тоже являются вальсами, однако, в контексте драматургии циклов, точнее говорить все же именно о *вальсовости*, как некоем качестве музыки с ее образными и жанровыми ассоциациями.

Весьма показательна в этом плане Сюита «На сопках Маньчжурии» – для струнного оркестра с ударными и разными солирующими инструментами. Первые три части – трехдольные (первая часть в метре 6/8; вторая и третья – в метре 3/4). Все три части Сюиты различны по темпу, образам, настроению, каждая из них имеет свою палитру эмоциональных нюансов. И в то же время каждая из частей может быть ассоциативно отнесена к той или иной группе собственно Вальсов (как отдельных пьес) А. Г. Корепанова.

Первая часть («Воспоминание о романсе» – тембровый вариант пьесы: «Маленькая фантазия на музыку романса Г. А. Корепанова для трубы и ф-п) – с солирующей трубой, в темпе *andante*, – мягкий лирический образ с постоянно обогащающейся вариантами фактурой в каждом из кратких разделов, что придает цельность всей композиции. Мелодика первой части, казалось бы, проста, состоит из довольно кратких фраз-«попевок», однако они «сцеплены» друг с другом так певуче, что в целом мелодия постоянно устремлена вперед и слух уже заворочен ее пластикой. Впечатление изысканности музыки складывается не только из-за прозрачности фактуры струнного оркестра, но и из мелких деталей: неожиданных поворотов гармонии, модуляций, ладовой «игры» в мелодике. Не менее существенна метроритмическая «переакцентуация» в образном развитии первой части: если первый раздел труба начинает с затакта в «вальсовой» ритмоформуле , (первые две фразы), то далее фразы, как и последующие разделы части, начинаются уже с сильной первой доли: , что придает мелодике динамичность.

Фактурное развитие вариативно, и в то же время оно очень осторожное (это не сочные мазки маслом, но тонкие линии акварельной графики): контрапунктирующие попевоочки первых и вторых скрипок, волнообразные арпеджато у виолончелей, вступающие во второй половине первого раздела и сохраняющие свою функцию до конца части, пассажи скрипок в конце второго и в начале третьего разделов части – все в целом создает ощущение игры света и тени (как на листве деревьев). Такому ощущению способствует и мелодическая ладовая «узорчатость» партии солирующей трубы в среднем разделе части с тонким применением хроматизмов. [Партитура предполагает две трактовки этой части: а) контраст яркого тембра трубы и мягкого аккомпанемента струнного оркестра; б) приглушенность, смягчение тембра трубы для создания гармоничного единого целого в настроении первой части.

Сам композитор – в устном комментарии – предполагал второй вариант; однако согласен, что первый вариант – со «звонким» звучанием трубы тоже возможен; – но тогда опять возникнет иной звуковой и эмоциональный образ!

Однако, такова музыка А. Г. Корепанова: оставаясь в нотной графике-«схеме» якобы одинаковой, – в тембровых и фактурных разночтениях (авторских переключениях) один и тот же, казалось бы, текст меняет свой облик и прежде всего – в эмоциональном восприятии. Это удивительное качество музыки А. Г. Корепанова: стабильное в изменчивости или же, что *почти* равнозначно, изменчивость в стабильности... Но это качество присуще удмуртской национальной культуре во всех ее явлениях, и изначально – народной, которая, несмотря на принадлежность к «кроне с золотыми листьями Древа Культуры», генетически живет и оплодотворяет творчество композитора Александра Корепанова, как и его отца, Германа Корепанова].

Вторая часть Сюиты – совершенно иная «вальсовость», в какой-то степени близкая «Большому вальсу»: в ней скрыта «театральность», скорее даже «балетность» (которая присуща в той или иной степени вальсовой музыке А.Г. Корепанова). Вся часть представляет собой весьма интересное слияние гомофонности и полифо-

ничности: при четком трехдольном «вальсовом» метре и ритме, гомофонно-аккордовой фактуре с мелодией у скрипок, партия валторны контрапунктирует струнному оркестру, причем не только тесситурно, но и диапазоном-регистрово, ибо мелодия скрипок постоянно находится выше мелодии валторны, что создает особенный эффект звучания.

В то же время очень интересно композиторское решение А. Г. Корепанова: партия валторны излагается как старинный *cantus firmus* в партии солирующей валторны (ровными долгими длительностями), а контрапунктирующей мелодически и гармонически самостоятельной поддержкой служит партия струнного оркестра (налицо политематизм и полифония пластов, один из которых чисто мелодический, другой – гомофонно-мелодический и гармонический). При этом очень интересной воспринимается мелодия солирующей валторны в пятом разделе, где композитор уже перестает сдерживать мелодическую энергетику и вариантно развивает тему (такты 78–109). Однако, такой подход композитора вполне правомерен, ибо тема-мелодия «Забывтый мотив», которая цитируется А. Г. Корепановым в среднем разделе части, является мелодией отца композитора, главы профессиональной композиторской школы Удмуртии, Г. А. Корепанова и здесь слилась «параллельность» музыкального творчества двух композиторов (отца и сына).

Третья часть («Лирический вальс» на тему Г. А. Корепанова) с солирующим альт-саксофоном являет нам иной ракурс проявления вальсовости в творчестве А. Г. Корепанова. Темп ее достаточно скорый ($\text{♩} = 110$). Мелодика солирующего инструмента, как всегда у А. Г. Корепанова, пластично-рельефна (здесь она «широкого дыхания»), постоянно увлекающая за собой, с тонкими ладомелодическими изысками (то в ладовой, то в гармонической ее природе) при четкой метроритмически оформленной вальсовой фактуре струнного оркестра, которая в разделах постепенно варьировано уплотняется, а мелодика солирующего инструмента интонационно усложняется, что к завершению части Сюиты переходит и в партию струнного оркестра.

В сравнении с «Лирическим вальсом» для фортепиано в 4 руки мы видим в партитуре вариант, который отличается тесситурно и по диапазонам фактуры, происходит расширение – развитие музыкального текста, а интонационно изысканные мелодические фразы у солирующего альти-саксофона усиливают мягкость, чуть с грустинкой, лирического образа.

При прослушивании подряд разных тембровых (и фактурных) версий вальсов А. Корепанова обнаруживается глубоконаправленная цельность углубления в образ Темы-мелодии. Однажды родившись и получив свою определенную форму, «мысль-образ-мелодия» начинает существовать, расти, изменяться в сознании композитора, как родившийся ребенок растет, изменяется на глазах и в душе родителей, которые отмечают в своем сознании какие-то тонкие, но сущностно важные его изменения. Так происходит с некоторыми темами в сознании композитора на протяжении его творческой жизни.

Не случайно наряду с другими сочинениями, Вальсы А. Г. Корепанова вошли в концертный и учебный репертуар не только в Удмуртии но и на достаточно широком музыкальном пространстве. Так в чем же загадка поэтики вальсов А. Г. Корепанова? Возможно, что суть в понимании композитором интонации: «Мне кажется, что *то, что интонационно не естественно – не есть музыка. Если смыслом и целью искусства является выражение чувства/страсти, то и интонация должна быть адекватной им.* Вычурная, то есть неестественная интонация выражает отсутствие чувства/страсти, и, соответственно, музыкальное произведение как факт искусства не проявляется» [6]. Немаловажен для понимания также художественный метод А. Г. Корепанова: многократно возвращаясь к им же рожденным музыкальным темам, композитор воспринимает их как объект познания и самопознания, он углубляется в них, постоянно раскрывая мелодический и образный потенциал; в транскрипциях, переложениях у композитора и музыканта возникает новый взгляд, новое образное (а не только тембровое, фактурное и пр.) творческое решение. И здесь уместно вспомнить изречение Гераклита Эфесского: «Нельзя войти дважды в одну и ту же реку, ибо течет вода и изменяешься ты сам»... И снова вспоминая стихи В. Е. Владыкина, можно утверждать, что в творчестве Александра Корепанова **каждый** музыкальный «родник» становится *рекой*...

Суммируя краткий обзор вальсов и «вальсовых» частей циклов А. Г. Корепанова, можно констатировать, что композитор в целом уже представил великолепную «коллекцию» тончайших решений как жанра вальса, так и категории «вальсовости», которые, как оказалось, составляют существенную долю в творчестве – в стиле и в некоей жанровой приверженности тонкого и истинного мастера Музыки – композитора Александра Корепанова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краткий доклад на тему «Поэтика вальса в творчестве Александра Корепанова (о теме-образе)» был прочитан автором статьи на научной конференции «Поэтика музыкального произведения: новые научные направления», в Астраханской государственной консерватории 17 декабря 2010 г. (материалы конференции находятся в печати). Здесь предлагается более полное изложение темы.

2. Биографическая ссылка: Корепанов Александр Германович родился 23 апреля 1951 г. в г. Ижевске, в семье выдающегося и первого профессионального удмуртского композитора Германа Афанасьевича Корепанова (1924–1985). В 1971 г. окончил теоретич. отд. Ижевского музучилища, затем, в 1976 г., теоретико-композиторский факультет Казанской госуд. консерватории им. Н. Г. Жиганова (класс композиции проф. А. Б. Луппова). Член Союза композиторов СССР и России с 1978 г., с 1999 г. Председатель Союза композиторов Удмуртской Республики. Заслуженный деятель искусств УР (1994), Лауреат Государственной премии (1994). Автор Государственного гимна УР. Лауреат Междунар. конкурса композиторов в Испании (2002). В списке сочинений: опера «Мятеж» (в соавт. с Г. А. Корепановым), балет «Соловей и роза», произведения для симфонического, камерного, струнного, духового оркестров, камерные ансамбли, сочинения для инструментов solo; музыка к драматическим спектаклям; вокально-хоровые произведения, песни, романсы, обработки удмуртских народных песен.

3. Перечень **Вальсов**, созданных А. Г. Корепановым:

БОЛЬШОЙ ВАЛЬС (из балета «Соловей и роза» (первое появление темы). Для большого симфонического оркестра

Для 2-х фортепьяно в 4 руки

Для фортепьяно

Для фортепьяно концертная транскрипция.

ГРУСТНЫЙ ВАЛЬС

Для квинтета народных инструментов (м.домра, домра альт, балалайка, баян, к-бас) – из музыки к спектаклю Удмуртского театра (первое появление темы)

Для домры и фортепьяно

Для квартета народных инструментов (м.домра, домра альт, балалайка, к-бас)

Для фортепьяно

Для фортепьяно в 4 руки

Для 2-х фортепьяно в 8 рук

Для струнного оркестра (1997)

Для струнного квартета

Есть партитура для оркестра народных инструментов в оркестровке С. Н. Черезова.

ВАЛЬС-КАПРИС

ДЛЯ СТРУННОГО ОРКЕСТРА как VI часть «Университетской кантаты» (2003; 2006)

Для 2-х скрипок и фортепьяно в 4 руки

Для скрипки и фортепьяно

«Неистовая тарантелла» для фортепьяно

Для струнного квартета.

Для струнного оркестра (2010).

ОСЕННИЙ ВАЛЬС

Менуэт в форме рондо для 2-х флейт, гобоя, 2-х кларнетов, валторны, тромбона и фагота (первое появление темы)

Вальс из маленькой сюиты для домры и баяна

Вальс из первой сюиты для духового оркестра

Вальс из «Камерной музыки» для 2-х фортепьяно

Вальс из «Камерной сюиты» для домры и фортепьяно

Для фортепьяно

Для струнного оркестра

Для струнного квартета

Есть партитура для оркестра народных инструментов в оркестровке С. Н. Черезова (собственно, это название придумал он) и в оркестровке (вся камерная сюита) Хитриной.

МЕФИСТО-ВАЛЬС

Для 2-х фортепьяно (первое появление темы)

Для домры и фортепьяно

Для квартета народных инструментов

«НОВЕЛЛЕТТА» для фортепьяно.

ЛИРИЧЕСКИЙ ВАЛЬС

Из музыки к спектаклю «Гудыри» Удмуртского театра (первое появление темы) для симфонического оркестра

Для фортепьяно в 4 руки

Для струнного оркестра и ударных (*не исполнялось*).

РОМАНТИЧЕСКИЙ ВАЛЬС (первое название «Романс»)

Для 2-х фортепьяно

Для флейты и фортепьяно

Для домры и фортепьяно.

«ЗАБЫТЫЙ МОТИВ»

Для 2-х фортепьяно

Для домры и фортепьяно

Для флейты и фортепьяно.

4. Наиболее важные исполнения **Вальсов** А. Г. Корепанова:

«БОЛЬШОЙ ВАЛЬС» из балета «Соловей и роза»

1995. Ижевск. Премьера всей партитуры балета на «Рождественском фестивале». Гос. симф. оркестр УР, дир. С. Разенков (тогда главный дирижер театра Оперы и балета УР).

1998. Ижевск. Авторский концерт «Музыка в 8 рук».

2002. Ижевск. Авторский концерт (к 50-летию). Гос. симф. оркестр УР дир. Н. Роготнев.

2004. Саранск. XVII Фестиваль музыки композиторов Поволжья и Приуралья. Ульяновский симф. оркестр п/у Баркова.

2006. Москва. На IX съезде СК РФ. Симфонический оркестр Мин-ва обороны. Зал им. П. И. Чайковского.

2007. Волгоград. Фестиваль «Большая Волга». Вариант для 2-х фортепьяно 2008.

2008. Москва. Московский Дом композиторов. Дни культуры и искусства Удмуртии. Гос. симф. оркестр УР, дир. Н. Роготнев.

2008. XXI Фестиваль музыки композиторов Поволжья и Приуралья, вариант для 2-х фортепьяно.

«ГРУСТНЫЙ ВАЛЬС»

1998. Ижевск. Авторский концерт «Музыка в 8 рук».

2001. Вариант для домры и фортепьяно.

2002. Премьера. Гос. симф. оркестр УР п/у Н. Роготнева, Ижевск.

2002. Йошкар-Ола. Казанский камерный оркестр п/у Р. Абязова на XV фестивале музыки композиторов Поволжья и Приуралья.

2002. Испания (около 10 концертов по городам Испании) во время Международного фестиваля-конкурса плекторной музыки).

2003. Казанский Дом композиторов. Юбилейный концерт (50-летие А. Г. Корепанова). Гос. симф. оркестр УР п/у Н. Роготнева, Ижевск (юбилейный концерт композитора).

2007. Волгоград, Фестиваль «Большая Волга». Вариант для 2-х фортепьяно.

2008. Московский Дом композиторов. Дни культуры и искусства Удмуртии в Москве. Гос. симф. оркестр УР, дир. Н. Роготнев.

2008. XXI Фестиваль музыки композиторов Поволжья и Приуралья. Вариант для 2-х фортепьяно.

«ОСЕННИЙ ВАЛЬС»

1993. Саранск, Фестиваль музыки композиторов Поволжья и Приуралья. Вариант для домры и баяна.

1998. Авторский концерт «Музыка в 8 рук», Ижевск.

2001. Казанский Дом композиторов. Юбилейный концерт (к 50-летию композитора). Вариант для домры и фортепьяно.

2008. Сыктывкар. Вариант для струнного оркестра, дир. Кисс (премьера партитуры).

2002. Испания (около 10 концертов по городам Испании во время Международного фестиваля-конкурса плекторной музыки).

2010. Йошкар-Ола. XXII Фестиваль музыки композиторов Поволжья и Приуралья. Вариант для струнного оркестра, дир. Агаронян.

«ВАЛЬС-КАПРИС»

2004. Ижевск. Для 2-х скрипок и фортепьяно в 4 руки на фестивале, посвященном 80-летию Г. А. Корепанова.

2006. Вариант для скрипки и фортепьяно, премьера на Международном конкурсе юных скрипачей «Родина Чайковского» в исполнении председателя жюри Ювала Вальдмана.

2006. «Неистовая тарантелла» на IX съезде СК РФ. Исп. Татьяна Сергеева.

2006. Для струнного оркестра.

2007. Казань. XIX Фестиваль музыки композиторов Поволжья и Приуралья, Татарский симфонический оркестр, дир. Р. Абязов (премьера).

2009. Ижевск. Фестиваль «Молодые таланты на родине Чайковского». Струнный оркестр Казанской консерватории.

«МЕФИСТО-ВАЛЬС»

1998. Ижевск. Авторский концерт «Музыка в 8 рук». Вариант для 2-х фортепьяно.

2001. Казань. Дом композиторов, авторский концерт (к 50-летию композитора). Вариант для домры и фортепьяно.

2002. Испания (около 10 концертов по городам Испании (во время Международного фестиваля-конкурса плектровой музыки). Вариант для квартета народных инструментов.

2002. Авторский концерт. Вариант для 2-х фортепьяно.

2007. Волгоград, Фестиваль «Большая Волга». Вариант для 2-х фортепьяно.

2008. XXI Фестиваль музыки композиторов Поволжья и Приуралья. Вариант для 2-х фортепьяно.

«РОМАНТИЧЕСКИЙ ВАЛЬС»

2001. Казань. Дом композиторов, авторский концерт (к 50-летию композитора). Вариант для домры и фортепьяно.

2002. Ижевск. РМК, авторский концерт. Вариант для домры и фортепьяно.

«ЗАБЫТЫЙ МОТИВ»

1998. Ижевск. Авторский концерт «Музыка в 8 рук». Вариант для 2-х фортепьяно.

2001. Казань. Дом композиторов, авторский концерт (к 50-летию композитора). Вариант для домры и фортепьяно.

5. И здесь невольная ассоциация со стихами удмуртского поэта и этнографа В. Е. Владыкина из его первого (и двуязычного) поэтического сборника «Отчего поет тюрагай» (Ижевск: Удмуртия, 1980. С. 22–23):

Шурлэн кутсконэз –

Дун ошмес.

Со озьы,

Нош малы вань ошмес ёрӥслы

Кылдымтэ пӧрмыны шурӥслы?

Каждая река

начинается с родника.

Но почему-то не каждый родник

Становится рекой.

6. Из письма 11 ноября 2010 г.

Поступила в редакцию 18.05.2011

M. G. Khrushcheva

Waltz and «waltzsizm» in A. Korepanov's creation

This paper gives an overview of the waltz genre as a separate product in the works of composer Alexander Udmurt Korepanova. Also addressed the problem valsovosti in parts of ternary cyclic composer's works. Summarizes the methods of the composer of the theme-tune.

Compares the «timbre rethinking»-versions of waltzes, variability original musical image, which constitute one of the lines of creative style A. Korepanova.

Keywords: Udmurtia, composing work, Alexander Korepanov; genre waltz; valsovost; variability; timbre variations, creative method, style.

Хрущёва Маргарита Геннадиевна,
кандидат искусствоведения, профессор
Астраханская государственная консерватория (академия)
г. Астрахань
E-mail: rvkir@mail.ru

Khrushcheva Margarita Gennadievna,
Candidate of Arts, professor,
Astrakhan State conservatoire (academy)
Astrakhan
E-mail: rvkir@mail.ru

В. В. Студитских

**ИНСТИТУТ РОДИТЕЛЕЙ
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ УДМУРТОВ**

Исследуется влияние института родителей в традиционной культуре удмуртов на развитие аффективно-личностной сферы ребенка и на особенности адаптации к расширяющейся социальной среде во взрослом возрасте. На примере структуры родительства в конкретной удмуртской семье обсуждается влияние его на развитие у ребенка чувства доверия к миру, эмоциональной защищенности, а также возможное влияние этих черт на успешность будущей адаптации ребенка и возможные пути разрешения фрустрации при утрате значимости усвоенных ценностей.

Ключевые слова: институт родителей, депривация потребностей, явление «госпитализма», развитие аффективной и личностной сферы, чувство «доверия к миру», базисное «доверие-недоверие», чувство эмоциональной привязанности, материнская забота, фрустрация, надежда и вера, социализация, младенческий возраст и раннее детство.

Семья является первичным институтом социализации ребенка. Первое отношение к миру у ребенка проявляется в «Комплексе оживления» – ребенок приходит в эмоционально-возбужденное состояние при виде родителей, улыбается им, двигает ручками и ножками, визжит от радости. В исследованиях М. И. Лисиной [2] наличие потребности в общении у ребенка уже к 2 месяцам названо «потребностью в доброжелательном внимании взрослого». В «Комплексе оживления» положительное отношение малыша к окружающему миру проявляется своевременно, если удовлетворение важнейших базовых потребностей малыша соответствует его желаниям и интересам, возрастным особенностям и условиям полноценного общения.

Согласно взглядам Л. С. Выготского [1], Д. Б. Эльконина [8] и др., эмоциональное общение со взрослым – ведущая деятельность ребенка в младенчестве, формирующая эмоциональную привязанность к тем людям, которые постоянно ухаживают за ним. На этой основе развивается способность к сопереживанию, любви к близким людям, животным, к окружающему миру и жизни в целом. Эта способность развивается прямо пропорционально той любви, которую ребенок получает от взрослых. Открытое и позитивное отношение к окружающему миру

создает условия для успешного развития эмоциональной, интеллектуальной и социальной сферы личности. Ребенок, которого любят в семье, положительно относится к себе, у него формируется самоуважение, чувство собственного достоинства – стержневая основа личности, которая помогает человеку в сложных жизненных ситуациях.

Э. Эриксон [7] и другие исследователи выделяют потребность в защищенности как важную для развития психики ребенка и его социализации: на основе удовлетворения этой важнейшей потребности формируется базовое чувство «доверия к миру» против базисного «недоверия к миру». Доверие к миру проявляется в том, что ребенок воспринимает мир, в котором он живет, как безопасное место, а окружающих людей – как добрых и заботливых. Он уверен в том, что родные и близкие заметят его достижения, отметят его дела и помогут в трудных ситуациях. Такой ребенок спокоен в поведении, у него преобладают положительные эмоциональные переживания, он открыт для общения с людьми и познания мира. Напротив, для ребенка с недоверием к миру характерны установки страха, подозрительности и опасения за свое благополучие. Данная установка закладывается в личность ребенка, и дилемма доверие – недоверие будет проявляться на каждой стадии его развития, хотя центральной она является в раннем детстве.

При недостаточном удовлетворении потребностей в доброжелательном внимании взрослого и в защищенности происходит их депривация, которая приводит к отставанию в общем психическом развитии малыша и к нарушениям в его развитии: чрезвычайно высокая тревожность, страхи, снижение потребности в общении (детский аутизм) и закрытость в познании мира.

В психологии описано явление «госпитализма», то есть отставания в общем психическом развитии детей из-за недостаточного общения со взрослыми в раннем детстве и на протяжении всего детского возраста [3; 4; 5]. Впервые это явление было выявлено при исследовании детей, воспитывающихся в детских домах, где были созданы все необходимые условия (материальные, гигиенические, образовательные), кроме необходимого ребенку эмоционального общения со взрослым, который бы постоянно заботился о нем, проявлял интерес к его переживаниям, сочувствовал, помогал [3; 5]. Отсюда – у них не формируется самоуважение и чувство гордости за себя, а низкая самооценка обуславливает развитие недоверия к людям и озлобленность.

У каждого народа складывается своя традиция воспитания: проверенные временем и устоявшиеся методы (механизмы) взаимодействия с ребенком в разные возрастные периоды для его успешной социализации и усвоения необходимых навыков в делах и др. Вырабатывается опыт защиты ребенка от негативного влияния жизненной действительности: например, чувства одиночества и страдания при потере родителей. В древней традиции удмуртского народа выработаны механизмы защиты от сиротства: в случае смерти родителей ребенок оставался в семье близких родственников. Забота о всех детях, принадлежащих к данной родне, была важной функцией каждого взрослого члена семьи и родственника.

В нашей работе представлено описание удмуртского традиционного «института родителей» как целостной структурированной системы отношений взрослых и детей на примере одной семьи.

В удмуртской семье, проживающей на берегу р. Кильмезь в д. Балма Сюмсинского р-на УР, сохранилась система семейно-родственных отношений, четко структурированная и иерархизированная в соответствии с древними традициями. Самая интересная и важная особенность семейной традиции – это наличие целой структуры родительства: многочисленной группы матерей и отцов. Рассмотрим часть структуры «института родителей» – родственную ветку по линии отца ребенка. В традициях удмуртов данной деревни младший сын остается жить с родителями и приводит в родительский дом свою жену. Предположим, у отца ребенка есть три брата (старший, средний и младший) с женами и три сестры с мужьями. Традиционно все ближайшие родственники жили неподалеку друг от друга – в одной деревне или по-соседству, так что ребенок мог общаться с ними, по возможности, регулярно.

В возрасте 4–6 лет ребенок активно познает расширяющуюся ближайшую социальную среду: семья, родственные связи, свое место в окружении родственников. Интерес ребенка обусловлен, с одной стороны, развитием его самосознания и идентификацией себя с близкими ему людьми, с другой – его обучением взрослыми, которые вводят его в мир социальных отношений, помогая его социализации (расширению круга общения, усвоению норм поведения в разных группах людей). Он особенно чувствителен к усвоению информации, связанной с семейно-родственными отношениями, и к определению своего места и роли в структуре родственных отношений.

В этот период ребенку объясняют, что, кроме мамы и папы, у него есть две «старые мамы» и два «старых папы». Воспитанием детей в традиционной удмуртской семье, как правило, занимается «старая мама» и эмоциональная привязанность к ней самая сильная. Тем не менее, ребенок уже способен понять родственную близость биологических родителей и их место в структуре семейных отношений.

Кроме самых близких людей, у ребенка есть еще около десятка и более пап и мам разного возраста и ранга в структуре семейно-родственных отношений. Его приучают называть их «старшими папами» – старших братьев отца и матери; мужей старших сестер отца и матери; «средними папами» – средних братьев отца, матери; мужей средних сестер отца и матери; «младшими папами» – младших братьев отца, матери; мужей младших сестер отца и матери.

Подобным образом выстроена иерархия. Ребенок узнает «старших мам» (старшие сестры мамы и папы; жены старших братьев мамы и папы), «средних мам» (средние сестры мамы, папы и жены средних братьев мамы и папы) и «младших мам» (младшие сестры мамы и папы; а также жены младших братьев мамы и папы).

Включаясь в систему семейно-родственных отношений, ребенок понимает, что живет в окружении самых близких людей – среди мам и пап, занимающих свое место в системе родственных отношений. Он усваивает степень социальной дистанции каждого по отношению к его настоящим родителям и в соответствии с этим строит свои отношения с ними.

Как видим, представленная структура «института родителей» определяется не только биологическим фактором, но и социальным. Ребенок входит в реальную взаимосвязанную структуру отношений, где все члены семьи связаны разными родственными узами. К 7 годам у него формируется четкий образ семьи как

устойчивого образования со сложной иерархической структурой отношений. Он познает свое место в системе отношений взрослых в семье и, соответственно, в системе отношений с братьями и сестрами разной социальной близости по родственным критериям. Осознание себя в такой сложной структуре отношений происходит в течение всего дошкольного возраста.

Вопрос о влиянии «института родителей» на развитие психики ребенка связан, прежде всего, с эмоционально-чувственной сферой. Известно, что детские переживания остаются в душе человека на всю жизнь как стержневая основа его личности. Л. С. Выготский рассматривал переживания в качестве важнейшей психологической единицы, через которую внешнее влияние проникает во внутренний субъективный мир индивида. Он отмечал, что «переживания представляют собой... узел, в котором связаны многообразные влияния различных внешних и внутренних обстоятельств» [1]. Именно переживания осведомляют человека о том, в каком отношении с внешним миром и другими людьми он находится, в соответствии с чем он и ориентирует свое поведение.

Наиболее важным является формирование чувства Я и МЫ по родственному признаку. Ребенок осознает себя частью большой группы родственных людей, которые связаны кровными и социально приобретенными узами и закреплены в названиях родителей разного статуса. Образ семьи в сознании ребенка формируется как устойчивое образование, как одно целое, где все живут вместе, помогая друг другу.

Наличие папы, мамы и большого количества родителей формирует у ребенка чувство защищенности от негативных воздействий окружающего мира, от одиночества и ощущения сиротства. При утрате биологических родителей он надеется на поддержку остальных «родителей», с детства усваивает уверенность в их помощи.

В традиции удмуртов д. Балма были выработаны механизмы заботы об осиротевшем ребенке: он не просто оставался в семье ближайших родственников, но оставался жить в семье у одного из родителей.

Традиционный институт родителей способствует с детства формированию у человека установки на заботу обо всех детях в родне. Каждый взрослый является отцом или матерью для всех детей своих братьев и сестер. Молодые люди, принимая решение о женитьбе, учитывают тот факт, что они сразу становятся родителями для детей, имеющих в семьях братьев и сестер. До вхождения в семью (мужа и жены) они психологически готовят брать ответственность за каждого несовершеннолетнего члена в семьях родственников, и это чувство сближает их с семьями своих родственников. С другой стороны, каждый родитель в семье уверен в том, что в случае беды или несчастья их дети будут окружены заботой родственников и их ребенок будет иметь родителей.

Институт родителей в удмуртской традиционной культуре создает, во-первых, установку у самого ребенка на восприятие и принятие всех родственников как любящих и заботливых родителей; во-вторых, создает у взрослых родственников установку на восприятие и принятие всех детей в семейно-родственной группе как своих и заботиться о них как родитель. Осознание ребенком того, что он окружен очень близкими к родителям людьми, заботящимися о нем, формирует у него чувство доверия к миру.

По мнению Э. Эриксона [7], степень развития у ребенка чувства доверия к другим и миру зависит от качества материнской заботы. Причиной развития недоверия становится ненадежность, несостоятельность матери и отвергание ею ребенка. Недоверие усиливается, если ребенок перестает быть для матери главным центром внимания; когда она возвращается к занятиям, которые оставила на время беременности, или рождает следующего ребенка. Если биологическая мама окажется таковой, вероятно, в институте родителей среди многочисленной группы матерей найдется та, что компенсирует несостоятельность биологической мамы и предупредит развитие у ребенка недоверия к миру.

Чувство доверия усиливается в традиционной семье и тем, что родители придерживаются единых принципов воспитания, их система ценностей согласуется с общепринятым в данной культуре стилем жизни. Все это создает условия для развития у ребенка чувства «внутренней определенности», приводящей к усилению чувства доверия.

Укрепление доверия к себе и к матери дает ребенку возможность переносить состояния фрустрации, неизбежные на протяжении его развития [7]. Для здорового развития важно благоприятное соотношение доверия и недоверия. Важно понимание, чему необходимо доверять и чему не следует доверять.

Когда человек, выросший в традиционных условиях воспитания, отрывается от своего культурного пространства (переезжает жить в город) и попадает в другую среду, с иными традициями, или в общество, требующее умения конкурировать с другими, утверждать себя в условиях жесткого отбора и соревнования на достижение успеха, у него может возникнуть внутренний конфликт, и он испытывает фрустрацию. Чувство доверия способствует разрешению этой фрустрации обновлением опыта переживания непрерывности развития и интегрированием жизненного цикла с расширяющейся принадлежностью к значимым социальным группам. Базисное доверие противостоит чувствам лишенности, разделенности и покинутости на всем протяжении жизни. Человек доверяет социуму подобно тому, как он доверяет собственной матери.

Исходя из теоретических положений Э. Эриксона [7], можно предположить, что дети, выросшие в условиях института родителей, благополучнее будут адаптироваться в новых социальных группах, благодаря базовому доверию. Но эта проблема требует эмпирического исследования.

Трудности адаптации могут быть связаны, во-первых, с тем, что семейно-родственные отношения являются важнейшей ценностью для удмуртов, а потому они особенно тяжело переживают разлуку с семьей и родственниками, к которым сильно привязаны.

Во-вторых, на процесс адаптации удмуртов к расширяющейся социальной среде возможно влияние национальных традиций воспитания, нравственных норм и ценностей, которые передаются подрастающему поколению. Так, этнологи подчеркивают, что традиционным для удмуртов является воспитание у подрастающего поколения скромности, спокойствия, сдержанности в поведении. Не поощряются демонстративность и стремление к доминированию [6]. В удмуртском языке нет слова, синонимичного конкурентоспособности, а слово «соревнование» – того же корня, что и «вместе». В переводе на удмуртский

язык соревнования – это совместное действие к достижению успеха. Возможно, усвоенные моральные ценности и национальные качества – скромность, неконкурентоспособность, ожидание того, что окружающие люди заметят его старания и отметят без его саморекламы и презентации – мешают самоутверждению и продвижению дела вне удмуртского общества.

По Э. Эриксону [7], человек становится невротическим, если утрачивает значимость своей ценности в других социальных группах. Вероятно, утрачивает чувство защищенности и уверенность в себе. Благоприятным разрешением конфликта «доверие-недоверие» является приобретение надежды. Доверие, сформированное в младенчестве, переходит в способность надеяться, что, в свою очередь, у взрослого может составить основу веры. Для взрослого человека Бог становится олицетворением материнской заботы. Всем религиям свойственны такие черты: периодическая, по-детски непосредственная капитуляция перед Поставщиком (Кормильцем) или поставщиками, которые раздают как земное богатство и удачу, так и духовное здоровье; демонстрация ничтожности человека с помощью покорной позы и смиренных жестов и мимики; признание в молитве и пении проступков; пламенный призыв к внутреннему объединению под божественным водительством и постижение того, что личное доверие должно стать общей верой, а личное недоверие – выраженным в виде общей формулы грехом. Восстановление и укрепление внутреннего мира индивидуума должно стать частью ритуальной практики и знаком доверительной атмосферы в данном обществе.

Э. Эриксон отмечает (из наблюдений в своей клинической практике), что каждое общество и каждое поколение находит свою институционализированную форму почитания: одни черпают жизненную веру в общественной деятельности или научных занятиях, другие – в религии, третьи гордятся существованием без религии. Надежда (вера) – это первое положительное качество Я, оно поддерживает убежденность человека в значимости и надежности общего культурного пространства.

Исходя из взглядов Э. Эриксона, можно предположить, что удмурты, воспитанные в традиционной культуре, при вхождении в новое общество, в котором не значимы усвоенные им ценности, разрешают конфликт «доверие-недоверие» благодаря нахождению общего культурного пространства. Это может быть вера и общие положения, объединяющие различные религии; либо участие в общественных организациях; либо занятия наукой; либо участие в других общественно значимых социальных институтах.

Таким образом, можно предположить, что институт родителей благотворно влияет на развитие личности ребенка: у него формируются чувство защищенности и сильное чувство эмоциональной привязанности к матери и другим родителям в структуре семейно-родственных отношений. Чувство доверия, формирующееся в общении с матерью, усиливается во взаимодействии с многочисленными родителями в традиционных семейно-родственных отношениях. Это базовое доверие помогает человеку адаптироваться к расширяющейся социальной среде с различными культурными традициями и при переживании фрустрации может разрешить, преодолеть ее через обретение общего культурного пространства с общечеловеческими ценностями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
2. *Лисина М. И.* Влияние отношений с близкими взрослыми на развитие ребенка раннего возраста // Лишенные родительского попечительства / Ред.-сост. В. С. Мухина. М.: Просвещение, 1991. С. 37–48.
3. *Мещерякова С. Ю.* Особенности аффективно-личностных связей с взрослыми у младенцев, воспитывающихся в семье и домах ребенка // Лишенные родительского попечительства / Ред.-сост. В. С. Мухина. М.: Просвещение, 1991. С. 48–53.
4. *Пиклер Э.* Современные формы проявления госпитализма // Лишенные родительского попечительства / Ред.-сост. В. С. Мухина. М.: Просвещение, 1991. С. 186–193.
5. *Залыкина И. А., Смирнова Е. О.* Некоторые особенности психического развития дошкольников, воспитывающихся вне семьи // Лишенные родительского попечительства / Ред.-сост. В. С. Мухина. М.: Просвещение, 1991. С. 59–63.
6. *Шкляев Г. К.* Очерки этнической психологии удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 300 с.
7. *Эриксон Э.* Детство и общество / Пер. с англ. СПб.: ООО «Речь», 2000. 416 с.
8. *Эльконин Д. Б.* Детская психология. М., 1960.

Поступила в редакцию 11.05.2011

V. V. Studitskikh

Parents institute and its influence on children`s development in traditional udmurt Culture

In this article was made an attempt to analyze how parents` institute influences on a child`s personal and mental development in the traditional Udmurt culture. Also it shows peculiarities of socialization during adaptation to society laws. Here was presented the parenthood structure one of the udmurt family. It was discussed how parents can teach their child to trust the world he or she lives in. The author analyses how formed personal qualities help to be successful in the environment. Besides it was suggested possible ways for decision the problems which can appear when spiritual values have been lost.

Keywords: Parents institute, Deprivation of needs, phenomenon of «hospitalism», education of effective and personal sphere, sense of confidence in the world, sense of emotional attachment, mothering, frustration, Hope and Faith, socialization, infancy.

Студитских Валентина Васильевна,
кандидат психологических наук, доцент,
ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: rvkir@mail.ru

Studitskikh Valentina Vasilievna,
Candidate of Science (Psychology), associate professor,
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: rvkir@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ

УДК 630(470.51)

В. А. Шадрин

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛЕСОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ТЕРРИТОРИИ УДМУРТИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ СЕЛА ЛЮК ЗАВЬЯЛОВСКОГО РАЙОНА)

Часть 2.

ХАРАКТЕРИСТИКА И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ СООБЩЕСТВ

Приводится характеристика встречающихся в районе исследования светлохвойных, темнохвойных, широколиственных, хвойно-мелколиственных, мелколиственных лесных сообществ и их основных ассоциаций. Отмечаются особенности развития их в природном и антропогенном ландшафте и биоразнообразии. Показано, что растительность сохраняет естественные зональные черты ярко выраженного неморального характера в виде хорошо представленных липово-еловых и елово-липовых ценозов. Это позволило проследить цепь взаимопревращений основных сукцессионных стадий развития лесов исследуемой территории. Оценка экологического состояния в целом окружающей сообщества среды дает возможность определять их экологическую ценность.

Ключевые слова: антропогенный ландшафт, ценозы, ассоциация, древостой, травянистый покров, экосистема, экологическое состояние.

Лесные фитоценозы и их ассоциации, определяющие и накладывающие основной ритм функционирования природно-хозяйственной системы с. Люк.

Светлохвойные леса. Естественные по генезису сукцессионные леса на территории исследования выявлены небольшими участками лишь в пределах гослесфонда, где проводилась только рекогносцировка. На склонах антропогенного ландшафта близ поселения Верхний Люк, на левом коренном берегу р. Люк, произрастают вторичные по происхождению сосновые участки. Возраст сосны составляет около 50–60 лет, встречаются и моложе. В подлеске активно развивается бересклет бородавчатый, кустарниковая липа, жимолость лесная, клен остролистный, или платановидный, нечасто встречается крушина ломкая, можжевельник. Ярусность не выражена, сомкнутость крон 50–70 % (формула древостоя 10С). Травянистый

состав главным образом неморального сложения. Эти *сосняки неморально-травяные* широко развиваются на вершинах склона юго-западной экспозиции с уклоном 40–45°, пологих уступах, верхней части педимента. Здесь нередки купена душистая, колокольчики персиколистный и крапиволистный, володушка длиннолистная, вейник тростниковый, копытень европейский, звездчатка жестколистная, или ланцетолистная, медуница темная, или неясная, довольно редко зверобой волосистый. Общее проективное покрытие (ОПП) их составляет 40–50 %, видовая насыщенность невелика. Среди травостоя много подроста жимолости, липы, клена, реже ели и можжевельника. Внутри формации часто встречаются *сосняки корневищноосоковые*, небольшие по площади, мало отличающиеся от предыдущей ассоциации (формула древостоя 10С). Однако сомкнутость крон до 90 % позволяет активно развиваться подлеску из бересклета, можжевельника, жимолости лесной, изредка ели и пихты. В травостое доминирует осока корневищная, участие принимают и яснотка крапчатая, звездчатка жестколистная, горошек лесной, ортилия однобокая. И хотя ОПП их составляет 70 %, тем не менее, видовая насыщенность его незначительна. Среди травостоя много встречается подроста из ели, жимолости, клена, липы. В окружении указанных ценозов изредка встречается воронец красноплодный, фегоптерис связывающий, купальница европейская.

Встречаются и совсем маленькие по размерам участки, но довольно редко, *сосняков-мертвопокровников* с небольшим участием зеленых мхов (до 20 %), земляники лесной и живучки ползучей. Располагаются они чаще всего в нижней части склонов. Формула древостоя 8С2Е, сомкнутость крон 80–90 %. Подлесок разреженный и состоит из рябины, жимолости, ели, редко пихты, еще реже бересклета. Из трав достаточно редки грушанка зеленоцветковая, ястребиночка волосистая, осока пальчатая, вероника лекарственная, даже встречаются представители неморальных и лесостепных ценозов – медуница темная, яснотка крапчатая, копытень, чина лесная и др. На уступах и педименте, где сомкнутость крон не превышает 50 %, развиваются *сосняки разнотравно-перистокоротконожковые* и *папоротниково-орляковые*, взаимозаменяющие друг друга, с участием коротконожки перистой, девясила иволистного, ястребинки зонтичной, мятлика узколистного, орляка обыкновенного. Довольно редки и интересны в них такие виды, также представители лесостепных сообществ, как резуха шершавая, или стреловидная, горошек тонколистный, душица обыкновенная. Небольшие папоротниково-орляковые сообщества включают в себя даже неморальный вид володушку длиннолистную – довольно редкое сочетание для центральной части территории Удмуртии. На открытых не облесенных склонах их травяные ценозы испытывают некоторый антропогенный прессинг, что отражается в присутствии рудеральных элементов, таких как бодяк щетинистый, борщевик Сосновского, болиголов крапчатый.

Таким образом, можно проследить, что развитие сосняков происходит на месте, а возможно, и совместно, широколиственных или смешанно-широколиственных неморально-травяных (широкотравных) лесов с участием липы, клена, реже ели, где на открытых пространствах были представлены и суходольные луга с сохранившимися и поныне лесостепными элементами. В целом экологическое состояние данной природной экосистемы, развивающейся в антропогенном ландшафте, оценивается от удовлетворительного к хорошему.

Темнохвойные леса. На территории исследования их не так много. Все они, с изрядной долей широколиственных и мелколиственных пород, образуют смешанные леса разной степени этиологии. А из оставшихся чаще встречаются еловые, реже пихтовые леса, приуроченные к плакорным образованиям. Определенный отпечаток на их развитие накладывает подзонально-поясный рубеж смешанных хвойно-широколиственных лесов [18]. Следовательно, в себе сочетают следы влияния широколиственных лесов, поскольку не только второй, но и первый ярус их нередко составляют липа, вяз, в подлеске клен, липа и даже отмечены одиночные дубы. Отсюда и травянистый покров зачастую представлен широколиственным: медуница темная, звездчатка жестколистная, подмаренник душистый, копытень европейский, чистец лесной, какалия, или недоспелка копьевидная, цицербита уральская, купальница европейская, овсяница гигантская, бор развесистый и др. По этой причине все ельники на данной территории относятся к неморально-травяным, в том числе и пихтовые леса. На склонах антропогенного ландшафта ельники также обнаруживают структурированность, описанную выше для сосняков: вершины склонов – ельник неморально-травяной, уступы и чуть ниже – редко встречающиеся относительно молодые микроценозы ельника мертвопокровника, еще ниже – ельник кисличный, который у подножия, ближе к ручьям, вновь в примеси приобретает неморальный состав и далее переходит в приручевый. Ближе к населенному пункту неморальные ельники, вследствие рекреационной и пастбищной депрессии, замещены рудеральными, рудерально-злаковыми с участием синантропных видов: полынь обыкновенная, василек шероховатый, или скабиозовый, горошек мышиный, короставник полевой, мятлик луговой, чистотел большой и др. и захламлены строительным и бытовым мусором. На заболоченных участках встречаются ельники с участием ольхи серой, березы пушистой, таволги, или лабазника обнаженного.

Наиболее часто в антропогенном ландшафте, особенно юго-восточной и восточной топической среде, встречаются *ельники кисличные рудерально-травяные*, развивающиеся на склонах западной, юго-западной и юго-восточной экспозиции. Они занимают как вершины склонов (в этом случае происходит их естественное ксерофитное олуговение), так и педимент, где наблюдается большее воздействие пастбы и рекреации (в этом случае деградируют в парковый тип леса, далее в пастбищный луг). В древостое кроме ели изредка принимает участие сосна (формула 8Е2С и 7Е3С). Сомкнутость крон до 50 %, что создает возможность для развития разреженного подлеска, подроста и в обилии травянистого покрова, ОПП которого при естественном олуговении около 70–90 %. Подлесок в этом случае состоит нередко из можжевельника. В травостое присутствуют виды лесных сообществ – кислица обыкновенная, земляника лесная, живучка ползучая, сныть обыкновенная, копытень и доминируют виды разнотравных и ксерофильных лугов: подмаренник мягкий, полынь горькая, вероника широколистная, клевер горный, зверобой продырявленный, чина лесная, лапчатка серебристая, репешок обыкновенный, змееголовник тимьяноцветковый, кошачья лапка, желтушник прямой, истод хохлатый. Однако рекреация (в данном случае организация пикников) создает условия для проникновения сорных, или синантропных видов: короставник полевой, клевер ползучий, овсяница луговая, ежа сборная, лютик едкий, василек шероховатый, горошек мышиный, одуванчик лекарственный,

нивяник обыкновенный, чистотел и др. Поскольку еще сильны естественные связи в сообществе, то проникновение синантропов приводит к всплеску видового разнообразия, что и наблюдается в указанной ассоциации, где на 1 кв.м приходится не менее 10 видов. Как результат встречается, кроме можжевельника, много молодых древесно-кустарниковых видов: малина обыкновенная, ива козья, ель, рябина, жимолость лесная, бузина сибирская, черемуха обыкновенная. Видно, что ранее существовавший ельник неморально-травяной, а на его следы указывают копытень и сныть, постепенно деградирует в вышеописанный ельник с участием синантропов. Данная ассоциация еще продолжает сохранять черты естественного развития, на что указывает наличие в окрестном его микрорельефе воронца красноплодного, вороньего глаза четырехлистного и вышеназванных видов лесных широколиственных ценозов. Не зря экологическое состояние этой системы оценивается пока как более-менее хорошее. Весьма небольшие участки таких сообществ встречаются близ сосняков, описанных выше или внутри них.

В подножии склона, при усилении не только рекреационной, но и пастбищной нагрузки, в сообществах рудерально-травяных наблюдается выпадение лесных видов в пользу рудералов и близ населенного пункта ельник приобретает парковый вид, где встречены даже интродуценты: клен ясенелистный, или американский, боярышник кроваво-красный, который для юга Удмуртии не является таковым, золотарник канадский и т.п.

Во влажных местах притоков антропогенного ландшафта и пойменной части лесного ландшафта р. Люк изредка встречаются ельники смешанные приручевые и заболоченные, с низинными и низинно-переходными болотцами, где также, в той или иной мере, встречается широколиственный.

Так, *ельник приручевый неморально-травяной* с участием пихты и липы (формула 5ЕЗП1Лп1Ик) состоит из подлеска ели, пихты, рябины, жимолости, реже липы. Сомкнутость крон до 80 %, средний диаметр стволов 15 см. На почве имеется моховой покров до 20 %. ОПП трав 70 % и более, с богатым видовым разнообразием. Доминируют хвощ луговой, мягковолосник водный, кислица, кочедыжник женский, менее обильны медуница темная, майник двулистный, грушанка малая, подмаренник душистый, звездчатка жестколистная, сныть, копытень, борец, или аконит высокий, щитовник шартрский, крапива двудомная, бодяк овощной, выше по склону страусник обыкновенный и др. Среди них имеют значение для фитоценогенеза герань Роберта, чемерица Лобеля и такие реликтовые виды как недоселка, воронец красноплодный, валериана лекарственная, цицербита – эндемик Урала и Предуралья. Из подростка в травостое можно отметить ель, малину, рябину, смородину черную, черемуху, жимолость, реже липу и клен. Недалеко, выше по сухим ручьям, к ели примешиваются вяз голый, или шершавый, клен остролистный, или платановидный, где в примеси с костяникой встречаются редкие для сообщества виды: волчегородник обыкновенный (северо-западная топическая среда), диплазиум сибирский, воронцы красноплодный и колосистый, пузырник, или цистоптерис ломкий (весьма редок), лютик крупноплодный, сибирский вид – звездчатка Бунге и др. Еще выше, у вершины балки, ельник сменяется локальным небольшим широколиственным ценозом, где по краю леса отмечен редкий вид для территории исследования – синюха голубая.

В сильно увлажненных местах в подобных ельниках развивается моховой покров из зеленых мхов, занимающий более 50 % площади, и постепенно вытесняющий ель, что приводит впоследствии к образованию низинного болота.

В иных местах, при разреженном пространстве, развивается *ельник ольхово-лабазниковый*. В первом ярусе только ель (формула 10Е), второй ярус занимает ольха серая. В подлеске также преобладает ольха серая, меньше – смородина черная, шиповник иглистый, рябина, ель, жимолость, еще меньше – ива козья, бузина сибирская. В травяном покрове, ОПП которого до 90 %, кроме крупных трав – лабазника обнаженного, крапивы двудомной, чемерицы, дудника лесного, валерианы лекарственной, или аптечной, купыря лесного, встречаются и мелкие: гравилат речной, кислица, фиалка сверху-голая, двулепестник альпийский, земляника лесная, полевица побегообразующая, щитовник шартрский, зюзник европейский, шлемник обыкновенный, сердечник горький, грушанка круглолистная, осоки вздутая и острая, ряска малая, болотник весенний, недотрога обыкновенная, вероника поручейная, калужница болотная и даже редкие для сообщества виды – поручейница водная (зафиксирована одна куртина) и овсяница гигантская. Изредка встречаются крушина ломкая, береза пушистая. В менее увлажненных местах, в окрестных ельниках, встречаются лютик кашубский, незабудка лесная, медуница темная, щитовник мужской, мята полевая, валериана лекарственная. Ближе к поселению в такое сообщество, в результате выгона скота, внедряются бодяк щетинистый, подорожники, щавель курчавый, лапчатка гусиная, чистотел, чертополох курчавый, пастушья сумка обыкновенная.

Весьма редки в подобных и возвышенных, более сухих местах *ельники-мертвопокровники*, занимающие небольшие площади. Они вкраплены, в виде инсуллятов, в еловые и сосновые леса и развиваются в подножии склонов западной и восточной экспозиции. Древостой образован только елью (формула 10Е), сомкнутость которых, при среднем диаметре стволов 15–20 см, составляет 90 %. Отсюда – подлесок и подрост практически отсутствуют. Местами развит покров из зеленых мхов – до 50 %. ОПП трав в пределах 5–10 %, где нет единого доминанта. Основная доля в сложении принадлежит кислице, не меньшее участие принимают ожика волосистая, ортилия, копытень, земляника лесная, медуница темная, вероника лекарственная, живучка ползучая, золотарник золотая розга. Более редки в сообществе двулепестник альпийский, колокольчик крапиволистный, осока пальчатая, фиалка Селькирка. Среди травостоя встречаются молодые экземпляры ели, бузины сибирской, жимолости, рябины, черемухи, малины, пихты, бересклета. В окрестном микрорельефе изредка встречаются грушанка малая, воронцы колосистый и красноплодный, купырь лесной. По сути, это трансформированный ельник кисличный, на состав которого оказывают влияние окружающие леса, но наличие широколиственного травяного яруса указывает на деградационную стадию ельника неморально-травяного. Последние, кстати, на территории исследования имеют преимущественное распространение.

В север-северо-восточной топической среде [18] и в залесенных оврагах антропогенного ландшафта часто встречаются *пихтовые неморально-травяные* леса с небольшим участием в первом ярусе ели, сосны и липы. В зависимости от того, какая порода в соподчинении, формула древостоя следующая: 8П1Е1Лп или 8П2ЕедЛп и 9П1Лп едС, что на травянистом составе никак не отражается. Сомкнутость

крон 60–70 %. Моховой покров почти не развит. ОПП трав приближается к 100 %. В подлеске жимолость лесная, липа, черемуха, ель, бересклет, малина, рябина, бузина сибирская, редко – вяз гладкий. В крупном травостое широко встречаются крапива двудомная, цицербита уральская, дудник лесной, лабазник, или таволга вязолистная, борец высокий, или северный, поросль малины обыкновенной, медуница темная, сныть, хвощ лесной, звездчатка жестколистная, незабудка лесная. Не так редко воронец колосистый, чистец лесной, звездчатка дубравная, чина весенняя, бор развесистый, лютик кашубский, подмаренник душистый, значительно реже – щитовники мужской и захватывающий, или распростертый, кочедыжник женский, недоселка копьевидная, овсяница гигантская, цинна широколистная, фиалка удивительная. Самый нижний ярус в травостое активно использует копытень, изредка уступая место в похожих ценозах кислице, линнее северной, майнику двулистному и голокучнику Линнея. За пределами описанного сообщества произрастают и такие редкие виды, как герань Роберта, чемерица Лобеля, колокольчик широколистный. Описание показывает, что видовое разнообразие подобных неморальных фитоценозов довольно велико: на 1 кв.м приходится до 18 видов растений, минимальное – 12 видов. Появление в небольших количествах чистотела указывает на факт, хотя и слабого, антропогенного воздействия. Такие экосистемы оцениваются в лучшем случае как удовлетворительные. При воздействии на эти ценозы рубками, образованием троп, пихтово-еловые леса трансформируются в рудерально-травяные, формируемые аналогично описанному выше ельнику. Экологическое состояние их в таком случае оценивается ниже удовлетворительного.

На территории исследования, как было сказано выше, довольно широко представлены *ельники неморально-травяные*, где в первом ярусе сообщества кроме ели вспомогательную эдификаторную роль выполняют пихта, мелколиственные породы – осина, береза бородавчатая, широколиственные – липа, единично вяз шершавый. Формула древостоя в том или ином сочетании следующая: 8Е2Ос едБ(б)Лп, 8Е2Ос2Лп едБ(б), 6Е2Ос1П1Б(б)едЛп, 6Е2Б(б)1Лп едВ(ш), что в целом мало отражается на травянистом составе, ибо эти ассоциации замещают одна другую. Сомкнутость крон от 70 % до 90 %. При такой высокой сомкнутости подлесок из хвойных почти не выражен, лишь встречаются липа, клен платановидный, изредка вяз шершавый, осина, жимолость, рябина, бересклет, черемуха. ОПП травянистого покрова составляет 60–70 %, где наряду с кислицей, принимают большое участие виды широколиственных ценозов, являющиеся спутниками неморальных реликтовых комплексов: копытень, медуница темная, сныть, чина весенняя, осока пальчатая, щитовники мужской и шартрский, подмаренник душистый, хвощ лесной, воронцы колосистый и красноплодный, живучка ползучая, вороний глаз четырехлиственный, цицербита уральская, звездчатка жестколистная, волчегонник обыкновенный (кстати, очень редко), бор развесистый, чистец лесной, яснотка крапчатая и др. Всем прочим видам отводится несущественная роль. Однако могут быть интересны фиалка Селькирка, звездчатка Бунге, диплазиум сибирский, горошек лесной. Видовое разнообразие на 1 кв.м – 12 видов. На более увлажненных почвах, ближе к ручьям, появляются крапива двудомная, бодяк овощной, страусник, недотрога обыкновенная, хвощ луговой, гравилат речной, чемерица Лобеля.

Нередко в этих широколиственных стациях ель сменяется липой, где травянистые ценозы, сохраняя прежнее «лицо», формируются и подчиняются эдификаторной роли широколиственных пород, образуя неморальные сообщества, переходными вариантами между которыми являются хвойно-широколиственнолесные ценозы. Их травянистый покров сохраняет идентичность с таковыми широколиственнолесных, приуроченных к более богатым серым лесным, средне- и слабоподзоленным почвам с включениями карбонатов. К тому же хвойно-широколиственные леса хранят в себе древние элементы третичных фитоценозов. Развиваясь в условиях зональности, несли, так или иначе, «черты региональной дифференциации» [4], в нашем случае это наличие неморальных и отчасти бореальных флоро-ценотических комплексов. Поэтому наибольший интерес с позиции восстановления рисунка сукцессионной динамики в ландшафте имеют широколиственные формации лесов.

Широколиственные леса. Экологическая приуроченность широколиственных лесов на территории обследования практически не отличается от хвойно-широколиственных, имеющих неморальный оттенок. Располагаются на возвышенных платообразных пространствах, встречаются в депрессиях – оврагах, западинах, сформированных деятельностью ручейков, ручьев и рек, берущих начало от возвышенностей. Микроклимат такого рельефа мягкий, лучше дренаж почвы и их состава, наблюдается большая устойчивость к эрозии и поэтому леса, разрастаясь в таких благоприятных условиях, препятствуют поверхностному стоку и смыву почвы. Этому способствует опад и подстилка широколиственных лесов – они сохраняют почвенное плодородие, сокращают расход влаги на испарение, способствуют переводу поверхностного стока вод во внутрипочвенный, являются местообитанием почвенной микрофлоры, микрофауны и мезофауны, предохраняют верхние горизонты почвы от уплотнения и препятствуют появлению несвойственных широколиственным лесам растений. В этом, пожалуй, их основная эдификаторная роль. Поэтому в однородном плакорном типе местности состав неморальных сообществ, особенно травяной, практически не меняется. Эти леса отличаются тем, что подлесок в них всегда хорошо представлен и играет важную фитоценотическую роль, а состав и численность его во многом определяются сомкнутостью древесного яруса.

На исследуемой территории широколиственные леса представлены главным образом липняками. К сожалению, от климаксовых липовых автохтонных сообществ мало что осталось. О них нам напоминают лишь отдельно растущие, довольно крупные (35–40 м высоты), деревья в южной и западной топической средах. Основная часть имеющихся липняков находится в стадии демутации, на месте некогда сплошных рубок хвойно-широколиственных лесов с широколиственным подлеском и широколиственными ценозами. Возраст их примерно 40–60 лет. Часто в примеси, нередко и в первом ярусе, встречаются клен платановидный и вяз шершавый, довольно редко – вяз гладкий и даже обнаружены одиночные дубы в гослесфонде западной топической среды, приуроченные к плавным понижениям рельефа. Очевидно, в далеком прошлом дубы принимали заметное участие в сложении не только подлеска данных фитоценозов, но и хвойно-широколиственные леса с участием липы некогда включали в себя, а южные включают и в настоящее время ареал дуба [17]. Северная граница дуба

отмечается П. В. Сюзевым (1912) посередине между Воткинском и Дебесами, ближе к Воткинску, и в этих же местах «между реками Итой и Воткой в конце XVIII в. дуб отмечался в числе главных пород строевого леса» [3. С. 823; и др.], что явилось причиной сокращения его площадей на территории Удмуртии. В то же время «дуб, по-видимому, вытесняет сосну» – писал С. И. Коржинский (1891). Л. А. Мустафин (1938) показал, что ильм, клен, дуб представлены больше в средней и южной частях Удмуртии.

В урочище «Шашур» (южный ландшафтный комплекс [см.: 18]) обнаружено произрастание отдельных кустарников орешника, или лещины обыкновенной, представителя неморальных сообществ. Поскольку урочище когда-то было обжитым, то трудно говорить о ее естественном проникновении, так как в окрестных лесах этот вид нами на данное время не обнаружен. Тем не менее, Д. С. Аверкиев (1936) указывает в окрестностях Старого Сентега, недалеко от нашего района исследования, что «в подлеске редко встречается *Corylus avellana*» (лещина). Еще ранее П. В. Сюзев (1910) говорил о северной границе орешника южнее Воткинска (Забегалово), бересклета – под Дебесами, клена – 58°. В. А. Поварницын и А. Д. Фокин показали границу дуба «севернее линии Московско-Казанской железной дороги» [14; 15] и «по пойме р. Ува, Вала у с. Вавож» [9], а орешника «близ устья р. Ува» [9; 16].

Активное участие в липняках, как следствие рубок, принимает ель, поэтому на территории исследования распространены главным образом *липняки еловые неморально-травяные* с небольшой долей участия клена платановидного, вяза шершавого и примесью березы бородавчатой. В овражных нишах пологого рельефа гослесфонда и крутых склонах антропогенного ландшафта довольно редки микросообщества этого типа – *липняки вязово-кленовые* с единичным произрастанием ели и пихты. Это своего рода инсуляты в окружении несвойственного типа леса, где встречается ряд редких и представляющих интерес не только для данной местности, но и Удмуртии, видов растений: диплазиум сибирский, подмаренник душистый, недоселка копьевидная, резуха шершавая, или стреловидная, колокольчики широколистный и крапиволистный, воронцы красноплодный и колосистый, володушка длиннолистная, герань уральская, зверобой волосистый, вейник тростниковый, купена душистая, или лекарственная и др., формирующие и составляющие основной облик реликтовых неморальных комплексов. Эти же виды, в разной степени встречаемости, характерны для вышеуказанных липняков. Формула древостоя, в зависимости от сопутствующей породы, существенно не меняется и имеет следующие варианты: 7Лп3Е, 6Лп2Е2Кл+В(ш), 6Лп3Е1В(ш), 6Лп2Е2Б(б), 6Лп2Е1Б(б)1Кл+В(г), 6Лп2Е2Б(б)+Ос едВ(ш)Кл. Второй ярус, как правило, выражен плохо и состоит из липы, клена, рябины, редко вяза и ели. Сомкнутость крон в пределах 70–80 %. Подлесок от редкого до хорошо представленного и состоит из липы, клена, вяза шершавого, рябины, жимолости, черемухи, крушины, бересклета, березы. Травостой обильный (ОПП 80 %); преобладают виды широколиственных ценозов, среди которых особенно обильна сныть обыкновенная, далее – подмаренник душистый, папоротники щитовник мужской и шартрский. То есть, по сути, это *липняк еловый снытьевый* из группы неморально-травяных сообществ. Из других видов выделяются цицербита

уральская, осока корневищная, копытень, яснотка крапчатая, живучка ползучая, звездчатка жестколистная, медуница темная; изредка – овсяница гигантская, недоселка, адокса мускусная, земляника лесная, колокольчик персиколистный, чистец лесной, незабудка лесная, мятлик дубравный; редки – герань Роберта, горошек лесной, диплазиум сибирский. Многие из них, несомненно, представляют интерес для генезиса фитоценоза и формации неморально-травяной. На склонах близ ручьев их субассоциации более молодые (40–45 лет), а большая влажность и более пониженный температурный режим, в отличие от возвышений, привносит в широкотравный состав участие влаголюбивых и бетулярных видов: голокучник Линнея, фегоптерис связывающий, грушанка малая, фиалка собачья, селезеночник очереднолистный, костяника, горошек заборный, герань лесная, борщевик сибирский, линнея северная, золотарник золотая розга и др. Ближе к речкам, в липняках произрастают виды увлажненных мест: бодяк овощной, сердечник горький, мягковолосник водный, валериана лекарственная, двулепестник альпийский.

Несмотря на то, что липняки еловые (неморально-травяные) на данной территории являются средневозрастными – от 40 до 80 лет [7], но по средообразующей роли, по хорошо развитому травянистому покрову, по наличию отдельных лип крупных размеров их экологическое состояние довольно благополучно, ближе к хорошему. Смешиваясь с хвойными породами, они становятся неотъемлемыми спутниками смешанных лесов на большом протяжении территории Удмуртии, формируя особую устойчивую подзонально-полосную природную среду. Такие леса предпочтительнее, так как поверхностный сток в них не велик, зеркало грунтовых вод держится на высоком уровне и формируется микроклимат повышенной влажности. Таким образом, этот тип леса оказывает существенное влияние на климат, поскольку из-за повышенной влажности в них больше выпадает осадков в отличие от хвойного леса или открытого пространства, например агроценоза. Растительный покров их плотнее и разнообразнее в видовом отношении и способен больше накапливать влаги в почве, даже при сравнительно высоком испарении, что важно для поддержания природного ландшафта и его формирования.

По сырым берегам рек и их пойм встречаются заросли ольхи серой. Большее распространение сероольшатники получили в пойме реки Люк. Их выделяют часто как особый тип пойменных мелколиственных лесов, но по сравнению с последними более термофильны и поэтому отражают черты, свойственные больше лесным сообществам неморальной зоны, в сложении которой участвуют широколиственные леса. В этой же зоне встречаются черная, или клейкая ольха и осокорь, или черный тополь [2].

Сероольшатники образуют заросли на переувлажненных почвах, где иные виды (осина, береза бородавчатая и пушистая, изредка ель) страдают от недостаточной аэрации почвы или смыва аллювия. Основу древостоя составляет ольха серая (формула 10Ол(с)), сомкнутость 60–70 %. Средний диаметр стволов около 15 см. Поскольку в нижних ярусах тоже развивается ольха, то подлесок выделить довольно проблематично, где к зарослям кустарниковой ольхи примешиваются жимолость лесная, смородина черная, калина обыкновенная, ивы пятитычинковая, мирзинолистная, пепельная, козья, местами плотно переплетенные хмелем обыкновенным. Приуроченность фактически к заболоченным участкам невыра-

женной притеррасной поймы создает повышенную мозаичность микросинузий и микросообществ с возвышенными гривками, кочками, водно-болотными пространствами, заметно разнообразя растительный покров. Поэтому неудивительно, что на возвышенном нано-микрорельефе встречаются представители зонального, свойственного для данной территории, широколиственного – копытень, сныть, яснотка крапчатая, живучка ползучая, вороний глаз, звездчатка жестколистная, очень редко володушка длиннолистная (у поселения Верхний Люк), калина и тут же, на заболоченных пространствах – сабельник болотный, калла, или белокрыльник болотный, осоки ложносытевая, вздутая, островатая и двутычинковая с пятнами тростника обыкновенного, рогоза широколистного. Местами это крупнотравье приближается к 100 % ОПП. Наиболее многочисленные виды травостоя это камыш лесной, лабазник обнаженный, крапива двудомная, подмаренник приручейный, пятнами встречаются паслен сладкогорький. Немалую роль в сложении выполняют гравилат речной, дудник лесной, калужница болотная, двукисточник обыкновенный, или тростниковый, бодяк овощной, щавель водный, уступающие позиции гигрофитам – ряске малой, болотнику весеннему и др. На 1 кв.м приходится более 15 видов. Для флоро- и фитоценогенеза интересны и такие, встречающиеся нечасто здесь, виды: вероника щитковая, вербейник монетчатый, гирча тмиолистная, василистник простой, борщевик сибирский, овсяница гигантская, вейник пурпуровый, вех ядовитый и даже «краснокнижные» претенденты – орхидеи пальчатокоренник мясо-красный и кровавый [6]. Тем не менее, и здесь проявляются следы антропогенного давления в появлении видов-синантропов, которые способны адаптироваться за короткий срок к нарушенным средам, – это чистотел, лопух паутинистый, полынь обыкновенная, бодяк щетинистый, нивяник обыкновенный, бородавник обыкновенный и т.п. Воздействие, очевидно, служит причиной тому, что местами в древостое ольшатников начинает преобладать либо осина, либо береза, что в принципе не меняет характерного состава, но, создавая более мезофильные условия с сильно разреженными пространствами, последние могут простимулировать «захламление» другими видами. В результате встречаются участки, где нередко черемуха обыкновенная, крушина ломкая, купырь лесной, лапчатка гусиная, лютик едкий, а наплыв злаков, особенно ежи сборной, тимopheевки луговой и щучки дернистой, может привести к олуговению сообщества. Тем не менее, начальное их появление приводит к резкому всплеску разнообразия таких ольшатников, где на 1 кв.м уже насчитывается 23 вида (!).

Хвойно-мелколиственные леса являются вторичными и появляются после вырубки предшествующих коренных лесов. В процессе демутации, если явного эндогенного вмешательства не было, а оно, как правило, выражается в подсеве хвойных пород для хозяйственных нужд, сохраняется травостой прежнего сообщества. При этом древесный ярус слагается из вторичных пород: березы бородавчатой и осины с естественным возобновлением под их пологом ели. Количественное соотношение древесных пород в различных ассоциациях леса меняется в зависимости от их естественной сукцессионной стадии. Наиболее продвинутыми из них являются сообщества, максимально приближенные к автохтонным. В ходе сохранения и развития природных сукцессий процессы декумбации и инкумбации не отражаются, в зонально-климатическом отношении, так резко

на составе самого нижнего яруса – травянистого, благодаря чему автохтонность не нарушается. Другое дело антропогенные сукцессии, где намеренно изменяется породный состав. Это часто приводит к появлению несвойственных для зональной местности ксерических серий. В таком случае зональные черты растительного покрова нивелируются, а биоразнообразие существенно снижается.

На территории природно-хозяйственной системы с. Люк хвойно-мелколиственные леса образовались на основе подзонально-подтаежных хвойно-широколиственных, на стыке взаимопроникновения полосы с преимущественным участием широколиственных пород, а именно липы. Поэтому здесь наблюдается равное участие липняков еловых (см. выше) и сложных ельников липовых неморально-травяных [10]. Следовательно, в хвойно-мелколиственных лесах сохраняется в той или степени прежний травяной покров – широколистный, сходный с вышеприведенными типами лесов. Более развитые леса характеризуются участием в древостое липы и ели, иногда пихты, вяза, клена. Широколистная среда сохраняется еще и потому, что ее средообразователи, в нашем случае липа, вяз, иногда клен, не уничтожаются или не выпадают полностью и продолжают поддерживать ценозы, близкие к климаксовым. Вследствие этого такие участки, своего рода инсуллы, безболезненно переживают стадии демуляции, в сообществе которых более благоприятны условия для возобновления зонально обусловленных коренных пород деревьев, что особенно касается ели, поскольку на открытых пространствах страдает от поздних весенних заморозков и физиологической сухости почвы. Не случайно экологическое состояние этих экосистем, в случае преобладания березы, весьма благополучное, то есть более чем хорошее. Хуже в этом отношении состояние ценозов с участием осины – оно оценивается как удовлетворительное.

Больше представлены сообщества, где в древостое доминирует или уравнивает хвойную породу осина, в примеси с пихтой, березой бородавчатой, рябиной, ивой козьей, ольхой серой. Отсюда, формула древостоя, в разной этиологии, следующая: 7Ос3Е+Р едЛпЧИ(к), 4Е4Ос1Ол(с)1И(к)+Лп едР, 4Ос2Е2Лп1П1Б(б) едВ(г)Ч, 5Ос2Е2Б(б)1Р едВ(ш). Из формулы видно, что все сообщества в себе сохраняют кроме мелколиственных и широколиственные породы – липу, вяз гладкий и шершавый, являющиеся активными строителями среды, особенно эдафотоп. Они создают условия, благоприятные для развития травянистого покрова широколистного характера, что и наблюдается в нашем случае.

По этой причине осинники составляют единый тип формации *осинники еловые неморально-травяные*. Сомкнутость крон 60–70 %, средний диаметр стволов 25 см. Подрост обилен липой, рябиной, жимолостью; подлесок составляют кустарниковая липа, клен, береза бородавчатая, ива козья, изредка вяз, что не оставляет возможности для развития мохового покрова – он практически отсутствует. Травяной покров зачастую широколистный, но примешиваются представители таежных и даже рудеральных (мусорных) сообществ (ОПП 70–80 %). На 1 кв.м приходится 10 видов. Среди травостоя иногда встречаются молодые древесно-кустарниковые породы: черемуха, рябина, осина, ель, береза пушистая, малина, клен платановидный, вяз шершавый. Из трав преобладают сныть, крапива двудомная, борец северный, медуница темная, хвощ лесной, копытень, звездчатка жестколистная, бор

развесистый, яснотка крапчатая. Примешиваются гравилат городской, щитовник мужской, чина весенняя, подмаренник душистый, земляника лесная, лабазник, валериана аптечная, или возвышенная, вороний глаз, горошек заборный, майник, живучка ползучая, кислица, иногда цицербита уральская и др. Эти формации представлены во всех природных средах и почти не обнаружены в север-северо-восточной, где больше сохранены пихтово-еловые леса. Приурочены как к возвышенным, так и к пониженным (отрицательным) формам рельефа.

Местами к осине примешивается береза бородавчатая, и тогда осиново-еловые леса трансформируются в березово-еловые, встречающиеся на территории исследования в меньшей степени. Однако в примеси с мелколиственными по-прежнему сохраняются широколиственные породы – липа, клен платановидный, единично вяз шершавый. Травостой идентичен таковому осинников еловых, то есть и эта формация лесов несет оттенок широколиственного и относится к типу *березняк еловый неморально-травяной*. Возраст около 40 лет, сомкнутость крон 60–70 %. Хорошо просматривается ярусность, где во 2 и 3 ярусах кроме ели принимают участие клен, липа, рябина, изредка пихта (формула $8Б(б)2Е+КлЛпРП$, $9Б(б)1Е+В(ш)КлР$ едП). Подлесок и подрост хорошо развит, составлен из аналогичных видов пород, участвующих в верхних ярусах. Подстилка не нарушена, серая лесная почва заметно увлажнена, отчего пятнами встречается моховой покров из зеленых мхов (не более 30 %). В результате травянистый покров развивается в тех местах, где нет мхов, но ОПП по-прежнему достаточно высокое и достигает порядка 50–60 %, а число видов на 1 кв.м достигает 10–11. Из широколиственных ценозов часто встречаются чина весенняя, звездчатка жестколистная, щитовник мужской, копытень, живучка. Из других видов, представляющих интерес для развития сукцессионной стадии, заметны кислица, грушанка малая, линнея северная, фиалка собачья, осока бледноватая, звездчатка Бунге, костяника, то есть виды бореальных, а именно таежных ценозов. Антропогенное воздействие (в данном случае бывшие сплошные рубки) и здесь внесло свои коррективы в появлении таких синантропов, как лопух малый, синяк обыкновенный, конопля посевная, козлятник восточный, или галега, проникающих из антропогенного ландшафта, в частности, широко представленных там залежей.

На более пологих выровненных увлажненных местах с серыми лесными почвами, ель обгоняет в развитии березу и осину, с их широколиственным, как было уже отмечено, и формируется *ельник-березняк осиновый неморально-травяной* или взаимозамещающий его *ельник осиновый неморально-травяной*, что в прочем, не меняет общего характера травяного покрова. Ярусность не всегда выражена: первый ярус образует ель, береза, осина в примеси с ивой козьею, липой, кленом, рябиной (формула древостоя $3ЕЗБ(б)30с1И(к)$, $6Е30с1Б(б)+Лп$ едКлР). Сомкнутость крон 60–70 %, средний диаметр стволов 40 см. Подлесок активно образуют липа, ива козья, береза бородавчатая, единично клен, рябина, черемуха, крушина, бересклет, смородина черная. Существующий подрост состоит из клена, липы. Из-за увлажнения на почве выражен пятнами моховой покров (до 40–50 %) из зеленых мхов. Мхи, как мощные эдификаторы, тихонечко отвоевывают место на жительство у травянистых лесных сообществ, лишая их влаги и ухудшая аэрацию почвы. Отсюда, насыщенность на 1 кв.м достигает едва 6–8

видов. Поэтому условия, диктуемые мхами, выдерживают растения кустарникового типа: бересклет, поросль клена, липы, черемухи, крушины и ивы козьей. В результате травянистому покрову, хотя он и хорошо развит, отводится лишь половина площади, где существенные позиции занимают крупные травы: цицербита уральская, щитовник мужской, сныть, чина весенняя; ниже ярусом – костяника, хвощ луговой, осока корневищная; еще ниже пятнами покрывает почву копытень, изредка уступая кислице. Тем более последняя за пределами площадки, на возвышенных местах, меняет соотношения в ассоциации в сторону кислотно-неморального комплекса, где в равной степени образуют сообщества кислица и сныть, при участии медуницы темной, фиалки удивительной, цицербиты и др. Здесь же, в окрестном микрорельефе произрастают звездчатка жестколистная, живучка, зверобой пятнистый, бор развесистый, валериана аптечная, борщевик сибирский, гравилат речной, лабазник вязолистный и «краснокнижный» претендент – орхидея пальчатокоренник Фукса [6].

Таким образом, и эта ассоциация сохраняет все элементы широкоотравья. По пологим берегам маленьких речек в данное сообщество, а именно в ельник осиновый неморально-травяной, активно включается ольха серая, и при сильно разреженном пространстве (сомкнутость крон около 10 %), с максимальным участием лабазника, развивается ельник ольхово-лабазниковый, описанный выше.

В антропогенном ландшафте близ поселения Верхний Люка, среди агроландшафта на склоне южной, юго-западной и западной экспозиции встречаются небольшие лесные колки, приуроченные к увлажненным глубоким оврагам. По характеру развития они тоже относятся к типу хвойно-мелколиственных, с участием широколиственных пород – липы, вяза гладкого с преобладанием осины. Иными словами, это *осинник елово-липовый снытьево-рудерально-травяной*. По сути, представляет сильно деградированный тип неморально-травяных сообществ. Формула древостоя 40с2Е2Лп1П1Б(б) едВ(г)Ч показывает довольно сложный состав этого ценоза. Антропогенное вмешательство (в настоящее время подвергается рубке) стимулирует инвазийные процессы со стороны агроландшафта и изрядно захламляет колос, как безобразным ведением хозяйства или уходом за лесом, так и притоком синантропов-рудералов. В этой связи, благодаря мощному широкоотравному эдификатору – сныти обыкновенной, удерживающей свои позиции и таким образом, сохраняющей целостность травянистого состава, и наплыву синантропов, происходит увеличение разнообразия. Не зря на 1 кв.м приходится 20 видов (!). Наряду с широкоотравными и другими видами – сныть, хвощ лесной, копытень европейский, фиалка удивительная, земляника лесная, купырь лесной, горошек заборный, хвощ луговой, крапива двудомная и т.д. – активное участие принимают синантропы: клевер луговой, ежа сборная, костер, или кострец безостый, овсяница луговая, гравилат городской, василек шероховатый, лопух паутинистый, клевер ползучий. Недалеко, за пределами площади описания, отмечены: борщевик Сосновского, лапчатка гусиная, люцерна посевная, пастернак лесной и др. Из-за повышенной влажности овражного колка на почве частично сохраняется моховой покров из зеленых мхов. Подрост составляют вяз гладкий, черемуха, ель, пихта, береза, осина; в подлеске – к названным видам пород присоединяется бересклет, рябина; второй ярус образуют черемуха, осина, вяз

гладкий, и, наконец, в первом ярусе – ель сибирская, осина, липа сердцевидная, или мелколистная, пихта, береза бородавчатая, единично вяз гладкий и черемуха. Сомкнутость крон до 30 %, средний диаметр стволов ели – 40 см, осины – 30 см, пихты – 40 см, березы – 50 см, липы – 30 см, вяза гладкого – 30 см, черемухи – 15 см. Довольно сложно структурированная экосистема лесного колка и позволяет ему выполнять мощную эдификаторную и сохранительную функции, но до тех пор, пока антропо-динамическая составляющая не превалирует над природной. Как знать, возможно, человек и уничтожит их, санитаров антропогенной среды. Кстати, состояние, жизненность многих лесных трав здесь уже на грани между средним (удовлетворительным) и плохим, а рудералов, наоборот, – от среднего до хорошего.

Мелколиственные леса. В более молодых хвойно-мелколиственных лесах, ель, как основной эдификатор, еще не получила должного развития, поэтому ее роль выполняют мелколиственные леса, но в подлеске она все же отвоевала право на жизнь. Итак, мелколиственные леса, как и хвойно-мелколиственные, являются вторичными по происхождению, унаследовав характерные черты их травянистого состава, а именно в данном случае – неморальные черты. На территории исследования, куда входит природно-хозяйственная система с. Люк, леса данной этиологии не имеют широкого распространения и представлены в большинстве березняками, под пологом которых сохранилось в той или иной степени широколиственное травяное.

Березняк липовый неморально-травяной располагается в южной топической среде и подчинен средоформирующей деятельности положительных форм плакорного мезорельефа с уклоном 20–30° северо-восточной экспозиции, где в отрицательных формах микрорельефа переходит в хвойно-широколиственные и хвойно-мелколиственные сообщества – ельник липовый неморально-травяной и березняк еловый неморально-травяной (см. выше). То есть является отражением варианта перехода сукцессионных стадий от широколиственных к хвойно-мелколиственно-широколиственным и хвойно-широколиственным и, или, наоборот, в зависимости от того, какие синузии были сохранены или сохранились первоначально в сообществах. Впрочем, здесь находят продолжение процессы перехода этих сукцессий одна в другую. В первом ярусе участвуют береза бородавчатая, липа, вяз шершавый, местами присоединяются ель, пихта, сосна, осина (формула древостоя 5Б(б)4Лп1В(ш)+ЕСПОс). Сомкнутость крон 70 %. Средний диаметр стволов 15–20 см. Второй ярус формируют осина, ель, вяз, липа. Подлесок образуют липа, рябина, бересклет, малина с некоторым участием черемухи, жимолости, пихты, сосны, шиповника коричневого, или майского. Встречается одиночная поросль березы бородавчатой и ивы козьей. Травяной покров умеренный (ОПП 50 %). Его состав, кроме доминирующей сныти, равномерно слагает разнотравье: крапива двудомная, борец северный, кислица, медуница темная, копытень, звездчатка жестколистная, подмаренник душистый, хвощ лесной, щитовник шартрский, бор развесистый, вейник тростниковый, лютики кашубский и крупноплодный, чина весенняя и др. Как видно, здесь также велико участие неморальных видов, а экологическое состояние системы довольно хорошее.

Ближе к оврагам и на их склонах липа в подобных ассоциациях уступает место осине, участвуя лишь как примесь с елью, но широколиственное травяное по-прежнему сохраняется.

Березняк осиновый неморально-травяной развивается на склоне оврага с уклоном 25°, подчиненного средоформирующей и рельефообразующей деятельности р. Шурвайка (на север от с. Люк) – притока реки Люк. Древостой в равной степени слагают береза бородавчатая и осина, к ним примешиваются липа, клен платановидный, ель, пихта. Формула древостоя 5Б(б)5Ос+ПЕЛпКл. Сомкнутость крон 60 %. Ярусность выражена плохо, в подлеске присутствуют клен платановидный, липа, изредка крушина, жимолость, пихта. Площадь, покрываемая травами, составляет 70–80 %, где исключительное господство принадлежит представителям неморальных ценозов. Среди них доминирует сныть, за ней преуспевают копытень, фиалка удивительная, чуть слабее позиции бора развесистого, герани Роберта; редко встречаются вороний глаз, звездчатка жестколистная, чина весенняя, медуница темная, подмаренник душистый. Из прочих трав представляют интерес для генезиса сообщества орляк обыкновенный, подмаренник северный, сердечник горький. Как видно смена широколиственных пород-эдикаторов на мелколиственные никак не отразилась на составе широкотравья. Напротив, к ним попал орляк, создающий довольно оригинальный синтаксон, свойственный лесам нижних (южных) широт, на стыке их взаимодействия со степью. Общее экологическое состояние их между хорошим и удовлетворительным.

По поймам рек не так часто, как вариант продолжения развития ольшатников (см. выше), встречаются заросли ивняков, где при избыточном увлажнении пойменного режима реки Люк в небольших западинах нанорельефа и микрорельефа формируются небольшие низинные и низинно-переходные кочкарные болота.

Для пойменной растительности присущи серийные автохтонные экологодинамические ряды [10], направленные от приусловой, более возвышенной, части поймы, где местообитания неустойчивы из-за частых размывов и накопления аллювия, и от притеррасной, наиболее пониженной, поймы, где местообитания более устойчивы, но обогащаются элементами питания привносимого делювия, – к центральной пойме, где условия обитания более-менее усредненные. В нашем случае возникает ряд: ивняки → смешанные хвойно-мелколиственные и широколиственные леса ← заболоченные сероольховые леса, развивающиеся соответственно в приусловой, центральной и притеррасной пойме. Однако узость поймы р. Люк и ее притоков (очевидно из-за особенностей чашеобразной долины с крутыми берегами) приводит к сближению ее маргинальных экотопических сред, вследствие чего формируется смешанный сокращенный ряд – ивняково-сероольшатниковый заболоченный тип растительности, который, в зависимости от постоянно меняющегося рельефа поймы, может быть представлен и ивняками заболоченными, и ольшатниками. Но поскольку и те, и другие в данном случае занимают по сути одни и те же экотопы, то характер сложения нижних ярусов, особенно травянистый, практически одинаков. Поэтому имеющиеся *ивняки заболоченные* по типу сложения аналогичны сероольшатниковым, описание которых приведено выше. Однако травянистый состав их заметно беден – на 1 кв.м приходится не более 12 видов. Преобладает в основном крупные травы – лабазник обнаженный, камыш лесной, рогоз широколистный, осока пузырчатая, вздутая и островатая, мятлик обыкновенный, встречающиеся и в ольшатнике. Но здесь (в ивняке) наряду с указанными доминантами, довольно много мяты длинно-

листной, что несколько отличает от последнего. Древесный ярус представлен комплексом ив, среди которых чаще встречаются ива козья, пепельная, реже – пятитычинковая, шерстистопобеговая и гибрид ивы козье с ивой мирзинолистной. Спорадично встречаются ольха серая и изредка осина (формула древостоя $9И(к)1Ол(с)+Ос$). Сомкнутость от 20 % до 30 %. Высокая продуктивность, но низкое разнообразие позволяют оценивать систему только в пределах удовлетворительного экологического состояния. Проложенные небольшие тропки создают возможность проникновения сорных видов-синантропов: латук татарский, незабудка редкоцветковая, лютик едкий, бодяк щетинистый, одуванчик. Так как они здесь нечасты, можно говорить, что инвазийные процессы этих агрессоров еще не получили своего продолжения на данное время в лесных пойменных сообществах. Интересно отметить, что в ботанико-географическом отношении в районе исследования, как и в смене подзональных поясов его возвышенного рельефа, наблюдается переход бореальных пойма в неморальные [10]. На севере своего ареала последние заходят в таежную область в полосу широколиственно-еловых лесов. Впрочем, известно, что северные элементы флоры и растительности по долинам рек могут продвигаться далеко на юг, а южные – на север [13; 2; и др.].

Закключение. Обследование растительности ландшафтных составляющих природно-хозяйственной системы с. Люк позволяет говорить о сохранении ею естественных зональных черт, имеющих в генезисе ярко выраженный широко-травный или неморальный характер. Сохранившееся широко-травное «лицо» в виде хорошо представленных липово-еловых и елово-липовых ценозов, отражающих зональную структуру смешанных хвойно-широколиственных неморально-травяных типов лесов, дает возможность проследить цепь взаимопревращений сукцессионных стадий развития лесов исследуемой территории. Основные стадии, с сохранением зональных черт развития, закономерно проявляются на плакорных образованиях, и в какой-то мере сохраняются на их склонах. Цепь превращений или автохтонный серийный ряд, в зависимости от преобладания и состояния того или иного типа, выглядит следующим образом: *Липняк еловый неморально-травяной* (или елово-кленовый, елово-вязовый) ↔ *Липняк березово-еловый неморально-травяной* (или березовый) ↔ *Березняк еловый неморально-травяной* ↔ *Березняк липовый неморально-травяной* (или осиновый) ↔ *Осинник елово-липовый неморально-травяной* (или еловый) ↔ *Ельник осиновый неморально-травяной* (или березово-осиновый) ↔ *Ельник неморально-травяной* (или липовый). В понижениях и оврагах серийный ряд дополняется пихтовыми неморально-травяными и вязово-кленово-липово-еловыми неморально-травяными микроценозами, что усиливает лишний раз неморальную автохтонность растительного покрова.

Подзонально-полосный рубеж смешанных хвойно-широколиственных и широколиственно-хвойных лесов не только проявляет, но и усиливает особенности такого развития. Наличие и некоторая сохранность природно-ландшафтных сред увеличивают мозаичность экотопов, чем создаются условия поддержания и возможность автохтонного генезиса соответствующей зональной растительности. Взаимопроникновение зонально-полосных образований приводит к экотонному эффекту, вследствие чего биоразнообразие экосистем возрастает, повышается резистентность к действующему фону антропогенных нагрузок. В этой связи на территории исследова-

ния сохранились и/или развиваются природные объекты (даже среди антропогенного ландшафта), которые заслуживают внимания в качестве не только охраняемых, но и средоподдерживающих и средоформирующих. Их значимость особенно возрастает в антропогенном ландшафте, поскольку они выполняют кроме этого еще и эстетическую, и рекреационную функции. Это – массив соснового леса на коренном левом берегу р. Люк, близ поселения Верхний Люк, с инсулятами в ложбинах, оврагах и других отрицательных формах рельефа хвойно-широколиственнолесных, широколиственно-хвойнолесных и широколиственнолесных микроценозов с реликтовыми видами растений, с вкраплениями или произрастающими на открытых ксеротермных склонах остепненными сообществами. Тянется массив лентой на протяжении 1,5 км в сторону с. Люк. Тут же, в притеррасной пойме, сохранилось низинно-переходное болотце с «краснокнижными» претендентами – орхидеи пальчатокоренник мясокрасный, кровавый, Фукса и другие сопутствующие виды. Достоин внимания небольшой участок хвойно-широколиственного леса, как средоформирующий, вдоль безымянного ручья на юго-востоке от с. Люк, недалеко от новостроек (см. характеристику ельника-приручьевого). И вообще, следует обратить внимание на сохранение остатков лесных сообществ, в том числе и колков (инсулятов), в антропогенном ландшафте – своего рода санитаров антропогенной среды.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аверкиев Д. С. Заметки по флоре и растительности Кировского и Горьковского краев // Записки Горьковского отделения МОИП при Горьк. гос. ун-те. Горьк. краевое изд-во, 1936. Вып. 1. С. 13–18.
2. Вальтер Г. Растительность земного шара. М.: Прогресс, 1974. Т. 2. 423 с.
3. Денисов А. К. Северная граница ареала *Quercus pedunculata* Ehrh. в СССР и ее динамика за агрикультурное время // Ботанический журнал. 1970. Т. 55. № 6. С. 815–827.
4. Карпианова Р. А. Травянистые растения широколиственных лесов СССР: Эколого-флористическая и интродукционная характеристика. М.: Наука, 1985. 206 с.
5. Коржинский С. И. Северная граница черноземностепной области восточной полосы Европейской России в ботанико-географическом и почвенном отношении: Ч. 2. Фитотопогр. исслед. в губ. Симбир., Самар., Уфим., Перм. и отчасти Вятской / Труды Общества естествоиспытателей при Импер. Казан. ун-те. Казань: Тип. Импер. Ун-та, 1891. Т. 22. Вып. 6. 204 с.
6. Красная книга Удмуртской Республики: сосудистые растения, лишайники, грибы / Под ред. В. В. Туганаева. Ижевск: Издат. дом «Удмурт. ун-т», 2001. 290 с.
7. Лесная энциклопедия: в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1985. Т. 1. 563 с.; 1986. Т. 2. 631 с.
8. Муштафин Л. А. Типы леса и лесовозобновление в УАССР. Ижевск, 1938. 84 с.
9. Поварницын В. А. О северной границе дуба, орешника и клена в пределах Вятской губернии // Лесоведение и лесоводство. 1926. Вып. 1. С. 71–76.
10. Растительность европейской части СССР / Под ред. С. А. Грибовой, Т. И. Исаченко, Е. М. Лавренко. Л.: Наука, 1980. 429 с.
11. Сюзев П. В. Северная граница распространения дуба в Пермской губернии // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1910. Т. 30. С. 114–122.
12. Сюзев П. В. Конспект флоры Урала в пределах Пермской губернии. М., 1912. 206 с.

13. Туганаяев В. В. Сравнительная географическая характеристика флоры пойм больших и малых рек Удмуртии // Географический сборник; Казан. ун-т. 1967. Вып. 3. С. 77–82.
14. Фокин А. Д. Краткий очерк растительности Вятского края // Вятский край: В помощь учителю. Вятка, 1929. С. 86–105.
15. Фокин А. Д. Северная граница плакорного дуба и орешника в Вятской губернии // Бюл. Гос. почв. ин-та НК земледелия. 1930. № 2. С. 83–104.
16. Фокин А. Д. Три года работы геоботанического отряда Вятской почвенной экспедиции // Вятское хозяйство. 1930. № 2. С. 68–84; № 3. С. 89–102; Отд. оттиск из №№ 2–3. С. 1–32.
17. Шадрин В. А. Проявление зональности растительного покрова Удмуртской Республики через ее локальные флоры // Развитие сравнительной флористики в России: вклад школы А.И. Толмачева: Материалы VI рабоч. совещ. по сравнит. флористике. Сыктывкар, 2004. С. 69–77.
18. Шадрин В. А. Состояние и развитие лесов центральной части территории Удмуртии (на примере природно-хозяйственной системы села Люк Завьяловского района). Часть 1 Условия и особенности развития в ландшафте, методы исследований // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. № 4. С. 116–129.

Поступила в редакцию 17.03.2011

V. A. Shadrin

**Forests state and development of the Central part of Udmurtia territory
(in terms of natural and economic systems of Luk village in Zavialovski district)
Part 2. Description and ecological value of association**

The description of light coniferous, dark coniferous, broad-leaved, mixed coniferous-small-leaved, small-leaved forest communities and their main associations which are found in the region of research is given. Peculiarities of their development are registered in the natural and anthropogenic landscape and biodiversity. It is shown that vegetation keeps natural zonal features of pronounced nemorose nature as well presented lime-fir and fir-lime cenosis. It allowed to trace the series of interconversion of the main succession stages developmental of forests on the territory under consideration. State ecological condition of the environment the association on the whole, gives opportunity to determine their ecological value.

Keywords: anthropogenic landscape, cenosis, association, stand, grass cover, ecosystem, ecological condition.

Шадрин Василий Андреевич,

кандидат биологических наук, доцент,
ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»
г. Ижевск
E-mail: rvkir@mail.ru

Shadrin Vasili Andreevich,

Candidate of Science (Biology), associate professor,
Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: rvkir@mail.ru

ДИСКУССИИ

УДК 811.511.1

П. Вереш

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена вопросам плодотворности интердисциплинарного подхода для решения ряда актуальных проблем в современном финно-угроведении, в частности такой задачи, как хронология распада финно-угорской общности, а также конкретных задач этимологии этнонимов. Показана возможность привлечения к решению таких задач не только данных лингвистики, этнографии, археологии, но также исторической географии, палеоклиматологии и палинологии. По-новому ставятся и решаются некоторые вопросы этногенетики родственных по языку народов (венгров, ханты, манси и удмуртов).

Ключевые слова: финно-угорская лингвистическая общность, уральская прародина, рефугиум, отлагольное сущесствительное, брачный класс, фратрия, moiety, дихотомическая символическая классификация, ханты, манси, мадьяр, этнос, этноним, этимология, языковая интеграция, отлагольное сущесствительное, праугорская форма, заимствование, звукосочетание, симбиоз.

Введение

Традиционная культура обских угров и самодийских народов Сибири занимает ключевое место в финно-угристикe и служит надежной опорой для историко-этнографической реконструкции начального этапа этнической истории уральских народов. В некоторых случаях архаичные культурные реликты хантов и манси (по языку наиболее близких родственников венграм) могут отражать явления, возникшие в ходе этногенеза этих народов, даже и в такие отдаленные периоды, как эпохи формирования уральской или распада финно-угорской лингвистической общности.

К ним относятся не только те явления материальной культуры обских угров, которые приспособились к суровому климату Зауралья, но и орнаментальные комплексы, имеющие преемственность от неолита до бронзового века, как, например, так называемый андроновский геометрический мотив. К этому можно добавить некоторые другие важные культурные черты, а именно: дихотомическую

символическую классификацию, тесно связанную, по всей видимости, с весьма архаичной дуальной социальной организацией ханты и манси, представляющих собой фратрии *Пор* и *Мось*.

По всей вероятности, фратриальная система в далеком прошлом возникла на основе этнического смешения двух разных этносов – аборигенов и пришлых угров, когда в ходе постепенной языковой и этнической интеграции отдельные этносы стали играть друг для друга брачный класс (англ. *moiety*). Очень интересно, что у этих двух этносов обских угров экзогамный брачный класс (по В. Н. Чернецову, фратрия) по имени *мось* (восточных хантыйских диалектов *монтъ*) этимологически тесно связан с этнонимом *манси*, а также первой частью самоназвания венгров *magyar*. Реконструированной общей праформой этих этнонимов и фратрий, встречающейся у трех угорских народов, является **mańć3*. По нашему мнению, данная праугорская форма – отглагольное существительное, имеющее финно-угорский или уральский, даже ностратический, корень, семантически связана с этимомом 'сказать, говорить'. Древнеугорская праформа **mańć3* – это исходный корень этнонимов не только манси и венгров, но и фратриального названия хантов *мось* ~ *монтъ*. В отличие от венгерских финно-угроведов, мы считаем, что угорская праформа **mańć3* не может быть иранским заимствованием, а первоначально обозначала 'сказать, говорить', и одновременно – 'сказание, сказ, сказка, миф, легенда'. Древнеугорский или, может быть даже финно-угорский корень **mańć3* в современном хантыйском языке сохранился дуальным образом: с одной стороны, как фратриальное название, с другой – как слова 'рассказ, сказание' (*mańt* ~ *māńt*, ~ *māńse* ~ *mońt* ~ *moś*), которое у венгров является самоназванием, ср. также венг. *magyarán* 'прямо, откровенно', *magyaráz* 'объяснять, толковать' [Ср.: 5. С. 9–11; 32. С. 262; 35. С. 254; 46]*.

Таким образом, самоназвания мадьяр и манси, а также фратриальное название хантов *мось* ~ *монтъ* можно привести к общей основе **mańć3*, которая совпадает с древнеугорским отглагольным существительным уральского происхождения **mańć3* ~ **mać3* и обозначает 'сказать <говорить>; сказание, сказ, миф, легенда'. Вышеперечисленные названия угорских этнонимов и фратрий, по нашему мнению, этимологизируются как 'говорящий человек' [5. С. 8–12. Ср.: 22; 32. С. 75–98; 46. С. 37–53]. Тем более, что архаическая форма удмуртских слов 'сказка, миф' и 'сказку рассказать' (*mad* и *mad'ni*), по-видимому, тоже можно этимологически связать не только с венгерским этнонимом *magyar* (< **mańć3*), но и с древнеугорской, по мнению академика Я. Харматты, даже с финно-угорской праформой (Ср.: **mańć3*).

Во избежание недоразумения, необходимо подчеркнуть, что лингвисты фонетически правильно реконструировали общий корень угорских этнонимов **mańć3*, а также этимологию слов 'сказка сказать' < **mańć3* ~ **mać3*, но допустили ошибку в объяснении семантики самоназваний *māńśi* 'манси' < **mańć3* и *magyar* 'венгр' < **mańć3*. Можно предположить, что финно-угроведы, хотя заметили,

* Важно знать, что в реконструированной форме **mańć3*- древнеугорское звуко-сочетание **-ńć-* у манси фонетически закономерно перешло в *-ńś-* (*māńśi*), у венгров – в *d'* (ср. манс. *kxōńś* 'звезда' ~ венг. *húgy*), у восточных и также у южных хантов **-ńć-* перешло в *-ńt-*. Однако, у северных ханты *-ń-* со временем исчез.

что обе древнеугорские праформы совпадают, считали это случайным явлением, так как ошибочно исходили из того, что любой этноним всегда означает только 'человека'. Тем более, что уже с начала XX в. была известна гипотеза об иранском заимствовании, которую обосновал в свое время Б. Мункачи [35. С. 255]. Однако не было обращено внимания на то, что в этнонимах угорских народов данная форма является именем прилагательным, к которому во всех случаях обязательно добавляются еще слова 'человек' и 'мужчина' или 'женщина'. Во всяком случае, пока не найдено параллелей в этнографическом материале, где бы народ в самоназвании два раза подряд употреблял слово 'человек' [46. С. 93]. Появление сибиланта в этнониме манси фонетически невозможно объяснить заимствованием из санскрита, тем более из древнеиранского. Ведь в авестийском корне *tapi* или древнеиндийском *tapi-* 'человек' сибилант отсутствует, а в древнеиндийской мифологии предок людей *Manu* на санскрите означает 'человек' – а *tapi-ś*, *tapi-śya* буквально означает 'рожденный от мифического Ману', прародителя человечества. Однако финно-угорские языки Поволжья заимствовали из иранского языка слово 'человек' < 'смертный' в форме *marta-*, но этого нет в угорской группе. Следовательно, данное слово никак не могло стать этнонимом, хотя у манси есть похожее по звучанию слово, которое обозначает только направление одной из сторон света – 'юг' (*mortim mā*).

Мункачи и его последователей, наверно, вводил в заблуждение тот факт, что финно-угорские народы, живущие в основном в европейской зоне широколиственных лесов, действительно заимствовали свои этнонимы из древнеиранского языка: этнонимы мари, меря, мордвы, удмуртов заимствованы со значением 'смертный' > 'человек' (авест. *marəta-*). Однако эти самоназвания вряд ли можно сопоставить с авест. *Manu-š(...)* 'человек, мужчина', санскр. *Manu* ~ *manu* 'мудрый', 'человек', *manusya* 'человек, мужчина', как это обычно делал Мункачи [35. С. 254]. Б. Мункачи, а вслед за ним профессор Геттингенского университета Я. Гуя ошибочно ссылались на далекие санскритские параллели, так как этноним манси и слово *ману-с* формально слишком похожи друг на друга, а это само по себе вызывает подозрение [Ср.: 32. С. 92]. Янош Гуя, недавно [32. С. 98] отказавшийся от своей прежней концепции, опубликованной ранее в венгерских этимологических словарях, попытался теперь непосредственно связать венгерский этноним только с названием горной вершины в Персии *Манус* [35. С. 249. Ср.: 46. С. 68].

Общеизвестно, что этимологический анализ – наиболее трудная область историко-сравнительного языкознания. Поэтому множество разночтений и споров по вопросам этимологии отдельных слов, в особенности этнонимов, возникает также и в среде профессиональных лингвистов. Для анализа наиболее сложных проблем этимологии недостаточно использовать методы одной дисциплины, в данном случае – лингвистики.

Проблемы определения уральской и финно-угорской прародины

Междисциплинарный подход важно применять также и к определению уральской или финно-угорской прародины, частью которой является нынешняя этническая территория обских угров [33; 46. С. 87]. Дело в том, что известный

венгерской лингвист, академик П. Хайду (1928–2005) считал, что современная территория обских угров, располагающаяся в таежной зоне между Уральскими горами и нижним и средним течением Оби, являлась прародиной всех уральских народов. Однако, вслед за популярной концепцией Ф. П. Кеппена (1834–1908), прародину финно-угров зарубежные лингвисты традиционно локализовали в течение ста лет исключительно в Европе. П. Хайду делал особый акцент на то, что относительно финно-угорской эпохи лингвистически можно реконструировать название всего лишь одного дерева европейского широколиственного леса, а именно – вяза (лат. *Ulmus*; PFU **śala* > венг. *szil*). По его мнению, другие типичные деревья широколиственного леса тогда, якобы, не существовали на территории проживания древних финно-угров, потому что дуб и липа будто бы еще не появились в европейской части Урала [33. С. 143].

Таким образом, ничего не подозревая об Уральском рефугиуме широколиственных лесов, выявленном российскими учеными, П. Хайду сделал неверный вывод о якобы позднем появлении дуба и липы в европейской части Уральских гор лишь после распада финно-угорской общности из Центральной Европы, из района Карпатских гор, где тоже располагался один из рефугиумов европейских широколиственных лесов. Однако утверждения Хайду, за исключением финно-угорской этимологии названия дерева вяза (PFU **śala*), вызывают большие сомнения [45. С. 89]. Серьезные опасения в связи с этим возникают и потому, что, согласно методике финно-угристики, древними считаются исключительно лишь те слова, относящиеся к уральской или финно-угорской эпохе, которые можно выявить в настоящее время и во всех отдельных подгруппах этой языковой семьи. По нашему мнению, этот важный и часто успешный метод сравнительной лингвистики в отдельных случаях таит в себе возможность некоторых ошибок. Ведь отдельные слова могли исчезнуть сравнительно недавно вследствие климатическо-экологического влияния, как это случилось, например, с общим названием дуба у обских угров и венгров. А это может повлечь за собой воспроизведение неправильных в хронологическом отношении лингвистических реконструкций. В данном случае на основании того факта, что в современных языках обских угров отсутствует название дуба, а в венгерском (*tölgy*) оно имеет иранское (алано-осетинское) происхождение, лингвисты сделали далеко идущие, но неверные выводы относительно определения границы финно-угорской прародины [33. С. 144]. Ведь по новым пыльцевым данным известно, что дуб под климатическим влиянием исчез из Зауралья и Западной Сибири, то есть нынешней этнической территории хантов и манси, только сравнительно недавно, около тысячелетия назад [30. С. 234].

Другая крупная методологическая ошибка зарубежных лингвистов, занимающихся определением территории прародины уральцев и финно-угров, заключается в том, что не обращается внимание на то обстоятельство, что вяз в составе широколиственного леса Евразии всегда и везде распространяется именно вместе с дубом и липой. Это неоспоримый биологический факт палинологических исследований [30. С. 185]. Не говоря о том, что вяз сам по себе – одно из самых характерных деревьев этого типа леса. По нашему мнению, реконструкция названия вяза (*PFU *śala*) косвенно указывает именно на то, что

присутствие вяза обозначает обязательное наличие одновременно дуба и липы, а также дикой медоносной пчелы, следовательно и бортничества [46. С. 48]. В местах проживания южных групп обских угров путешественники и историки в XVII в. обнаружили диких медоносных пчел и описали лесное бортничество как один из видов деятельности этих племен. И в настоящее время на территориях хантов, проживающих в бассейне Средней Оби, также встречается липа [Ср.: 31. С. 243].

Новейшие данные палинологии и других дисциплин однозначно свидетельствуют о том, что лингвистическая палеонтология в Венгрии, Финляндии и Эстонии до последнего времени совершенно неправильно определяла восточные границы распространения широколиственного леса, и спонтанного распространения диких медоносных пчел, и архаического бортничества среди финно-угорских народов, прежде всего – ханты и манси. А поскольку именно такими были главные биогеографические аргументы при определении территории финно-угорской прародины, можно сделать вывод, что при установлении восточной границы исходного района древних уральцев и финно-угров, лингвисты, занимающиеся этой интересной проблематикой, ошибались, игнорируя основополагающие данные других наук.

Дело в том, что более новые палинологические исследования известного биолога Н. А. Хотинского и его учениц, В. С. Волковой и В. А. Белковой, убедительно доказывают, что рефугиум, то есть первоначальный центр распространения широколиственного леса, находился во время позднего палеолита и раннего голоцена на среднем и южном Урале [7. С. 28–42; 30. С. 299]. А это обозначает, что восточная граница распространения широколиственного леса не ограничивалась только западным, то есть европейским, склоном Уральских гор. Это сенсационное научное открытие русских ученых, несомненно, имеет большое научное значение, в том числе в финно-угристик. Значит, новые палинологические данные убедительно свидетельствуют как раз о том, что довольно рано, еще во время среднего голоцена, не только вяз и липа, но и дуб, проникли с Уральского рефугиума на восток, в Зауралье, приблизительно до среднего течения Оби. Из этого однозначно следует, что все типичные деревья широколиственного леса все-таки были известны в некоторых районах Западной Сибири минимум шесть тысяч лет тому назад, хотя западные исследователи до последнего времени категорически отрицали этот факт, как и эндогенность медоносных пчел на территории Зауралья. При традиционном определении границы прародины финно-угорских народов все перечисленные экологические факты не принимались во внимание в течение более ста лет, поэтому зарубежные ученые обычно придерживались традиционной точки зрения Кеппена, согласно которой исходная территория древних финно-угров располагалась якобы исключительно в Европе, в лесистом районе между Средним Поволжьем и Уральскими горами [33. С. 144].

К сожалению, первоначальный центр распространения широколиственного леса на Южном Урале на рубеже позднего палеолита и раннего голоцена до последнего времени не был известен в специальной литературе по финно-угристик. И это несмотря на то, что для биогеографического метода лингвистической палеонтологии ключевое значение несомненно имеет именно рефугиум вяза, дуба и липы, находившийся в начале голоцена в средней и южной части Ураль-

ских гор. Важно подчеркнуть, что со времени выхода в 1886 г. известной монографии Кеппена о финно-угорской прародине, где главным биогеографическим аргументом служило спонтанное распространение медоносных пчел только в Европе, зарубежные лингвисты совершенно не считались с тем фактом, что дикие медоносные пчелы постоянно пребывают в тесном симбиозе именно с липой [12. С. 143; 45. С. 47]. Просто не знали, что пчелы отдают предпочтение прежде всего именно цветку липы, хорошо известной в Зауралье и Западной Сибири на этнической территории обских угров.

Большой парадокс в истории изучения данной темы состоит в том, что даже исследователи, которые признавали произрастание липы в Сибири, в том числе и в Алтайских горах, были глубоко убеждены, что в Зауралье до рубежа XVIII–XIX вв. медоносные пчелы не были известны, как это категорически утверждалось Кеппеном и Радловым, родоначальниками популярной, но совершенно неверной концепции – относительно распространения медоносных пчел якобы исключительно только в Европе [Ср.: 31. С. 245]. Вследствие эмпирических и методологических проблем и неверных предположений широко утвердилось необоснованное мнение о том, что спонтанное распространение диких медоносных пчел совпадает именно с распространением дуба, который в настоящее время, действительно, известен в Восточной Европе лишь до Уральских гор, и название его полностью отсутствует сейчас у обских угров Западной Сибири. Это обстоятельство ввело в заблуждение многих ученых, пренебрегавших комплексным методом, хотя именно в этногенетических исследованиях интердисциплинарный подход крайне необходим.

Обратим внимание и на такие новые данные палинологии 1980-х гг., которые по разным причинам до сих пор не учитываются при определении уральской прародины финно-угорских народов [27. С. 132]. Новейшие научные результаты свидетельствуют о том, что довольно рано, уже во время климатического оптимума атлантического периода, когда наблюдалось максимальное распространение широколиственных лесов в Евразии как в западном, так и в северном и восточном направлениях, вяз, дуб и липа росли не только на Урале, но и намного восточнее, вплоть до среднего течения Оби. Несмотря на то, что лингвистам удалось убедительно реконструировать лишь название вяза (PFU **śala*) в эпоху финно-угорской общности, из этого, по нашему мнению, далеко не следует, что древние уральцы на своей прародине были знакомы исключительно и только с этим деревом широколиственного леса, как утверждал профессор П. Хайду [33. С. 146].

Другими словами, в начале среднего голоцена, около V тыс. до н. э., районы Зауралья и прилегающей юго-западной части Западной Сибири так же, как и сейчас, входили в зону широколиственных лесов. Этот интересный факт до сих пор не был известен зарубежным исследователям, занимающимся определением финно-угорской прародины исключительно традиционным методом лингвистической палеонтологии. Можно предположить, что ученых вводило в заблуждение то экологическое обстоятельство, что после климатического оптимума атлантического периода под влиянием природных изменений теплолюбивый дуб постепенно был почти полностью вытеснен из Западной Сибири.

Но это произошло лишь приблизительно тысячу лет назад, и, следовательно, общее название дуба исчезло из языков ханты и манси сравнительно недавно. Однако на угорской прародине, к востоку от Уральских гор, дуб несомненно был известен раньше. Таким образом, название дуба (PFP **tompä*) сохранилось лишь у финно-пермских народов, живущих к западу от Урала, в зоне европейских широколиственных лесов [33. С. 42; 45. С. 63]*. Не зная об этих важных экологических изменениях, лингвисты пришли к неправильным выводам: выдвинули ошибочную гипотезу о сравнительно позднем появлении дуба около Урала – хронологически после распада финно-угорской общности – якобы из района Карпатских гор, где располагался другой рефугиум широколиственных лесов (свою роль сыграло отсутствие лингвистического материала относительно названия дуба у угорских народов). Таким образом, современная экологическая обстановка необоснованно была распространена на далекое прошлое – на эпоху финно-угорской общности, то есть на несколько тысячелетий назад. Однако, принимая во внимание тот палинологический факт, что деревья дуб, липа и вяз на Урале в рефугиуме широколиственного леса были известны уже с начала голоцена, можно сделать следующий вывод. Несмотря на отсутствие в настоящее время лингвистического материала в угорских языках относительно дуба, тем не менее древним уральцам, а позже и финно-уграм, даже уграм на их прародине около Урала, все-таки был хорошо известен не только вяз, но и дуб, не говоря уже о липе. Дело в том, что эти типичные деревья широколиственного леса всегда распространяются вместе, и во время голоцена они составляли единый биоценоз, хотя границы их не всегда совпадали со стопроцентной точностью.

Таким образом, сопоставление лингвистического материала (PFU **śale*), с новыми палинологическими данными из монографии Н. А. Хотинского и ряда других работ, дает нам право существенно удревнить названия дуба, перенести его из финно-пермской эпохи в финно-угорскую, или даже в уральскую эпоху, хотя касательно этого факта непосредственные языковые материалы почти отсутствуют. Нашу гипотезу подтверждает не только само существование в южной части уральской, а позднее финно-угорской прародины рефугиума широколиственного леса, но и сохранение в юкагирском языке корня древнефинно-угорского названия вяза: *sāl* (*sāl* < PFU **śale*) в значении 'дерево', 'лес' (ср. И. Николаева), а в нгансанском – *салтэ* 'пень', ср.: манси *салт* 'ива' или 'липа' [14. С. 259].

Также особо подчеркнем, что дикие медоносные пчелы живут в тесном симбиозе с деревьями „европейского” широколиственного леса, который в Южном Зауралье частично проникает и в Сибирь. Нужно отметить, что пчелы предпочитают липу, и совершенно не любят дуб, цветы которого ядовиты. Из всего сказанного можно сделать вывод, что, вопреки мнению Кеппена и Радлова, дикие медоносные пчелы все-таки на несколько тысячелетий раньше рубежа XVIII–XIX вв. были довольно широко распространены в южной и средней частях Западной Сибири, включая и Зауралье, где и поныне встречаются липа и вяз.

* В этой связи здесь хотим поблагодарить В. В. Напольских. Он обратил наше внимание на исследование И. А. Николаевой, обнаружившей в юкагирском языке слово *sāl* (< PFU **śale* 'вяз') в значении 'дерево' > 'лес'.

Кроме того, до сих пор не обращалось должного внимания тому важному обстоятельству, что в Зауралье, южной части этнической территории обских угров, давно произрастают и ива, и береза, и тополь, а цветочная пыльца этих деревьев весьма привлекательна для диких медоносных пчел. Помимо всего этого, от профессиональных пчеловодов нам хорошо известно, что типичные деревья тайги также могут производить специальный материал для изготовления так называемого «таежного меда». По нашему мнению, везде, где есть цветы, есть и пчелы. Спонтанное распространение диких медоносных пчел ограничивается лишь единственным естественным фактором, а именно – длительностью зимы [45. С. 29; 46. С. 49].

Распад финно-угорской общности и древне-угорская этноязыковая общность

Финно-угорская общность вследствие экологических причин распалась, по-видимому, во вт. пол. III тыс. до н. э., когда из-за ухудшения климата 2600–2100 гг. Западно-Сибирская равнина начала интенсивно заболачиваться и параллельно с этим в значительной мере изменились границы географических зон [45; 46. С. 53–89]. На всякий случай большое значение имеет, что генетики выявили Y-хромосомы (мутация М 178), встречающиеся только в северо-восточных областях Европы. Возраст данной мутации – около 4000 лет, и его распространение отражает миграцию финно-угорских популяций с Уральских гор в сторону Балтики [17. С. 14].

Древне-угорская этноязыковая общность, возникшая в Зауралье после распада финно-угорской общности, имела андронидный культурный облик и, по-видимому, уральский антропологический тип. На основе лингвистических, этнографических, палеоклиматических и других данных можно считать обоснованным мнение В. Н. Чернецова (1905–1970) и К. М. Сальникова (1900–1956), согласно чему андронидный черкаскульский археологический комплекс бронзовой эпохи лесостепной полосы Зауралья и Западной Сибири около озера Черкас можно с большой вероятностью связывать этнически с древними уграми – общими предками венгров и обских угров [27. С. 158; 31. С. 223]. Этот вывод не противоречит дальнейшей этнической истории венгров, хантов и манси, которые вместе образуют отдельную ветвь финно-угорской группы уральцев, и соответствует результатам новейших исследований этногенеза названных народов [5. С. 9; 46. С. 89; 47. С. 284]. Однако после тысячелетнего сосуществования в конце бронзовой эпохи древние угры окончательно разделились на две ветви. В распаде угорской общности большую роль играли сложные эколого-климатические и культурные процессы на рубеже II–I тыс. до н. э. [44. С. 11. Ср.: 18. С. 98; 19. С. 33; 38. С. 43–45], решительным образом повлиявшие на дальнейшую судьбу древних угров, живших в бронзовую эпоху в контактной зоне широколиственного леса и степи, то есть в лесостепи Зауралья, около озера Черкас. Угорская этническая территория андронидной черкаскульской археологической культуры на юге Западной Сибири подвергалась дальнейшему заболачиванию в результате катастрофического изменения климата начиная с XII в. до н. э. –

а именно резкого повышения влажности в лесной зоне Северной Евразии. Это весьма важно для этногенеза всех угорских народов, а не только венгров, так как объясняет сложную проблему: почему к концу бронзового века в полосе лесостепи Зауралья везде фиксируется заметное сокращение численности крупного и мелкого рогатого скота, но при этом интенсивно возрастает число лошадей, размер которых в это время значительно уменьшился. Параллельно отмечается резкое увеличение роли охоты, которая у местного угорского населения даже в предыдущий период не имела такого большого значения [26. С. 105–106]. Все эти факторы подтверждают теорию о резком ухудшении климата Западной Сибири, указывают на глобальное ухудшение экологической ситуации на рубеже II–I тыс. до н. э. Неслучайно именно в Западно-Сибирской низменности сформировался самый крупный в мире район заболачивания. Угорское население Зауралья – то есть общие предки венгров, ханты и манси – проживавшее около озера Черкас, должно было соответственно отреагировать на климатические изменения. Древние угры-черкаскульцы вынуждены были либо приспособить хозяйственный быт к новой экологической обстановке, либо оставить эти земли и переселиться в другие области. Северная часть угров, предков манси и ханты, начиная с XII в. до н. э., постепенно, в несколько этапов, переселяется в бассейн Нижней и Средней Оби – на их современную этническую территорию [13. С. 245]. В этом процессе особая роль принадлежит угорскому населению усть-полуйской культуры (около V–II вв. до н. э.), которая характеризуется типичным степным звериным художественным стилем. На VII-ом Международном этнографическом и антропологическом конгрессе В. Н. Чернецов высказал мнение, что именно усть-полуйцы изобрели упряжное собаководство в циркумполярной зоне Евразии. Хотя венгерский профессор этнографии Б. Гунда отрицал эту концепцию, мнение Чернецова подтверждается тем фактом, что иранское название телеги – *szekér* – встречается не только в венгерском, но и в хантыйском языке: хантыйское слово *likar* обозначает 'сани' [48. С. 742]. Обские угры запрягают собак в сани, так же как ранее древние иранцы в лесостепной и степной зоне запрягали лошадь с помощью ремней на шее [46. С. 84].

Южная часть угров – предков венгров – мигрировала в это же время из лесостепного Зауралья на юг в степную зону Западной Сибири. По нашему мнению, именно это переселение протовенгров на юг отражает черкаскульская археологическая культура, которая между XII–X вв. до н. э. вклинивается в евразийскую степную зону, что было выявлено археологом Г. Б. Здановичем [11. С. 233. Ср.: 5. С. 9–11; 46. С. 67]. В евразийской степной зоне на рубеже II–I тыс. до н. э. происходили крупные, можно даже сказать, революционные хозяйственные изменения, зарождался новый, специализированный хозяйственно-культурный тип – кочевое скотоводство (номадизм). Однако примечательно, что около X в. до н. э. полуоседлая черкаскульская археологическая культура, которую К. М. Сальников в своей монографии этнически связывал с древними уграми, вдруг окончательно исчезла в степи [27. С. 179. Ср.: 11. С. 237]. Это явление гипотетически мы связываем с полным переходом предков венгров к кочевому скотоводству во время возникновения номадизма в евразийской степной зоне около X в. до н. э. Дело в том, что типичные кочевые народы либо не оставляют

археологических следов, либо оставленные ими археологические артефакты представлены лишь в минимальной степени [46. С. 98]. Необходимо подчеркнуть, что венгры – единственный народ среди финно-угорских этносов, который в ходе этногенеза переместился из лесной в степную зону, и там приобрел черты типичного кочевого этноса. Благодаря однобоко специализированному номадному скотоводству древние венгры исключительно далеко ушли от самой близкой к нему по языку группы, то есть обских угров, с которыми венгры имеют около четырехсот пятидесяти общих слов, а также общий корень этнонима **mańć3*. Однако, несмотря на языковое родство, антропологический тип современных обских угров и венгров сильно отличается друг от друга. Первый относится к уральской расе, а второй – к европеоидной. По мнению Чебоксарова, у хантов и манси можно выявить примесь европеоидного андроновского типа с ослабевающей тенденцией от юга к северу.

Как известно, влияние андроновского широколицего протоевропеоидного антропологического типа прослеживается в краниологическом комплексе венгров Среднедунайского бассейна X в. н. э., куда они попали как скотоводы-полукочевники около 895–900 гг. [5. С. 59; 42. С. 117–135, 149–160; 46. С. 37–53]. По мнению Г. Ф. Дебеца, андроновский антропологический тип как особый протоевропеоидный вариант формировался южнее Западной Сибири, в степях Казахстана и Средней Азии. Он превалировал среди племен – носителей андроновской культуры около XVIII–X вв. до н. э. Его можно четко отделить от соседней популяции срубной культуры бронзового века, принадлежавшей протоиранцам, которые представляли собой узколищный среди-земноморский вариант европеоидного типа [10. С. 198]. Население андроновской культуры I тыс. до н. э. стало антропологической субстратной основой этнического формирования ираноязычных савроматов и южных групп угров, то есть древних венгров, с XII–II вв. до н. э. [9. С. 16; 28. С. 187; 42. С. 115–189, 149–161].

Распад угорской языковой общности на рубеже II–I тыс. до н. э.

Несмотря на споры по вопросам хронологии андроновской культуры, российские археологи практически единодушны в датировке древнейших памятников, так что предлагаемая Е. Е. Кузьминой хронология андроновской культуры: с XVII в. по X в. до н. э. – может рассматриваться не только как наиболее современное и авторитетное решение, но и как усредняющая аппроксимация [15. С. 39–115]. Примечательно, что кочевничество, или номадизм, как узкоспециализированный хозяйственно-культурный тип, имевший большое историческое значение, формировался в засушливых областях евразийской степной зоны на рубеже II–I тыс. до н. э., то есть одновременно с распадом угорской языковой общности, во время кульминации ксеротермического климатического изменения [18. С. 96; 19. С. 33. Ср.: 38. С. 39, 46; 44. С. 11]. Причиной, которая вынудила предков венгров покинуть угорскую прародину, стало то, что их этническая территория интенсивно заболачивалась вследствие ухудшения климата голоцена и резкого повышения влажности в лесной зоне северной Евразии [30. С. 138. Ср.: 4. С. 25]. Это происходило начиная с XII в. до н. э., в то время как на юге, в евразийской

степной зоне, наоборот, засуха достигла апогея. Ксеротермический максимум, несомненно, способствовал возникновению кочевого скотоводства [18. С. 118; 19. С. 33; 30. С. 179. Ср.: 27]. Древние венгры активно участвовали в первом значительном общественном разделении труда, которое происходило на рубеже II–I тыс. до н. э. в степях Евразии, куда входила и южная часть Западной Сибири. По мнению выдающегося венгерского антрополога Т. Тота (1930–1992), длительный процесс формирования антропологического типа древних венгров начался с XII в. до н. э., их морфологический ареал локализовался в засушливом районе северного Каспия, между Нижней Волгой, Мугоджарами и Аральским морем, преимущественно на андроновском антропологическом субстрате [42. С. 117–135. Ср.: 18. С. 118; 19. С. 33]. Особенно интересно то, что группе древних венгров близок антропологический материал андроновской культуры Восточного и Центрального Казахстана, и особенно сарматов Нижнего Поволжья (Калиновка) и группы Южного Приаралья (Миздахкан) [42. С. 150–152]. Этот взгляд Т. Тота, поддержанный Г. Ф. Дебецем, – одно из основных достижений в исследовании этногенеза венгров [9. С. 13–22]. Согласно палеоантропологическим данным, с конца эпохи бронзы начинается проникновение различных групп уральского типа из лесостепного Зауралья в среду обитания северокаспийских степных племен. Археологический материал этого периода также свидетельствует о передвижениях племен лесостепного Зауралья с севера на юг, в среду североказахстанских племен степной зоны XII–VII вв. до н. э. [11. С. 150–184]. Однако не исключено, что дальнейшие археологические раскопки с целью конкретизации передвижения зауральских лесостепных южноугорских-древневенгерских племен в районы степной зоны могут дать еще много интересного материала. Поэтому заслуживают внимания новые исследования, которые доказывают факт миграции угров из лесостепной зоны Зауралья в Восточное Приаралье. Это подтверждается многочисленными находками на аридной территории керамических сосудов с зооморфными ручками, изображающих медведя, типичного для лесной зоны животного, которое занимает одно из центральных мест в культовой практике угорских народов лесной зоны [16. С. 189].

С учетом вышеизложенного можно утверждать, что наиболее многочисленная и репрезентативная часть иранских заимствований среди финно-угров обнаруживается именно в языке обско-угорских племен. Например, главный герой мифологии манси *Мир-суснѣ-хум* («За народом смотрящий мужчина») – седьмой сын Номи-Торума – имеет иранский образ Митры, имя которого в среднеперсидский период, по мнению специалистов, звучало как *Мир*. Необходимо обратить внимание и на статью В. Н. Чернецова о медвежьем празднике обских угров, опубликованную в венгерском этнологическом журнале «Acta Ethnographica». Автор в приложении сопровождал статью фотографиями из своего фильма, отснятого еще до второй мировой войны. В ходе перерисовки этих фотографий художниками, выяснилось, что традиционная одежда манси весьма близка к национальным костюмам среднеазиатских народов, имевших иранский этнический субстрат. На иранское влияние указывает и то, что антропологический вид древних венгерских кочевников вплоть до X в. н. э. имел ярко выраженный андроновский тип и формировался на территории северного Прикаспия

в XII–II вв. до н. э. Этот факт обосновал Т. Тот в своей докторской диссертации, защита которой состоялась в Москве в 1977 г. Указанный процесс происходил в довольно засушливом районе, как раз в центре возникновения евразийского кочевничества [Ср.: 18. С. 118; 19. С. 33] и доместикации коня. Его концепцию поддержал и Г. Ф. Дебец в статье «Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР» [9. С. 13–23, 149–161; 42. С. 134. Ср.: 18. С. 118; 19. С. 30]. По крайней мере, именно тогда, в эпоху ранних кочевников, начала формироваться венгерская система согласных на основе фонетических тенденций, весьма схожих с древнеиранским языком: $*p > f$, $*\delta > z$, $*k > h$ (χ), $*s > h$; в начале слов появились звуки b -, d -, g -, которые не являются характерными для других финно-угорских языков, кроме пермских, где эта фонетическая тенденция возникла, как и в венгерском языке, под иранским влиянием [5. С. 9; 47. С. 48]. Однако венгерский этноним никак нельзя считать иранским заимствованием I тыс. до н. э., как ошибочно утверждает Я. Гуйя.

В этой связи необходимо обратить внимание на то, что традиционная русская транскрипция [мадьяр] этнонима *magyar* [мадьар / *mad'ar*] с точки зрения лингвистики не совсем точно отражает произношение самоназвания венгров. Дело в том, что последний слог венгерского этнонима *magyar* передается в русской транскрипции как [-яр], в то время как фонетически следовало бы передавать его как [-ар], то есть этноним венгров в русской транскрипции должен обозначаться как [мадьар].

Это вовсе не мизерная фонетическая проблема, как кажется на первый взгляд. Она имеет принципиальное научное значение, особенно в тюркологии, по той причине, что русское правописание этнонима венгров в последнее время ошибочно связывают некоторые венгерские ученые с казахским названием *мадияр* ~ *maḍiyār* – то есть с сокращенной формой термина «Мухамедьяр». Таким образом, гипотеза Т. Тота и других исследователей, согласно которой названия типа *mad-i-yār* ~ *мадияр*, встречающиеся у тюркских народов на юге Западной Сибири и Средней Азии, связаны именно с венгерским этнонимом *magyar*, весьма сомнительна*. Антропологический тип венгров X в. на самом деле формировался в засушливом степном регионе Северного Прикаспья. В действительности, в случае казахского слова *mad-i-jār* ~ *мадияр* (*maḍyār*) речь идет об основателе исламской религии пророке Мухамеде, и это название ни в коем случае не следует путать с этнонимом венгров. На это обстоятельство обратил мое внимание тюрколог

* Недостаток фактических данных не позволяет точно установить зоны первоначального становления кочевничества. Лишь предположительно можно наметить два ареала, где разворачивался этот процесс: на Аравийском полуострове и в аридной полосе от Восточного Прикаспия на западе до Большого Хингана на Востоке. Северный предел этого ареала ограничивался лесостепью, южный – окрестностями Центрально-Иранского нагорья и Сулеймановыми горами. Можно полагать, что критические зоны находились здесь. В пустынных областях Южного Приуралья, Центрального Казахстана, Восточного Прикаспия, части степей Центральной Азии [18; 19. С. 33]. Антропологический тип венгров X века тоже формировался в засушливом степном регионе Северного Прикаспья, между Аральским морем, Нижней Волгой и горами Мугоджары – южным продолжением Урала [4. С. 19–48; 42. Ср.: 18; 19. С. 30].

Давид Шомфай-Кара. С его разрешения я опубликовал эту концепцию в венгерской этнографической литературе [46. С. 37–53]. Слово *яр* ~ *yār* в тюркских языках является иранским, то есть персидским заимствованием через арабский язык и обозначает 'любящий, друг'. То есть слово *мадьяр* < *madiyār*, иногда встречающееся в надгробных надписях казахов, обозначает лишь то, что лицо, захороненное в могиле, является правоверным мусульманином. Из всего этого можно сделать вывод, что известный иранист из Будапешта, профессор Янош Харматта (1917–2005) ошибался, когда, мягко говоря, голословно утверждал, что современный венгерский путешественник М. Бенке в 1990-х гг. якобы обнаружил на территории Юго-Западной Сибири, в Казахстане ассимилированные тюрками венгерские племена, называвшие себя *мадиар* ~ *madiyār*, предки которых когда-то остались в районе сегодняшней Башкирии. Здесь якобы их в XIII в., еще до монгольского нашествия, обнаружил монах Юлиан.

Не случайно, что в венгерском языке первоначальные земледельческие термины, а также термины, связанные с выращиванием крупного рогатого скота и производством молочных продуктов, заимствованы из тюркских языков чувашского типа. Во время существования Хазарского каганата, когда типичные кочевники-венгры еще не знали земледелия, они вынуждены были проживать в тесном хозяйственном симбиозе с полуоседлыми кочевниками-хазарами и булгаро-тюрками салтово-маяцкой археологической культуры в степях Северного Кавказа и Причерноморья [2. С. 238–269; 5. С. 15; 25. С. 189; 46]. Согласно письменным источникам, до 895 г. от основной части венгерского этноса отделилось несколько групп, одна из которых мигрировала в сторону Кавказа и осела на территории современной Армении, а другая часть осталась в районе Башкирии или западнее ее, где в XIII в. и обнаружил их венгерский монах Юлиан. На основе распространения погребальной маски нельзя реконструировать передвижения венгерских племен-кочевников в степной зоне, поскольку этот архаичный погребальный обряд является повсеместно распространенным с эпохи палеолита и мезолита от субтропиков до арктической полосы.

Таким образом, интердисциплинарные исследования являются сегодня важнейшим методом, позволяющим решать сложные эмпирические и методологические проблемы в области финно-угристики. В. И. Вернадский в свое время гениально предвидел, что грядущая наука будет внутренне выстраиваться не по дисциплинам, а по проблемам, и сегодня мы наблюдаем умножение проблем, которые в рамках лишь одной узкой научной специальности не могут быть даже корректно поставлены.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Багашев А. Н. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 250 с.
2. Вереш П. Т. Проблемы этногенеза финно-угорских народов и венгров // Acta Ethnographica. Budapest, 1984. С. 78–118.
3. Вереш П. Т. Хозяйственно-культурные типы и проблемы этногенеза венгерского народа // Проблемы типологии в этнографии. М., 1978. С. 28–42.

4. Вереш П. Т. Экологическая адаптация и проблемы этногенеза и культуры венгерского этноса // *Acta Ethnographica*. 1995. С. 19–48
5. Вереш П. Т. Этногенез и ранняя этническая история венгерского народа до 895–896 гг. н. э.: Автореферат. М., 1979. С. 1–12.
6. Вереш П. Т. Этнокультурное развитие древневенгерского этноса (до появления на современной этнической территории) // *Проблемы этнографии и этнической антропологии*. М., 1978. С. 43–56.
7. Волкова В. С., Белкова В. А. О роли широколиственных пород растительности в голоцене Сибири // *Papers of the Soviet Palynologists to the V. International Conference on Palynology*. Cambridge. М., 1980. С. 28–42.
8. Горчаковский П. Л. Растения европейских широколиственных лесов на восточном пределе их ареала. Свердловск, 1968. 287 с.
9. Дебец Г. Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // *Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии*. М., 1968. С. 13–22.
10. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М., 1952. 285 с.
11. Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988. 384 с.
12. Кеппен Ф. П. О первоначальной родине и родстве индоевропейских и угро-финских племен. СПб., 1886. 243 с.
13. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 234 с.
14. Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданов Ю. Ю. Русско-нганасанский словарь. СПб.: Наука, 2007. 437 с.
15. Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.–СПб.: Летний сад, 2008. 557 с.
16. Левина И. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М., 1996. 254 с.
17. Лимборская С. А., Хустундинова Э. К., Балановская Е. В. Этногеомика и геогеография народов Восточной Европы. М.: Наука, 2002.
18. Марков Г. Е. Кочевники Азии. М.: МГУ, 1976. 298 с.
19. Марков Г. Е. Кочевники Азии. URSS. М., 2010. 317 с.
20. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 286 с.
21. Напольских В. В. Uralic original home: history of studies. A preliminary review // Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 1. Ижевск, 1995. 48 с.
22. Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. 250 с.
23. Напольских В. В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // *Вопросы археологии Урала*. Вып. 25. Екатеринбург–Сургут, 2008. С. 14–25.
24. Напольских В. В. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилемм финно-угорской предистории) // *Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов* / Ред. Л. А. Наговицын. Ижевск, 1992. С. 40–67.
25. Плетнева С. А. От кочевий к городам. М.: Наука, 1967. 268 с.
26. Потемкина Т. М., Коронкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.: ПАИМС, 1995. 178 с.
27. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 289 с.
28. Смирнов К. Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964. С. 235.
29. Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М.: ИПА «ТриЛ», 1998. 288 с.
30. Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 248 с.

31. Чернецов В. Н. К вопросу прародины уральцев (финно-угров и самодийцев // I CIFU Будапешт, 1963 I. Nemzetközi Finnugor Kongresszus. Akadémiai Kiadó.
32. Gulya János. A magyarok önelnevezésének eredete. In: Kovács László, Veszprémy László (szerk.), Honfoglalás és nyelvészet. Budapest, 1997. Balassi Kiadó. C. 85–98.
33. Hajdú Péter. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie // Acta Linguistica 14. Budapest, 1964. 139–168 c.
34. Hevessy Gy. Magyar-munda-maori. London, Macmillan. 1935. 495 c.
35. Munkácsi Bernát. Árja és kaukázusi elemek a magyar nyelvben. Budapest, Akadémia. 1901. 489 c.
36. N. Witsens Berichte über die uralischen Völker. Studia Uralo-Altaica / Ed. by P. Hajdú., T. Mikola., A., Róna-Tas. VII. Szeged, 1975. Egyetemi Kiadó. 98 c.
37. Radloff Wilhelm. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Leipzig. 1883. 496 c.
38. Rudenko S. I. Studien über das Nomadentum. // Földes, L. (Ed by.): Wehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest, 1969. 34–45 c.
39. Serei Ch. The Linguistic Prehistory of Peoples Belonging to the Uralic Family of Languages // VIIIth Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Tokyo, 1970. 475–484 c.
40. Sokolowa S. P. Zur Frage der Entstehung der ethnographischen und territorialen Gruppen der Ob-Ugrier // Acta Ethnographica. Budapest. 1977. C. 109–128.
41. Tolszov Sz. P. Az ősi Horezm. Budapest, 1949. Akadémia Kiadó. 387 c.
42. Tóth Tibor. Az ősmagyarok genezisének szarmatakori etapjáról // MTA II. Oszt. Közleményei. Budapest, 1969. 115–189 c.
43. Uxbond F. A. (= Hevessy Gy.), Munda – magyar – maori. London, Macmillan. 1928. 487 c.
44. Veres Péter. A magyar nép etnikai történetének vázlata // Valóság. 1972. C. 1–14.
45. Veres Péter. Die frühe Phase der Ethnogenese der Finno-Ugrier und Sibirien // Specimina Sibirica 1. Pécs, 1988. 47–63 c.
46. Veres Péter. Mérföldkövek a magyar őstörténetben. Cédrus Művészeti Alapítvány–Napkút Kiadó. Budapest, 2009. 165 c.
47. Veres Péter. The Ethnogenesis of the Hungarian People. Problems of Ecologic Adaptation and Cultural Change. Occasional Papers in Anthropology. No. 5. Ed. by G. Vargyas. Budapest, 1996. 198 c.
48. Wolfgang Steinitz: Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. 7. Lieferung. Berlin: Akademie-Verlag.

Поступила в редакцию 17.02.2011

Péter Veres

Actual Problems of Interdisciplinary Research in the Field of Finno-Ugric Studies

Regarding the ethnogenesis of the Hungarians and of the related Finno-Ugric peoples, the most important and basic point is the territorial localization and chronological determination of the yet undifferentiated Uralic language family.

The Uralian 'Urheimat' was sought in a territory where the two kinds of forests intermix at. However, the essential mistake in this localization lies in the projection of the present position of the contact zone between the European leafy forest and the taiga into the remote past. This is a basically erroneous method since the contact zone of the two forests runs somewhere in the more inner areas of Western Siberia. The eastern border of the mixed forest in the Middle Holocene did not lie in Europe as it does now, but in the Western Siberian regions immediately adjoining the Urals where it extended as far as the Ob Basin. In all probability, the honey-bee

also spread from Europe to the Siberian region together with the trees of the mixed leafy forests. Palynological research has unequivocally demonstrated that in the Middle Holocene the trees of the European mixed leafy forest, including linden, spread from the European side of the Urals to the Asian slopes of the mountain, and had been present along with elm in the Middle Ob Basin for a long time. This would imply that the honey-bee reached Western Siberia together with linden. It seems that the joint occurrence of linden and honey-bee should not be neglected in the localization of the Finno-Ugric 'Urheimat'. The PFU *śala 'elm' is the only tree name that is a survival from the Finno-Ugric age. Its importance in the location of the ancient Finno-Ugric homeland has already been noted, but this is not a negligible point in terms of the Ugrian age, can only be located to an area where elm is indigenous. The Ugrian language community that included the ancestors of the Hungarians and ObUgrians had emerged sometime between 2600 and 2100 B.C., on the southern fringe of the Finno-Ugric ancient homeland, that is in the woodland steppe zone of Western Siberia. At the turn of the 2nd and the 1st millennium B.C., the southern Ugrian groups, the ancestors of the Hungarians – similarly to other peoples of the steppe – adopted a specialized and more advanced economy, a sort of a pastoral nomadic stock-breeding which made its appearance in the grassy prairie zone of Eurasia during this period at the time of worsening of the sub-Boreal climate. The transformation of the archaic economy in the eastern half of the Southern Urals had been influenced also by environmental changes, as reflected by the emergence of diverse ecotypes among the proto-Ugrians. This led to the final disintegration of this linguistic community. The complex economic and, also, ethnic differentiation processes occurred simultaneously with the ecologic changes, most probably in the transitional period between the Bronze Age and the Iron Age, in the course of the 12th and the 10th centuries B.C.

Keywords: Finno-Ugric language family, Uralian homeland, 'urheimat', refuge, verbal substantive, marriage class, phratry, moiety, dichotomic symbolic classification, Khanty, Mansi, Magyars, ethnicity, ethnonym, etymology, linguistic integration, proto-Ugric form, loanword, loan word, consonant cluster, symbiosis.

Петер Вереш,

ведущий научный сотрудник Института этнологии РАН

г. Будапешт

E-mail: veres@etnologia.mta.hu

Péter Veres

leading research associate, Institution of ethnology of HAS,

Budapest

E-mail: veres@etnologia.mta.hu

О Т З Ы В

УДК 82-95(=521.131)

В. М. Ванюшев

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ Т. И. ЗАЙЦЕВОЙ
«УДМУРТСКАЯ ПРОЗА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX –
НАЧАЛА XXI ВЕКА: ЧЕЛОВЕК И МИР, ЭВОЛЮЦИЯ,
ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ»**

В диссертационном исследовании Т. И. Зайцевой решается актуальная для современного литературоведения Удмуртии и Урало-Поволжья проблема нового осмысления законов развития удмуртской художественной прозы. Внимание автора сосредоточено на постижении образа человека и мира в удмуртской прозе 1960–2000-х гг. и нач. XXI в., изучении ведущих тенденций художественного раскрытия личности в произведениях национальных авторов. Рассуждения диссертанта созвучны обоснованной М. Бахтиным мысли о том, что человек является организующим содержательным центром художественного видения писателя. Исконной проблемой национального художественного сознания Т. И. Зайцева справедливо считает человека в его взаимосвязях с окружающим миром и наглядно показывает, что на каждом этапе развития удмуртской прозы они осмысляются по-разному, с помощью новых изобразительных средств и приемов.

Работа Т. И. Зайцевой отличается глубоким пониманием национального литературного процесса во всей его исторической сложности и противоречивости. Проанализирован обширный литературный материал, обобщен опыт многих критических статей и научных исследований в области национальной литературы, выработана и доказательно обоснована своя концепция развития удмуртской прозы вт. пол. XX – нач. XXI в. в аспекте теории «художественного человековедения». Не изолируя процесс исторического развития удмуртской прозы от общероссийской (и прежде всего русской литературы), автор диссертации акцентирует внимание на тех моментах, которые составляют основу национального своеобразия и национальной самобытности литературы. Существенны в этом отношении, к примеру, рассуждения о том, что «ценностный центр удмуртской художественной прозы, с которым соотносится все остальное, – человек, сформированный народными традициями и трудом на земле. То, что является силой удмуртской литературы, – ее близость к истокам народной жизни, – воспринимается, к сожалению, сегодня нередко как незрелость, наивность, отставание от европейской культуры» (С. 10). Этим ценностям и посвящена полемическая в своей основе диссертация Т. И. Зайцевой.

Для рецензируемой работы характерна хорошо продуманная композиционная организация материала, основательность в выборе художественных текстов, тщательный отбор научно-справочных сведений, обоснованность цитат и сносок. Работа основывается на добротной историко-теоретической базе, ее структура обусловлена решением выдвинутых автором целей и задач, раскрытием положений, выносимых на защиту. В ней нашли достойное отражение ведущие тенденции современного литературоведения, обращенные к разработке проблемы мира и человека «в его бытийном существе художественной реальности».

Отправной точкой диссертанта служит убеждение в жизненности национальной литературы, в ее способности к разнообразным модификациям, постоянному поиску адекватных времени художественных форм. Так, в первой главе «Удмуртская проза конца 1950-х – начала 1970-х годов: концепция мира и человека, типология конфликта, художественные открытия» через наблюдения над меняющимися подходами к человеку осмыслено творчество И. Гаврилова, Т. Архипова, Г. Красильникова, Р. Валишина. Т. И. Зайцева наглядно показала, как в прозе И. Гаврилова соотносятся социально-историческая и национальная концепции человека; как в повестях и романах Т. Архипова многомерность героя постигается через бытовой, производственный, исторический и семейный планы изображения. Произведения Г. Красильникова рассматриваются как новый этап развития удмуртской литературы: в них внимание художника сосредоточено на «внутреннем» человеке через приемы психологического анализа личности и окружающего мира.

Первую главу диссертации автор справедливо начинает с рассуждений о том, что эпические черты удмуртской прозы с наибольшей силой проявляются в периоды, наступавшие после крупных исторических событий в жизни народа и больших общественных катаклизмов. Анализируя удмуртский эпический роман 1960-х годов, она пишет: «Литература, приобщившись к движению истории и неся большую информацию о реалиях национальной жизни, не осмелилась затронуть тему беззаконий и сталинских репрессий, рассказать о трагически-противоречивой сути эпохи» (С. 34). Однако, продолжает далее автор, уроки панорамных романов эпопейного типа тех лет «не бесполезны» (С. 34). И их «сугубо негативная оценка невозможна» (С. 33). Т. И. Зайцевой удалось существенно оспорить расхожий тезис о «прямолинейной» идеологизации в произведениях советских удмуртских писателей, показать народно-национальную основу их формирования. В работе приводятся убедительные аргументы в пользу того, что «формы и приемы удмуртской советской классики складывались в непростых отношениях с фольклором, традициями народной культуры» (С. 33), или – «художественная система романа испытывает сильную зависимость от эстетической культуры фольклора» (С. 38).

Проследивая особенности развития художественного сознания нации, диссертант справедливо считает, что творчество удмуртских прозаиков-шестидесятников (Г. Красильников, Р. Валишин) отразило глубокий перелом в психологии народа, связанный с «оттепелью». Всесторонний анализ романа Г. Красильникова «Начало года», который также получает во многом новое наполнение по сравнению с общепринятым, представляет большой интерес. Создававшийся писателем на протяжении более десяти лет, роман отразил

трансформацию этого жанра в удмуртской прозе 1960–1970-х гг., а также эстетические, идейные, стилевые искания, происходившие в ней в целом. Тип героя-интеллекта, во многом обусловивший интеллектуализацию национальной прозы, в последующие десятилетия получил широкое воплощение в творчестве Г. Перовощикова, творчеству которого в работе Т. И. Зайцевой уделено самое пристальное внимание.

Во второй главе работы «Особенности миромоделирования в удмуртской прозе 1970-х – середины 1980-х годов» описаны социально-активный герой в романной прозе С. Самсонова, П. Чернова и Г. Перовощикова, рефлектирующий герой в повести Г. Перовощикова «Летний снег», фольклорные традиции образа героя и образа мира в рассказах Никвлада Самсонова, психологические принципы характеристики в малой прозе В. Сергеева и В. Коткова. Автор диссертации объективно подходит к оценке произведений «производственной» или «колхозной» тематики и делает обоснованные выводы о том, что, «создавая произведения на актуальную „местную“ производственную тематику, писатели так или иначе вставали перед необходимостью осмысления коренных проблем народной жизни, поиска новой образности, языкового многообразия, модернизации проблематики» (С. 121). Здесь особо оговорены принципы построения образа человека в малых эпических жанрах 1970–80-х гг. Это позволило автору показать, как в глубинах литературной практики «застойных» лет продолжалось интенсивное формирование новой художественной поэтики, адекватной новому времени и национальным особенностям.

Третью главу диссертации «Удмуртская проза на рубеже веков: в поисках национальной идентичности» отличает широта охарактеризованного материала. Наряду с анализом творчества признанных писателей (Г. Перовощикова, Никвлада Самсонова, О. Четкарева и др.) в работе хорошо представлен так называемый «периферийный» ряд литературы (документальные и мемуарные жанры, литературный портрет, беллетристика и др.), в силу ряда социально-исторических причин особо значимый для широкого круга современных читателей. Исследуя удмуртскую прозу перестроечных и постперестроечных лет, Т. И. Зайцева характеризует в ней многообразие повествовательных типов и жанровых модификаций, обращая внимание на важную проблему жанровых определений в текущем литературном процессе: не столько из-за неточности многих терминов и понятий, сколько вследствие структурно-стилевой сложности самих литературных произведений. В 1990-е гг. удмуртские авторы как бы заново открыли человека, «я-удмурта», сделав акцент на осмыслении роли личности в историческом процессе. На первое место, временно потеснив художественные произведения классического типа, вышли жанры документальной прозы. Диссертантом верно замечено: «Сконцентрированная на рассказе о жизни ярких представителей народа в переломную эпоху, документалистика с особой силой воссоздает своеобразие духовного склада нации» (С. 211). Последовательно выявляя ведущие линии в творческих исканиях удмуртских документалистов, Т. И. Зайцева наглядно демонстрирует, что их произведения являются в одно и то же время исследовательским и писательским трудом. Особую значимость диссертант придает формотворческой функции документа в произведениях удмуртских писателей, способствующей взаимодействию национальной литературы с наукой, что благоприятствует обновлению

традиционных жанров и одновременно подтверждает их жизнеспособность в новых исторических условиях. Замечание автора работы об укреплении в национальной прозе позиции традиционных повествовательных жанров в связи с усилением в ней элемента документализма, представляется весьма важным, так как в настоящее время именно художественно-документальная проза, сохраняя верность реалистическому способу изображения действительности, явно противопоставит уходу молодых авторов, увлеченных постмодернистскими образцами, от правдивого изображения народной жизни.

Эстетически жизненными и структурообразующими для удмуртской прозы 1990–2000-х гг. охарактеризованы в работе фольклорные модели в построении таких произведений, как повесть Никвлада Самсонова «Рок», повести О. Четкарева «Сиз да голубь» и «Петля», его роман «Расколота луна». Глубинный анализ этих текстов позволил Т. И. Зайцевой сделать ряд существенных выводов об особенностях поэтики современной удмуртской прозы, о ее философской наполненности и месте человека в структуре художественного целого. Диссертант убедительно показывает, что обращение удмуртских писателей к приемам условности, метафоричности делает картину мира в национальной прозе по-новому объемной и сложной, представляя человека в его всесторонней обусловленности природой, общественной средой, исторической памятью. Знаменательно, что фольклорные или мифотворческие тенденции в современной удмуртской прозе воплотились в произведениях, основанных на авторской приверженности к родовому началу. Существенны и ценны наблюдения Т. И. Зайцевой, касающиеся обращения удмуртских писателей к проблеме памяти (мемуарно-биографическая проза Г. Романовой, А. Конюховой и др.): их интересует не деградация рода, как, к примеру, в европейском классическом романе о поколениях, но сосредоточение на вопросах связи времен, развития национального сознания, передачи нравственных ценностей из рода в род. Как прямой отклик на веяния эпохи осмыслено и характерное для современной удмуртской прозы обращение к нравственным ценностям, лежащим в основе христианского мировоззрения. Концептуальны рассуждения автора работы о духовных исканиях удмуртской прозы, подкрепленных конкретными литературными фактами, в данном случае в центре ее внимания находится литературное творчество о. Михаила, дьякона православной церкви, члена Союза писателей России М. Г. Атаманова.

Проследив достаточно подробно характер и направление идейно-художественных поисков Г. Перевощикова на различных этапах развития удмуртской литературы, в том числе и последнего времени, Т. И. Зайцева приходит к выводу об утверждении в современной национальной прозе новых принципов художественного освоения действительности и человека. Преломляя через повесть Г. Перевощикова «В пору цветения земляники» и его рассказ «Леший» существенные черты и признаки текущих художественных процессов, автор диссертации стремится осмыслить перспективу дальнейшего развития удмуртской литературы. Значение повести «В пору цветения земляники» Т. И. Зайцева справедливо видит в открытии Г. Перевощиковым нового для удмуртской прозы героя-интеллекта, в перенесении во внутренний мир человека ведущей коллизии, воспроизведенной в ключе философского романа «подведения итогов». На

основе анализа рассказа «Леший» диссертант показывает, что активное обращение удмуртских писателей к разнообразным условным приемам связано с поисками более емкой и яркой художественной формы для утверждения значительных нравственных постулатов, философских выводов. Формообразующим началом в познании литературой современного мира и человека продолжает оставаться гуманистическая направленность творчества ведущих удмуртских писателей. Это убедительно показано в работе Т. И. Зайцевой. И это хочется подчеркнуть.

Диссертационная работа Т. И. Зайцевой представляет собой завершенное исследование, результаты которого имеют как теоретическое, так и практическое значение. Предложенный в работе комплекс идей, наблюдений и выводов необходим для выработки нового подхода к изучению истории удмуртской литературы, осмысления типологических связей финно-угорских литератур и национальных литератур Урало-Поволжского региона в постсоветском культурном пространстве. Практическая значимость исследования связана прежде всего с учебно-преподавательской деятельностью в вузах и школах республики и за ее пределами. Работа может быть использована в общих и специальных курсах в рамках филологии, культурологии, краеведения и др.

Автореферат и публикации отражают основные положения и содержание рецензируемой диссертации.

Отмечая несомненные достоинства и сильные стороны рецензируемой диссертации, есть смысл сделать некоторые критические замечания и рекомендации, которые могут быть учтены в дальнейшей научно-исследовательской работе:

1. Нить к новым явлениям в удмуртской прозе 1990–2000-х гг. в диссертации справедливо «протянута» через творчество Г. Перевощикова. Между тем, трансформационные процессы особенно явственно проступают и в произведениях В. Ар-Серги, таких как повесть «Тулкымъёс вылын пыжед» («На волнах твоя лодочка», 1993), роман «Уй вадъсын бубылиос» («Над ночью – бабочки», 2000), повесть «Пичи пи но Полкан» («Мальчик и Полкан», 2005) и рассказы. Было бы целесообразно в третьей главе остановиться на творчестве этого известного удмуртского автора.

2. В диссертационной работе Т. И. Зайцевой новый этап в развитии удмуртской литературы 1960-х годов верно связывается с творчеством Г. Красильникова и Р. Валишина. К сожалению, крупные жанры Р. Валишина остались вне поля зрения исследователя. И хотя автор пишет, что валишинские повести уже проанализированы удмуртскими литературоведами и критиками, однако под углом зрения обозначенной в рецензируемой диссертации проблемы произведения этого писателя еще не рассматривались. Более того, именно творчество Р. Валишина до настоящего времени остается в удмуртском литературоведении пока слабо изученным.

3. Во втором параграфе – «Историко-документальная проза: специфика и возможности» – третьей главы диссертации в ряду художественно-документальных произведений называется книга Н. Кузнецова «Из мрака». В ходе дальнейших рассуждений Т. И. Зайцева убедительно показывает, что анализируемые ею произведения удмуртских документалистов вполне могут быть отнесены к различным видам художественно-документальной повести. Однако книгу Н. Кузнецова «Из мрака», состоящую практически из фактического материала, вряд ли можно характеризовать как жанр, относящийся к художественной литературе.

4. Сильной стороной диссертации Т. И. Зайцевой является приводимый ею «критический» контекст эпохи (дискуссии, круглые столы и т.д.), в котором создается литература. Но применительно к текущему литературному процессу этот фон значительно ослаблен. К примеру, можно было обобщить и проанализировать материалы острой дискуссии вокруг экспериментального романа С. Матвеева «Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс» («Повествования, украденные у рыбы», 2005), в которой были подняты очень важные и актуальные вопросы современного состояния и перспектив развития удмуртской литературы и культуры.

5. Читая в общем убедительную, аргументированную работу диссертанта, задаешься все же вопросом, не слишком ли категоричны суждения, принижающие художественную значимость повестей «Белая ворона» и «Жестокосердие» Г. Перевощикова («не выходит за пределы одного трагического случая»; «история героев не вписана в широкий социальный контекст, их действия и поступки получают в тексте большей частью лишь биологическую мотивацию», с. 340)? И чем объяснить анализ сильных, нравственно-философских произведений того же автора, как повесть «В пору цветения земляники» и рассказ «Леший», высоко оцениваемых и автором диссертации, в контексте «периферийной» области литературы, наряду с произведениями «самодельных» писателей (В. Агбаев, Н. Никифоров, Г. Мадьяров...) (С. 340; С. 39 автореферата)? Является ли это принципиальной позицией диссертанта или композиционный просчет?

6. И еще одно замечание – уточняющего характера. Характеризуя творчество Никвлада Самсонова, диссертант иногда называет его «В. Самсонов» (см., напр.: С. 175, 284 диссертации; С. 23, 32 автореферата). Это запутывает читателя. Хотя настоящее имя автора произведений («Рок» и др.) Владимир Яковлевич, но известен он как прозаик Никвлад Самсонов (такой псевдоним объясняется тем, что в удмуртской литературе уже был Владимир Самсонов).

Высказанные замечания носят частный характер и не умаляют научной и практической значимости полученных результатов диссертанта. Т. И. Зайцевой удалось реализовать цели и задачи своего исследования. Поставленная проблема получила квалифицированное раскрытие на должном филологическом уровне. Содержание автореферата и публикации отражают основные положения диссертации.

Диссертационная работа Татьяны Ивановны Зайцевой «Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: человек и мир, эволюция, особенности художественного воплощения» отвечает требованиям п. 8 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденных ВАК Министерства образования и науки РФ, предъявляемым к докторским диссертациям, и ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (финно-угорская).

*Главный научный сотрудник отдела филологических исследований
Удмуртского института истории, языка и литературы
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор филологических наук, профессор
В. М. Ванюшев*

Поступила в редакцию 7.04.2011

Ю Б И Л Е И

НАШ ЮБИЛЯР – ПРОФЕССОР ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ ТУГАНАЕВ

В 2011 году исполняется 70 лет Виктору Васильевичу Туганаеву. За пройденными годами – прожита большая жизнь! Можно, конечно, сказать просто: родился, учился, работал, как и все, – но это значит ничего не сказать. И все же, в с. Алнаши в удмуртской крестьянской семье родился он – 28 февраля 1941 года. Как и все дети войны, 1939–1945 годов рождения, он хлебнул суровое время военного и послевоенного лихолетья. Между тем его детство, отрочество и юность были органично вписаны в мир нетронутой природы. Он научился тонко чувствовать ее дыхание, колыхание, ритм, энергию... Его привлекало все: цветочный луг с его яркими красками лета, темный лес с его прохладой и таинственностью, бескрайнее желтое поле пшеницы с его «морскими переливами». И звезды на небе не ускользали от его пытливого взгляда. И вот уже вместе со школьными товарищами он конструирует телескоп (!), чтобы воочию «пощупать» звезды и разобраться в звездном небе, узнать, есть ли там жизнь и какая она! Позднее этот интерес получит развитие и отразится в цикле его статей и книг, посвященных фундаментальным проблемам происхождения и эволюции мироздания и роли космоса. В одной из книг (Координаты жизни. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1999. 146 с.) космогоническая составляющая занимает видное место в авторской картине мироздания. Интерес к непознанному и поныне остается главной чертой личности В. В. Туганева.

Со школьных лет он увлекается сбором растений – так появляется его первый гербарий, и – записывает все... в дневник, который начал вести с 6 класса. Ежедневные записи для него становятся правилом, которому В. В. Туганев следует до настоящего времени.

Стремление стать первооткрывателем и путешественником вело его в походы по деревням своего района – в любое свободное время, что особенно интересно, когда рядом такой друг, как Володя Иванов. По прошествии лет Владимир Лазаревич Иванов станет известным специалистом-цветоводом и учителем Поршурской средней школы Увинского района. А тогда они вместе исколесили весь Алнашский район, побывав в 69 населенных пунктах! Путешествовали не просто ради любопытства, а собирали гербарий, внимательно всматриваясь в безграничный мир живой природы. Впоследствии в собранных В. В. Тугане-

вым растениях известный и замечательный флорист Т. П. Ефимова обнаружит несколько новых для Удмуртии видов растений.

Интересы школьных лет без колебаний определили дальнейшую судьбу В. В. Туганаева: по окончании Алнашской средней школы он в 1958 г. поступает в Удмуртский государственный пединститут (ныне УдГУ) на факультет естествознания. В студенчестве еще больше связывает свои интересы с постижением растительного мира. Продолжает ряд открытий: самое известное – когда в 1962 г. на территории Сарапульского района в д. Соколовка он обнаружил и собрал несколько экземпляров растений американского пришельца колломии линейной. В настоящее время это самое рядовое растение в Среднем Поволжье и Предуралья, а в те времена практически не было известно для России. Сообщение о находке появилось на страницах академического журнала.

На старших курсах студенчества В. В. Туганаева поглощает такая сложная проблема, как многообразие видов растений на территории Удмуртии, а именно: происхождение и развитие ее флоры. Он разрабатывает оригинальную классификацию ареалов видов растений, которая увидит свет, когда он будет уже аспирантом.

По окончании учебы в пединституте (1963) его оставляют на кафедре ассистентом, через год (1963–1964) он поступает в аспирантуру Казанского университета (1964–1967), его научный руководитель один из авторитетных ботаников – д. биол. н., проф. М. В. Марков. Научные изыскания В. В. Туганаева и будущая кандидатская диссертация его посвящены изучению закономерностей флоры и луговой растительности пойм рек Удмуртии. Здесь и пригодилась разработанная им схема классификации ареалов – студенческая работа, которая составит его научную публикацию. С помощью этой схемы и полученных количественных данных диссертант смог показать специфику флоры малых и больших рек. Оказалось, что поймы крупных рек, таких как Вятка и Кама, во флористическом отношении как бы «предваряют» природу территорий, расположенных южнее, в то время как поймы малых рек флористически отражают природу северных регионов. Что же касается исследований луговой растительности, то этим важным хозяйственным объектом Удмуртии до В. В. Туганаева никто не занимался.

Завершив луговую тематику, аспирант 3-го года обучения, по настоянию своего руководителя, переключается на изучение агрофитоценозов посевов и посадок культурных растений. Его флоро-геоботаническими исследованиями был охвачен весь Волжско-Камский регион площадью более 100 тысяч кв. км. Выявляются закономерности современных агрофитоценозов, изучается история земледелия, его основные культурные растения и засоренность полей. В. В. Туганаев находит поддержку не только у ботаников, прежде всего – у своего учителя, проф. М. В. Маркова, у профессоров И. Х. Блюменталя (ЛГУ), Т. А. Работнова (МГУ), П. В. Юрина (МГУ), д. б. н. В. П. Иванова (Ин-т физиологии растений АН СССР, Москва), но и у историков (проф. А. Х. Халиков, Казань). Итогом явилась докторская диссертация на тему «Флоро-геоботанические закономерности и история агрофитоценозов Волжско-Камского края», представленная к защите в 1977 г. В период этих исследований В. Туганаев успел проработать ассистентом и доцентом в Казанском госуниверситете (1967–1974), в УдГУ, в должности до-

цента кафедры ботаники и физиологии растений (1974). Для завершения работы над докторской диссертацией в 1974 г. он был принят на должность старшего научного сотрудника в ЛГУ (ныне СПбГУ) и в 1978-м успешно защитил докторскую диссертацию. В 1980 г. В. В. Туганаеву было присвоено ученое звание профессора. Материалы диссертации нашли отражение в монографии «Агрофитоценозы современного земледелия и их история» (М.: Наука, 1984).

В многочисленных трудах (включая диссертации) В. В. Туганаев последовательно разрабатывал концепцию зарождения земледелия в Волжско-Камском регионе. Его основные идеиследующие:

- начало возделывания полевых культур в Среднем Поволжье и лесном Предуралье связано с подсечно-огневой системой;

- в эпоху раннего и развитого средневековья в лесостепной и лесной областях Восточной Европы регион становится одним из развитых в земледельческом отношении;

- в эпоху похолодания, в так называемый «малый ледниковый период» (XVI – начало XIX вв.), в период расселения русских в Вятские и Камские земли местные земледельцы стали осваивать паровую систему земледелия в виде трехполья;

- во вт. пол. XIX в. и в первые десятилетия XX в. трехполье уступило место многополью.

И еще много других фундаментальных выводов и закономерностей, раскрывающих историко-земледельческие связи Средневолжско-Камского края с районами древнейшего земледелия, сделаны ученым.

О научных работах В. В. Туганаева, о превосходном качестве собранных им геоботанических материалов высоко отзывались И. Х. Блюметаль (статья в академическом «Ботаническом журнале», 1977, № 1), проф. Б. М. Миркин (Уфа) и другие ученые.

Виктор Васильевич Туганаев – прекрасный лектор и удивительный педагог. Курсы, читаемые им в Удмуртском университете по ботаническим и экологическим дисциплинам, отличаются живостью подачи, оригинальными примерами из научного и жизненного опыта, наполнены глубиной вскрываемых и обсуждаемых проблем. А сколько подготовлено им студентов-дипломников, выполнявших работы по ботаническим и экологическим темам! В его научно-педагогическом активе два доктора и десять кандидатов биологических наук.

В трудовом багаже В. В. Туганаева – большой опыт административной и общественной работы. 34 года заведования кафедрой: из них с 1976 по 2005 год он возглавлял кафедру ботаники и физиологии растений, а до 2010 года кафедру общей экологии, где по настоящее время занимает профессорскую должность. Четыре года работал в должности декана, 11 лет был проректором УдГУ по научной работе. В течение 10 лет возглавлял Совет по защите кандидатских диссертаций (специальность 03.00.16 – «Экология», Удмуртский государственный университет), был членом Совета по защите докторских диссертаций (специальности 03.00.16 – «Экология» и 03.00.05 – «Ботаника», Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург (Свердловск)). В настоящее время – член Совета по защите докторских диссертаций по специальностям «Экология» и

«Ботаника» в Казанском государственном университете. Состоял членом редакционного Совета журнала РАН «Экология», членом Президиума Головного Совета по биологии и биотехнологии при Министерстве образования и науки РФ. Трижды избирался депутатом Ижевского городского Совета народных депутатов РФ. Делегат XXVI съезда КПСС (1981). Член Координационного совета по проведению дней экологической безопасности и – Комиссии по присуждению Государственных премий Удмуртской Республики.

Наконец, нельзя не сказать о деятельности В. В. Туганаева в популяризации научных знаний, в организации и проведении научных конференций и совещаний, а также в издании тематических сборников. Он автор ряда научно-популярных книг для детей дошкольного и школьного возраста, а также для широкого круга читателей: «Коля знает 50 растений, а ты?» и «Вновь о Коле», «Встречи с зелеными друзьями», «Зеленые спутники человека», «Зеленый дом и его обитатели», «Инопланетянин в нашем городе» и многие другие, которые учат не только познавать Зеленый мир, но и бережно относиться к нему, поддерживать его экологическое благополучие. Линия общения его с читателем продолжается в республиканских и местных газетах, в выступлениях по республиканскому радио и телевидению. В 2001 г. В. В. Туганаев удостоился титула «Зеленый человек» и стал вторым в славной гильдии «зеленых».

Главным итогом его творческой деятельности, помимо научных и научно-популярных печатных работ, публицистических заметок и высказываний в журналах и газетах (их насчитывается свыше 350, в том числе – 22 книги), является организация изданной в 2001 г. первой фундаментальной энциклопедии «Удмуртская Республика». В ней он принял самое непосредственное участие как главный редактор и как автор ряда статей. Позднее под его же руководством в 2008 г. вышло 2-е издание этой энциклопедии. Без его инициативы и энергии вряд ли появилась бы «Красная книга Удмуртской Республики», а так же ряд книг, посвященных природе Ижевска, флоре и растительности Удмуртии. Не хватит ни места, ни времени охватить всю многогранную и неувядающую деятельность длиною в жизнь. Однако будет не лишним указать вершинные результаты его достижений:

- доктор биологических наук (1979)
- профессор (1980)
- заслуженный деятель науки УАССР (1980)
- отличник Высшей школы (1989)
- заслуженный деятель науки РФ (1993)
- лауреат Государственной премии УР (1993, 2001)
- лауреат премии Правительства УР (1999)
- Президентская стипендия РФ (1994–1996)
- Академик международной Академии информатизации (1994)
- Академик международной Академии экологии и безопасности жизнедеятельности (1997)
- Академик Академии Удмуртской Республики (с 1998)
- почетный гражданин г. Ижевска (2005)
- почетный житель Алнашского района (2009)

-
- медаль «За вклад в наследие народов России» (2002)
 - медаль им. Н.И.Вавилова (2009)
 - включен в персоналии энциклопедий: «Лучшие люди России» (2007) и международных, издающихся в Германии и Швейцарии (2010)
 - основатель одной из научных школ Российской академии естествознания (2009)
 - Почетные грамоты Совета Министров УАССР (1991), Министерства образования УР (1992), Комитета по науке, высшему и среднему профессиональному образованию РФ (1996), Министерства лесного хозяйства УР (1999).

Желаем нашему юбиляру, профессору Виктору Васильевичу Туганаеву, долгих творческих лет, дальнейших успехов в неугомонной, неустойчивой и многогранной деятельности, передачи педагогического опыта и научного мастерства молодежи, которая его окружает – от школьников до докторантов.

*Канд. б. н., доц. кафедры общей экологии
В. А. Шадрин*

**ПРОФЕССОРУ,
НАРОДНОМУ ХУДОЖНИКУ УДМУРТИИ
С. Н. ВИНОГРАДОВУ – 75 ЛЕТ**

Удмуртия – уникальный регион, сохранивший свою древнюю аутентичную культуру. Эта удивительная среда породила немало выдающихся людей, среди которых – художник, Семен Николаевич Виноградов, приблизившийся к своему юбилею.

Он родился в д. Шайтангурт Алнашского района 27 января 1936 г. С детства наблюдал старинные обычаи и обряды, дошедшие из глубокой древности, слушал рассказы стариков. Это произвело большое впечатление на будущего художника и стало неиссякаемым источником вдохновения. Одним из первых в 1960-е гг. он понял, какие бесценные сокровища национальной культуры сохраняют порой неграмотные деревенские бабушки и дедушки. Обучение в Казанском училище, а затем в Московском художественном институте помогло Семену Николаевичу найти образные средства для выражения того, что переполняло его душу. Каникулы он обычно проводил в родной деревне и даром времени не терял: он зарисовывал все, что казалось интересным. А потом для односельчан устраивал выставки. Они узнавали на его картинах окрестности Шайтангурта, лица своих соседей, девушек, собирающихся на праздник. В качестве дипломной работы он представил картину «Праздник весны», сюжет которой связан с окончанием весенней пахоты. «Гыронбыдтон» – так называется этот праздник, имеющий языческие корни. Крестьяне совершают ритуальные обряды, готовят особую выпечку, надевают праздничную одежду. К созданию этой картины художник готовился долго. Писал этюды на природе – поле, деревья, женщин в праздничных нарядах, освещенных ярким весенним солнцем. Очень помогала жена – часами, надев платье из домотканины, она стояла, порой согнувшись в неудобной позе: художнику необходимо было точно зафиксировать движения женщин, расставляющих угощение на расстеленных на траве полотнищах ткани. Из этих зарисовок родилась композиция картины, солнечной, по-настоящему праздничной. Особую нарядность ей придают сочная зелень травы и деревьев, яркие наряды женщин. Картина понравилась московским наставникам, была ими высоко оценена и экспонировалась на всесоюзной выставке дипломных работ. Успех объясняется во многом новизной темы, искренней любовью художника к своему народу, пониманием уникальности его культуры. По окончании института С. Виноградов начал преподавать в Ижевске на художественно-графическом факультете пединститута

и одновременно работать в Удмуртском научно-исследовательском институте языка, истории, экономики. Обучение студентов, работа над картинами и научные статьи, экспедиции – все это требовало много сил и времени. И Семен Виноградов работал с полной самоотдачей, что принесло свои плоды. Произведения молодого художника регулярно показывают на больших выставках: сначала – региональных «Большая Волга», а затем и на всероссийских. Особо была отмечена критиками картина «Отчий дом»: светлая, просторная изба, украшенная домоткаными коврами, вышитыми полотенцами, цветами на окнах. За цветастой занавеской, разделяющей комнату, видны ткацкий станок и работающая за ним хозяйка. Розовые, оранжевые, голубые – они словно сошли с ковров, вытканых деревенскими мастерицами. Картина показала, что в искусство пришел художник со своей темой, своим пониманием задач творчества. В дальнейшем появляются работы «Пельнянь», «Табани». Обычные бытовые сюжеты, связанные с приготовлением пищи, стали для художника поводом показать бытие своего народа, его жизненную философию и ценности. Сам Семен Николаевич начал трудиться с семи лет: время было военное, каждая пара рук, способная хоть что-то делать, была нужна. Мальчик дергал лен, помогал его бить, стелить. Стал постарше – боронил, возил снопы. Мозоли на руках и премию за свою работу – полотняную рубашку – помнит до сих пор. Времена были голодные, недоедали все. Видимо, поэтому пределом мечтаний деревенского мальчишки была покупка бочки меда. Так представлял он себе счастливую жизнь. Но с течением времени появилась другая мечта – стать художником. К счастью, она исполнилась. Деревенский мальчик, с его несомненной одаренностью, а главное, высокой степенью упорства, шел к своей цели и выдержал все испытания, встававшие на пути. Сейчас С. Н. Виноградов – профессор, народный художник Удмуртии. Он продолжает творчески работать и обучать мастерству студентов. За плечами – насыщенная творческими поисками и удачами жизнь: десятки созданных им произведений хранятся в Музее изобразительных искусств УР, многие разошлись по миру, другие ждут своего часа в мастерской.

Среди его работ – картины, посвященные историческим событиям, портреты современников и известных в прошлом людей. Это и образ первой удмуртской поэтессы (врача по профессии) Ашальчи Оки, и пламенного защитника удмуртских крестьян на Мултанском процессе – русского писателя В. Г. Короленко, и А. Н. Радищева, проезжавшего в ссылку по удмуртской земле – по Сибирскому тракту. А еще был в его жизни удивительный случай. Несколько лет назад на волне перестроечных событий занесло в Ижевск людей аж из самой Франции. Интересовались они удмуртским искусством и потому оказались в мастерской Семена Николаевича. Смотрели, удивлялись и восхищались. А потом приобрели целую кипу его эскизов, этюдов, набросков. Для чего? Оказалось, что в центре мирового искусства разучились работать в реалистической манере. И нужны его эскизы в качестве учебного материала для художественной школы. Вот так профессор из Удмуртии французам «нос утер». Похоже на легенду, но это чистая правда.

*Искусствовед, член Союза художников России,
заслуженный деятель искусств УР
Валентина Оскаровна Гартиг*

**ЕГО МУЗЫКА ПРИНОСИТ РАДОСТЬ:
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
КОМПОЗИТОРА АЛЕКСАНДРА КОРЕПАНОВА**

Имя композитора Александра Германовича Корепанова вошло в музыкальную культуру Удмуртии в конце 1970-х гг. К этому периоду относятся его крупные сочинения для симфонического оркестра, опера «Мятеж» (1980), написанная в соавторстве с Германом Корепановым, балет «Соловей и роза» (1988), музыка которого приобрела широкую известность благодаря концертным исполнениям.

Значительную часть его сочинений представляют произведения для фортепиано: соната в трех частях, концертное аллегро, сюита для двух фортепиано, транскрипции из оперы «Мятеж», а также педагогический репертуар для детей: циклы «Детям», «Альбом первоклассника», Семь легких пьес, «Фортепианная тетрадка».

В жанрах хоровой музыки композитором созданы «Университетская кантата» для солиста хора и оркестра (слова Е. Лабынцевой), «На БАМе», для хора а капелла (слова В. Яковлева), сюита «Мир детства» для детского хора с фортепиано (слова Г. Ходырева), хоровой цикл «Разные мысли» в сопровождении фортепиано (стихи В. Владыкина). К жанрам камерной вокальной музыки относятся песни, романсы, обработки народных песен. Написаны также произведения для духового оркестра и камерные ансамбли, например, «Маленькая сюита для домры и баяна», «Шесть удмуртских народных песен в обработке для скрипки и фортепиано», «Народные мелодии для брасс-квинтета» и другие сочинения.

Александр Германович Корепанов родился в 1951 г. в семье композитора Германа Афанасьевича Корепанова. Прадед по материнской линии Капитон Леонтьевич Исаков был искусным оружейником, за отличную работу он был награжден специальным наградным кафтаном.

С детских лет Александр Германович был погружен в волшебный мир звуков. Одно из самых ранних воспоминаний – утреннее пробуждение под чарующие звуки музыки отца. Поначалу Саша не собирался стать музыкантом. Как многие мальчишки, он любил играть в шахматы, кататься на велосипеде (даже хотел стать шофером), коллекционировал марки, монеты, значки. Много читал. Особенно сказки, приключения, фантастику (сочинения Вальтера Скотта, Фенимора Купера, Стивенсона, Джека Лондона). И все же музыкальная среда

дала о себе знать. За то, что он постоянно напевал какие-то мелодии, его прозвали Санькой-композитором.

В музыкальной школе не учился из-за слабого здоровья. Частные уроки по фортепиано проходили дома. С нотной записью будущий композитор был знаком примерно с 12 лет: когда вся семья переписывала оркестровые голоса Первой симфонии Г. А. Корепанова, в чем Александр принимал активное участие.

Учеба в Ижевском музыкальном училище была для него серьезной школой: два года – на дирижерско-хоровом отделении, после чего отец перевел его на теоретическое отделение. В те годы Александр вместе с однокурсниками посещал камерные концерты, концерты традиционного фестиваля им. П. И. Чайковского, ежегодно проходившие в Большом зале Дворца культуры машиностроителей. Тогда же он по совету отца начал писать рецензии на концерты. Работать приходилось ночью – утром передавал готовую статью в редакцию газеты.

На старших курсах училища появились первые собственные произведения, созданные им под руководством отца. Это – пьеса для скрипки и фортепиано, первая часть сонаты для фортепиано, обработка удмуртской народной песни и три миниатюры для фортепиано. Александр Германович считает, что процесс сочинения – это всегда нелегкий труд, но в процессе работы он ощущает два пика наслаждения: первый – в самом сочинении музыки, второй – на премьере. Со временем восторженность угасает, более видимыми становятся недостатки, появляется чувство неудовлетворенности. Но произведение, вынесенное на суд публики, начинает жить самостоятельной жизнью, и автор, расставшись с ним, ищет новые идеи.

Учеба в Казанской консерватории (1971–1976) расширила круг музыкального общения и сблизила Александра Германовича с талантливыми педагогами. Наставниками были: по классу композиции А. З. Монасыпов, А. Б. Луппов, по классу инструментовки Н. Г. Жиганов. В это время – посещение многих спектаклей, концертов классической музыки. Творчество Бетховена, Малера, Прокофьева было для Александра Германовича примером высокого искусства. Эти пристрастия близки ему и сейчас. Он любит слушать архивные записи, одно сочинение в записи разных исполнителей: «Хорошо темперированный клавир» И. С. Баха, 32 сонаты Бетховена в исполнении Э. Гилельса, Г. Нейгауза, симфонические произведения в исполнении оркестра под управлением Е. Мравинского, Е. Светланова, К. Кондрашина, А. Тосканини. Любимые произведения Александра Германовича – 5 симфония Бетховена, 6 симфония Чайковского, 9 симфония Д. Шостаковича, 7 симфония Прокофьева, оперы Моцарта, Верди, Римского-Корсакова. Без «звучания» музыки А. Г. Корепанов не представляет своей жизни.

С Казанской консерваторией, которая открыла свои аудитории для студентов всех народов Поволжья, вероятно, связано формирование, осмысление и изучение национальных традиций. Здесь поддерживалась мысль Д. Шостаковича о равенстве перед лицом истории «всех национальных музыкальных традиций, об опасности нивелирования под европейский стандарт, а также изоляции искусства того или иного народа и пренебрежения к нему».

Каков взгляд Александра Германовича на народную песенную культуру? Прежде всего, это взгляд современного художника – за свободное обращение с

отдельными элементами фольклора. Как писал Р. Щедрин, «сейчас, мне кажется, мы уже подошли к той стадии, когда современная нотация, современные способы интонирования, инструментовки открывают перед композиторами возможность почти стенографически точно изложить не только, скажем, мелодический рисунок или ритмическое сопровождение, но и малейшие высотные изгибы подголосочных линий, и всю мелизматику, которой так насыщено народное музицирование».

В аннотациях сочинений А. Г. Корепанова читаем: «использована удмуртская народная тема», «использованы 4 народные песни», «использованы удмуртские народные мелодии». Невольно вспоминаются слова Б. В. Асафьева: «Из попевок образуются звенья, каждое звено может быть распето, стать широковетвистой мелодией. Словом, как и в живой речи, любое суждение способно вырасти в цепь фраз, стать рассуждением».

В творчестве А. Г. Корепанова ощущается особый интерес к подвижным элементам фольклора, которые свойственны хороводным, плясовым напевам. Однако ритмическое разнообразие фольклорных истоков, их стилевые особенности, различие приемов включения фольклорных элементов в творчество еще не рассматривались музыковедами-аналитиками.

Новые современные черты в творчестве А. Г. Корепанова проявляются в жанровом, интонационном строе его музыки. Можно говорить об интонационной полижанровости. Например, музыка балета «Соловей и роза» звучит в симфоническом исполнении, транскрипция вокальной мелодии Г. А. Корепанова звучит в сочинении «Мелодия для трубы с оркестром». Композиционная полижанровость особенно характерна для камерных ансамблей, где крупное сочинение называется «Мелодия для кларнета», «Песенка для брасс-квинтета», «Музыка для трубы».

Образ раскрывается у него в многообразии состояний, ситуаций (иногда – словно в «быстром беге»), характеризующих современную жизнь. В то же время, ощущается близость к театральным (порой – сказочным) персонажам. Возможно, работа над сказочным балетом «Соловей и роза», а также детский мир приключенческой литературы, которой увлекался А. Г. Корепанов, повлияли и на выбор сюжетов, и на последующее творчество для детей. Музыкальной «речи» свойственны лаконизм высказывания, острая ритмическая составляющая и звуковые контрасты (пиано–форте).

Следует отметить широту взгляда Александра Корепанова на весь художественный процесс: следование традициям Стравинского и Прокофьева, композиторов «Казанской школы», внимание к фольклорным истокам. Широта породила индивидуальность в прочтении всех тем, к которым обращается композитор.

Неразрывны связи Александра Корепанова с творчеством отца, с его музыкальным мышлением, музыкальными интересами. Ряд произведений написан им в соавторстве, как, например, опера «Мятеж» (1980), сюжет которой основан на остродраматических событиях Гражданской войны на территории Удмуртии. Другие сочинения отца Александр Германович выводит на концертную эстраду в собственной редакции (так прошла премьера Концерта для скрипки с оркестром Германа Афанасьевича Корепанова). Творческий творческий союз ярко проявился при создании Государственного гимна Удмуртии. Вот его предыстория. В 1952 г.

Герман Корепанов написал песню «Родная Кама-река» («Родной Кам шурмы») на стихи С. Широбокова. Она сразу широко зазвучала, и композитор предполагал создать на ее основе фортепианный концерт. Однако сделать это Герман Афанасьевич не успел.

В 1992 г., когда был объявлен конкурс на создание Государственного гимна Удмуртии, Александр Германович сразу выбрал эту мелодию отца. Песня характеризует национальный удмуртский характер, его мягкость, доброжелательность, широту. К тому же, творчество Германа Корепанова – своеобразный символ музыкальной культуры республики, его эмблема. В соответствии с требованиями конкурса Александр Германович сделал клавирный вариант и партитуру для симфонического и духового оркестра. 4 ноября 1993 г., в день государственности Республики, Гимн был утвержден в качестве государственного символа и впервые исполнен. В 1994 г. в Большом зале Московской консерватории Российский национальный симфонический оркестр осуществил запись Государственного гимна Удмуртии. С тех пор, он каждое утро звучит по радио. За создание гимна А. Г. Корепанов был удостоен Государственной премии УР.

С творчеством отца связаны работы Александра Германовича и в области текстологии, то есть издания нотных текстов с глубокими предисловиями. Предмет, границы, задачи текстологии применительно к музыковедению еще далеко не выявлены, и ее иногда отождествляют с «источниковедением». Однако задачи текстологии – не только издавать тексты, но и изучать музыкально-исторический процесс в новом, более глубоком разрезе. В истории русской музыки можно назвать работы В. Протопопова над творческим наследием Глинки, работы П. Ламма по редакции опер Мусоргского. В этой редкой для музыковедения области у нас успешно работают А. Г. Корепанов и Ю. Л. Толкач – в связи с изданием партитуры Первой симфонии, оперы «Наталь», «Скрипичного концерта» и других сочинений.

Одним из самых ярких музыкальных номеров балета «Соловей и роза» можно назвать «Большой вальс», который передает всеобщее оживление в ожидании праздника. Интересно, что в инструментальном творчестве Александра Корепанова вальс («Большой вальс», «Грустный вальс», «Сюита вальсов для домры и фортепиано») имеет свои особенности. Он воплощается автором как крупное, полновзвучное, торжественное произведение. Одно из лучших концертных сочинений подобной тематики – «Грустный вальс».

Концерт для фагота с оркестром (1990) открывает новую страницу в симфоническом творчестве Александра Германовича. Композитор тонко передает природу солирующего инструмента, как чувствует оркестр. В «Концерте», в партии солирующего фагота, слышится и песенный скерцозный тематизм (1 ч.), и элегичность (2 ч.), и светлая маршевость (3 ч.).

Большую известность обрели фортепианные сочинения Александра Корепанова. Глубокое знание немецкой и русской фортепианной литературы, фортепианных сочинений Германа Корепанова привело его к поискам индивидуальных черт фортепианного творчества. Можно отметить стремление к многообразию стилистических приемов, интересному образному (современному, живому!) процессу «развертывания мыслей». «Фактура фортепианных произведений

А. Корепанова удивительно пианистична и в то же время эффектна: в процессе работы над сочинением автор учитывает специфику инструмента и уровень возможности исполнителя», как отметила исследователь Е. Л. Хакимова.

А. Г. Корепанов – председатель Союза композиторов Удмуртии. Его усилия направлены не только на создание хорошей атмосферы для творческого общения композиторов, но и на популяризацию их сочинений, развитие активной концертной деятельности. С 1997 г. А. Г. Корепанов заведует музыкальным отделением Удмуртского государственного университета. Его сочинения звучат в концертах, входят в программы учебных предметов.

Сочинения А. Корепанова используются (как учебный материал) в школах и колледжах Удмуртии. В Воткинском колледже педагог М. Б. Пауль проводит вечера «Золотая лира Удмуртии», где звучит музыка А. Корепанова. В Глазовском педагогическом институте разработана программа «Музыка», в которой сочинения А. Корепанова занимают должное место.

Роль и значение композиторского и педагогического творчества А. Г. Корепанова в музыкальной (шире – культурной) жизни нашей Республики трудно переоценить. Пожелаем юбиляру новых творческих замыслов и свершений.

*Кандидат искусствоведения
Голубкова Ариадна Николаевна*

*Преподаватель средней специальной музыкальной школы
при Республиканском музыкальном колледже
Седельникова Вера Григорьевна*

**Финно-угорский научно-образовательный центр
гуманитарных технологий УдГУ**

Создан в 2007 г.

Место нахождения Центра: 426043, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2, ауд. 104.

Руководитель: А. В. Ишмуратов.

Цели деятельности центра: исследование, разработка и внедрение в общественную практику современных гуманитарных технологий, способствующих развитию финно-угорских этносов.

Задачи деятельности Центра: развитие финно-угорской культуры, интеграция научно-исследовательских проектов профессорско-преподавательского состава, занимающихся культурологической тематикой; координация научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава университета, занимающихся культурой финно-угорских народов для комплексного решения возникающих проблем этноса; выработка рекомендаций по использованию созданных технологических наработок для внедрения в учебный процесс университета и управленческую практику регионов с компактным проживанием этносов; поиск, обоснование, описание и создание современных гуманитарных технологий социального, экономического и личностного самовоспроизводства этноса; установление контактов с заинтересованными государственными и негосударственными структурами и их руководителями по развитию культуры финно-угорских народов.

Структурные подразделения Центра

Название	Руководитель	Цели
Лаборатория социальных и этнокультурных практик	А. В. Ишмуратов, к. пед. н., доцент, директор ФУ НОЦ ГТ	Исследование, разработка и внедрение в общественную практику современных и этнокультурных технологий, способствующих развитию финно-угорских сообществ, среды их обитания и системы жизнеобеспечения
Лаборатория лингвистического картографирования и исторической лексикологии	Р. Ш. Насибуллин, д. филол. н., профессор	Составление Диалектологического атласа удмуртского языка и продолжение работы над Лингвистическим атласом Европы (ЛАЕ)
Лаборатория по изучению мифопоэтических традиций в литературе и культуре	А. С. Измайлова-Зуева, д. филол. н., профессор	Изучение, пропаганда литературы и искусства народов Удмуртии, внедрение их в практику, учебный процесс в форме учебников, учебно-методических пособий, подготовка фото-, аудио- и видео материалов, а также создание их электронных версий
Лаборатория-мастерская «Крезь»	С. Н. Кунгуров, зав. кафедрой оркестровых инструментов, доцент	Создание ресурсно-методического центра по восстановлению, изготовлению и реставрации традиционных финно-угорских музыкальных инструментов

Уважаемые коллеги!

**Приглашаем вас к сотрудничеству в издании
«Ежегодника финно-угорских исследований»**

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Процессы социальных изменений – технологии развития финно-угорских этносов

- Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
- Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
- Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
- Особенности менталитета финно-угорских народов

II. Проблемы развития финно-угорских этносов

- История и перспективы развития финно-угорских языков
- Тенденции развития финно-угорских литератур
- Историко-культурное наследие финно-угорских народов
- Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата А4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа – 2 см, сверху – 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал – одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 стр. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 стр. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий – 1–5 стр.; для рекламы – 0,5–1 стр. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1. С. 5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК) (11 шрифт, прямой светлый);
инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);
название статьи (11 шрифт, жирный строчной);
аннотация статьи (3–5 предложений – 10 шрифт, прямой светлый);
ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);
текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте – 11 шрифт, жирный курсив);
примечания (10 шрифт);
поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт);
инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);
название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной);
аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);
ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);
сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – 10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место работы. Страна. Город. E-mail – 10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример:* Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно – УдГУ, в Гербарии УдГУ и т.д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034 Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ), ком. 104
тел./факс: 8 (3412) 52-61-83
e-mail: rvkir@mail.ru

Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. глав. редактора)

Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 2

Под редакцией *Н. И. Леонова*

Составители – *А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова*

Дизайн обложки – *Л. Н. Загуменова*

Оригинал-макет – *Н. Ю. Юрпалова, И. В. Широбокова*
(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 7.06.2011. Печать офсетная.
Формат 70х108/16. Усл. печ. л. 13,82. Уч.-изд. л. 11,56.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет»
426034 Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru